

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 2, 2010
фия

Филосо-

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Баябина*, *О. Я. Литвак*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*
обложка *Р. Е. Круглов*

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Первый иваново-вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) **3**

Философия ноосферы

Дмитревская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы **9**

Смирнов Д. Г. Живая ноосферная история (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) **25**

Жульков М. В. Проблемы сознания, субъективного фактора и коллективного разума в трудах Н. П. Антонова **36**

Разов О. С. Информационные аспекты эволюции ноосферы **42**

Нагнибида И. Ф. Кризис экспансионизма как этап эволюции ноосферы **55**

Философия устойчивого развития

Брагин А. В. Проблема «массы Разума» и устойчивость развития **59**

Усманов С. М. Революционная катастрофа и перспективы устойчивого развития в диалогах С. Н. Булгакова «На пиру богов» **67**

Карнаева Е. А. Правовой потенциал Конституции РФ как основа для разработки концепции устойчивого развития **72**

Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф **74**

Юбилейные Антоновские чтения **93**

Памяти коллеги **114**

Аннотации **116**

Сведения об авторах **122**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **123**

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 2, 2010

Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

- G. S. Smirnov*, Doctor of Philosophy
T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy
D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Editorial Staff:

- Publishing House Director *L. V. Mikheeva*
Editors *M. B. Balyabina*, *O. Ya. Litvak*
Technical Editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *T. B. Zemskova*
Cover *R. E. Kruglov*

CONTENTS

The first philosopher in Ivanovo-Voznesensk
(to the 100-th anniversary of professor
N. P. Antonov) 3

Philosophy of noosphere

Dmitrevskaya I. V. Communicative space of
noosphere 9

Smirnov D. G. Alive noospheric history
(reading the «Philosophical fragments» of
N. P. Antonov) 25

Zhulkov M. V. Problems of consciousness,
subjective factor and collective mind in works of
N. P. Antonov 36

Razov O. S. Informational noosphere evolution
aspects 42

Nagnibida I. F. The crisis of expansionism in the
evolution of the noosphere 55

Philosophy of sustainable development

Bragin A. V. Problem the mass of Reason and
sustainable development 59

Usmanov S. M. Revolutionary catastrophe and
perspectives of sustainable development in the
dialogues by S. N. Bulgakov «On the Gods’
Feast» 67

Karnaeva E. A. Legal potential of the Constitu-
tion of the RF as the basis for the elaboration of
the sustainable development concept 72

Smirnov G. S. Noosphere in a global
catastrophes century 74

Anniversary Antonov’s readings 93

To the memory of the colleague 114

Summaries 116

Information about the authors 122

*Information for the authors of “Ivanovo State
University Bulletin”* 123

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2010. Вып. 2. Философия**

Подписано в печать 18.11.2010 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ПЕРВЫЙ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ФИЛОСОФ
(к столетию профессора
Николая Павловича Антонова)

В каждом вузе есть легендарные фигуры, которые на протяжении длительного времени определяли его интеллектуальное развитие. В Ивановском государственном университете к таким знаковым персонам относится профессор Николай Павлович Антонов.

Он родился в 1909 году в Иваново-Вознесенске и может рассматриваться как первый профессиональный иваново-вознесенский философ. Детство и юность ученого прошли в деревне Никульское, расположенной на высоком берегу Нерли — реки, символизирующей древнюю историю нашей страны, той ее части, которая и сейчас называется владими́ро-суздальской. Складывание характера и образа мысли будущего советского профессора происходило в сложном культурном котле, каковым являлся промышленный город Иваново-Вознесенск, при этом архетипы его культурности проистекали из деревенско-сельской укорененности.

Н. П. Антонов — не столичный, а провинциальный профессор-философ. В нем оказалось слишком много корневого и самостийного, очень много того принципиально-человеческого (слишком человеческого), что приводило к его, как бы сейчас сказали, «маргинальности». Он, как о нем иногда говорили коллеги, «попал в струю», но по большому счету никогда не был несомым как щепка, он находил свою особую траекторию обхождения

препятствий «социалистического бытия», всегда оставляя за собой право оценивать степень разумности того народно-социалистического идеала, который, видоизменяясь и развиваясь, определял его социально-философское, политическое и социологическое сознание.

Провинциальный мыслитель — это не формула игры на понижение, это установление самого точного по своей сути социокультурного феномена, который следует изучать не в контексте конъюнктурного «охаивания», а как предмет очень непростого анализа. Думается, что фундаментальная противоречивость и почти сверхсистемная самосложность являются для такого рода фигур исходной позицией экзистенциально-философской рефлексии. Дело в том, что чаще всего анализ творчества того или иного философа дается либо через онтологический аспект социально-биографического описания, либо через художественно-чувственный контекст личностного бытия. Но есть еще и другая формула персоналистической реконструкции — почти фантастическая аналоговая рефлексия, наполненная историко-метафорическими и социокультурно-метафорическими коллажами постмодернистских версий репрезентации личностно-персоналистического бытия. Пожалуй, лишь такой вариант размышления может помочь войти во внутренний «жизненный мир» мастера.

Главный вывод, к которому непреднамеренно приходишь, стараясь понять советскую «книгу перемен», заключается в том, что в советской истории всегда находились персонажи, которые не столько разрывали ее, не столько рыли котлован вражды и розни времен и эпох, сколько нащупывали единство и неразрывность трагического бытия родины, попавшей в вихри времен и турбулентности истории. Такие личности всегда являются персонажами ноосферной истории. Именно таким ноосферным воплощением представляется сейчас фигура профессора Н. П. Антонова. Сколько бы ни велись разговоры о том, что «Антонов устарел», «Антонов — вульгарный материалист», нельзя уйти от ощущения действительного человеческого преодоления жестокобытия железного XX века, века, после которого образ мира в формах актуальной человеческой одушевленной воплощенности изменился значительно сильнее, нежели изменилось русское искусство при переходе от классики к модерну или от авангарда к советскому искусству. Сгоревшая история человеческой субъективности российского XX века сродни разбитому на самые мелкие осколки зеркалу российской хронотопной культурности. Но очень важно для понимания смысла и интенций регионально-провинциальной культурности, что в водоворотах безжалостного времени сохраняются исконные личности, несущие в себе яркие примеры подлинного народно-русско-советского бытия — «советского дазайна».

Философское месторазвитие

Современная Ивановская область в значительной степени территориально связана с тем региональным пространством, которое издавна называлось «Замосковский край», геополитически это своеобразный «медвежий угол», где таились не только люди, но — главное — идеи, которые по каким-либо причинам не могли прижиться в стольном городе Москве. Положение территории в излучине Волги от Плесского плеса до плеса Пучежского лучше всего может быть обозначено русской поговоркой — «у Христа за пазухой». Однако главное в этой фразе — не материальное благополучие (как иногда

принято считать), а духовная составляющая, ибо жить с Богом в формах личностного, а не только государственного измерения — очень сложная социально-историческая миссия.

Уникальность религиозной жизни края, огромный интерес к мировой культуре, «социальная мобильность» странничества, специфика понимания народной (советской) демократии, общинно-соборной жизни и социальной справедливости создали особое региональное мировоззрение, которое и сейчас рассматривается как модель толерантного жизнебытия в формах техносциального эволюционного развития.

Естественно, что жизнь в условиях сталинского самодержавия наложила очень сильный отпечаток на сознание Н. П. Антонова, но стержень его мировоззрения (и это становится видно именно сейчас, по прошествии двадцати пяти лет со дня смерти философа) — социально-материальная и духовно-нравственная культура Замосковского края, великими знаками которой являются и протопоп Аввакум, и кинорежиссер-философ А. А. Тарковский. Поразительным образом в философе Антонове воплотились оба эти архетипа: с одной стороны, одержимость идеями справедливости, здраво-разумности, русскости, а с другой — трагическое, до ностальгичности, понимание глобальности бытия в его переломных точках.

Миры советской интеллигенции

Жизнь Н. П. Антонова уложилась во временной промежуток, который может быть обозначен словами «от одного застоя к другому». 1909 год — год рождения — почти предтеча году 1913-му (как считается, самому благополучному для России году), а 1985-й — год смерти — самый рубежный для России XX века, может быть, именно об этом времени Н. П. Антонов мечтал всю свою сознательную жизнь, может быть, он больше всего сделал именно для того, чтобы сменилась модель государственного и общественного управления. Вряд ли он ожидал, что скоро придут 90-е годы с их «социальным inferно», — он думал о том, что русский мир вдруг изменится в лучшую — разумную и ноосферную — сторону. Для советской интеллигенции (а Н. П. Антонов действительно принадлежал именно к этой не очень значительной по численности, но очень важной по сути части развитого советского общества) понимание ответственности перед народом и страной было главным императивом бытия, сравнимым с религиозными заповедями.

Понимание глубинного смысла жизни и судьбы Н. П. Антонова неразрывно связано с метаисторией российско-советской империи XX века. Ее испытания на прочность мало чем отличались от испытаний татаро-монгольским игом, польско-шведской интервенцией начала XVII века, а затем каждовекowymi иноземными — французскими, немецкими и, наконец, общеевропейскими — нашествиями.

Весьма интересно попытаться проанализировать геополитическое мышление Н. П. Антонова. Оно носит геополитический характер не столько в узком смысле слова, сколько в широком: духовная составляющая оказывается на первом месте. Это не случайно прежде всего потому, что так называемая русская ментальность — ментальность с приматом духовно-справедливости — дополняется тем духовно-религиозным провинциальным контекстом, который неотрывно присутствовал в иваново-вознесенском сознании ученого-философа. По самому большому счету именно ощущение причаст-

ности к миру нового (не застывшего, а интенсивно развивающегося) сознания-разума заставляло его принимать вызовы интеллектуальной подвижности, духовной неуспокоенности: его жизнь в Ленинграде, пребывание в Польше, самарско-поволжский, московский, новосибирский периоды, наконец, возвращение на иваново-вознесенскую родину — все это свидетельства особого миро-провинциального модуса укорененности, глобально-ноосферного сознания...

Насколько высок был уровень культурно-интеллектуальной жизни в Иваново-Вознесенске в начале XX века, можно хорошо проследить по материалам журнала «Наша родина — Иваново-Вознесенск». Однако то, как формировался стиль мышления будущего философа, сейчас, конечно, очень трудно не только восстановить, но и домыслить. Но есть факты, которые хотя бы в некоторой степени могут пролить свет на эти особые духовно-нравственные и культурно-интеллектуальные корни иваново-вознесенского философского сознания.

К началу революционной эпохи будущему правдоискателю было уже 8 лет. Это означает, что самый интенсивный период развития прошел в условиях того старого Иваново-Вознесенска с его мощным рабочим классом, ощущением огромного по тем временам города (нынешний Иваново всего в два раза больше, нежели Иваново-Вознесенск предреволюционной поры). Очень важно учитывать, что переход к власти Советов в Иваново-Вознесенске совершился очень естественно и спокойно, он был подготовлен всеми теми событиями, которые произошли в годы первой русской революции. Складывается впечатление, что Н. П. Антонов с самого начала своей деятельности находился под обаянием того ощущения, которое выражено словами о «третьей столице» — сознания того, что «пролетариат питерский, московский и иваново-вознесенский» (В. И. Ленин), взятый как высококультурный слой российского общества, поставлен историей в условия ответственности за ход мировой социальной революции, — это сознание обеспечивало духовно-деятельностную пассионарность будущего философа. В разговорах с Н. П. Антоновым это не проявлялось, но в его поступках ощущение мировой привязанности его личностного бытия было и ощущалось всегда.

Главное качество, которое, на наш взгляд, было сформировано Иваново-Вознесенском в личности Н. П. Антонова, — это общекультурная масштабность, мирокультурность. Это свойство обнаруживало себя в культурно-собирательской деятельности Д. Г. Бурылина, и не вызывает никакого сомнения, что Н. П. Антонов был знаком с краеведческим музеем, выросшим из потрясающей по миромасштабности коллекции иваново-вознесенского мецената. Будущее философское мышление формировалось в купели не только быто-пролетарской, но и бытийно-религиозной культурности (которая была характерна для высших классов иваново-вознесенского общества). Прежде всего, следует сказать, что «высший класс» Иваново-Вознесенска был пронизан не только (и не столько) духом наживы и накопления, но и общинно-религиозным сознанием, которое было характерно для логики развития культурного (а не догматического) староверческого мироощущения. Концепт культуры старой веры в духовных интенциях большинства иваново-вознесенцев проявляет себя как особая стратегия мировоззрения, мироотношения и миропостроения.

К гуманистической ноосферной глобалистике

Философский путь профессора Н. П. Антонова в кратком изложении может быть представлен как переход от философии сознания к философии ноосферы и движение от диалектического исторического материализма к гуманистической ноосферной глобалистике. Он не был «невъездным» или «зашоренным», как иногда сейчас изображают советских философов: преподавал в Польше, Венгрии, ГДР, переписывался с европейским философом-неотомистом, публиковался за рубежом, входил в состав редколлегии одного из двух самых крупных философских журналов страны — «Философские науки». Н. П. Антонов принимал участие в создании новосибирского Академгородка — одного из ярких проявлений свободной науки в СССР, смог привлечь значительные силы философов и ученых для «ноосферного прорыва» — проведения в Иванове в 1983 году первой в России философской ноосферологической конференции.

Н. П. Антонов стоял у истоков формирования региональной философской школы. К числу его учеников-аспирантов относятся наши земляки Р. Г. Яновский (бывший ректор Академии общественных наук, член-корреспондент РАН, директор Центра социологии национальной безопасности), А. Н. Кочергин (бывший зав. кафедрой философии ИППК при МГУ). Из более чем тридцати бывших аспирантов профессора Н. П. Антонова десять стали докторами наук: практически во всех вузах города работают его соратники и ученики. (Некоторые уехали из Иванова и работают в столице, например известный специалист в области современной западной философии профессор В. Г. Арсланов.) Впрочем, не все из тех, с кем свела научная судьба Н. П. Антонова, стали профессиональными философами, один из них (М. М. Жуков) еще в советское время выбрал религиозное служение и сейчас является известным деятелем русской православной церкви. Особая страница деятельности Н. П. Антонова — создание диссертационного совета по философии, действующего до настоящего времени: в его лоне фактически сформировалось нынешнее региональное философское сообщество.

В чем же смысл ноосферной философии Н. П. Антонова? Прежде всего в том, что утверждается неразрывность глобального и регионального развития: попытка уйти из общемирового развития губельна для страны, но и забвение своих корней приводит к деградации общества. Мера соединения противоположностей определяется культурой разума человеческого общества и каждого человека в отдельности. Русская культура (в частности, поэзия, которую Н. П. Антонов очень любил и хорошо знал) сформировала свою философию глобальности, и в XX веке ее художественные смыслы переросли в философские и научные формы. В творчестве Н. П. Антонова постепенно сложилась гуманистическая формула соединения глобального и регионального ноосферного развития.

Пожалуй, самым значимым сюжетом биографического описания жизни Н. П. Антонова является попытка реконструкции «происхождения и сущности» ноосферной идеи в его философском сознании, которое, без всякого сомнения, является не только артефактом нашей иваново-вознесенской истории, и даже не только масштабным историческим фактом истории советской философской мысли, но и событием глобального масштаба, ибо каждая из теоретических моделей ноосферного видения мира XX века требует внима-

тельного изучения и осмысления, так как именно на этом пути появляются возможности открывать окна в будущее, чтобы впустить свежий воздух свободного, естественного, духовного человеческого бытия.

К сожалению, считал Н. П. Антонов, сила социального разума иногда оказывается недостаточной для понимания сложности мира, поэтому развитие современной техноцивилизации несет все больше бедствий для развития человечества. Но в силах человека попытаться изменить себя и изменить мир, преодолеть архаические и современные формы социального безумия: главный источник этого преодоления — в философии и культуре, в понимании того, что бесконечное несовершенство социальной жизни может исправить только сам человек. Этот пафос, вышедший из культуры советского общества, актуален и в наше время, когда страна вновь набирается сил для того, чтобы ответить на те вызовы, которые несет с собой вхождение в третье тысячелетие.

Будущее страны в значительной степени определяется человеческим потенциалом каждой ее территории, именно поэтому обращение к творчеству людей, стоявших у истоков становления регионального образовательного и культурного пространства, чрезвычайно важно именно сейчас, когда формируется представление о том, что в глобализирующемся обществе от каждого человека в значительной степени зависит наше общее будущее. Пример профессора Н. П. Антонова, всю свою богатую жизнь прожившего в Иванове, — хороший ориентир для движения в этом направлении.

Г. С. Смирнов

ФИЛОСОФИЯ НООСФЕРЫ

ББК 87.21

И. В. Дмитриевская

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО НООСФЕРЫ

Постановка проблемы

Ноосферные исследования становятся крайне актуальными в современную эпоху, когда человек пребывает в перманентно возникающей экзистенциальной ситуации в связи с разнообразными и многочисленными катаклизмами, негативными последствиями научно-технического прогресса как в социальной и духовной жизни людей, так и в бытии и жизнедеятельности природной среды. Эти явления осмысливаются как глобальные проблемы современности и решаются в разных науках и областях знания, хотя корень у них один — нарушение ноосферного закона, связывающего воедино информационные, энергетические и вещественные процессы не только на Земле и в околоземном пространстве, но и во Вселенной. Действие закона распространяется на область бытия, которую можно определить как коммуникативное пространство ноосферы. В этой статье постараемся 1) определить особенности ноосферы как коммуникативного пространства и как генератора смыслов, впоследствии «считываемых» человечеством и интерпретируемых как законы природы, общественной жизни, мышления и познания в разных областях познавательной практики — науке, искусстве, философии, мифологии, религии и т. п.; 2) рассмотреть ноосферу как знаковую систему и представить разные модели ее понимания; 3) проследить тенденцию развития моделей понимания ноосферы от интерпретационных к собственно понимающим.

Понятие ноосферы

Как известно, понятие «ноосфера» было разработано Тейяром де Шарденом, Ле Руа и В. И. Вернадским. В. И. Вернадский характеризовал ноосферу как разумную оболочку Земли и околоземного пространства, порожденную человеческим сознанием и призванную регулировать природные и социальные процессы. В настоящее время, в связи с информационным бумом и компьютеризацией социальной жизни, это определение требует корректировки. Торжество техносферы практически низводит ноосферу до уровня части техносферы (естественно, если ноосфера рассматривается в вышеопределенном смысле), и все отрицательные последствия научно-технического прогресса вполне очевидно касаются и ноосферы, превращая ее не столько в животворное состояние Земли и Космоса, сколько в зону смерти и отчуждения, где уничтожается все живое. Научная мысль, которая, по мнению В. И. Вернадского, должна превратить планету Земля в наиболее благоприятную среду как для материальной, так и для духовной жизни человечества, в

© Дмитриевская И. В., 2010

2010. Вып. 2. Философия •

действительности работает и в обратном направлении, продуцирует технологии, уничтожающие человека и среду его обитания. Глобальные проблемы современности практически порождены научно-технической революцией и имеют антиноосферные смыслы и направленность. Они указывают на ту угрозу, которую несут достижения науки и техники самим основаниям природной, естественной жизни. Возникает необходимость разобраться не только с определением ноосферы, но и с оценкой содержания этого понятия, отделив его положительные, действительно ноосферные признаки, от отрицательных, которые не могут быть введены в понятие «ноосфера».

Каким образом можно расширить и углубить понятие «ноосфера»? Универсальная концепция ноосферы, разработанная Г. С. Смирновым, расширяет содержание и объем понятия «ноосфера» (логически парадоксальная ситуация, однако, правомерная для универсальных понятий и логических категорий), рассматривает ноосферу как Универсум, в основании которого — экстраполирование феномена человеческого сознания и порожденной им культуры на космическое бытие [28]. Такая экстраполяция позволяет ввести в круг понятий, описывающих существование ноосферы, категорию ноосферной реальности [28, гл. 2].

«Термин “ноосферная реальность” имеет расширенный смысл: он совмещает идеальное и материальное, объективное и субъективное, возможное и действительное. С одной стороны, ноосферная реальность — это структурированное и целостно представленное “все существующее”, с другой — это проявленность ноосферности (ноосферного качества) в социоприродном бытии» [28, с. 96]. Расширение смысла понятия «ноосфера» намечалось в работах основоположника Ивановской ноосферной школы Н. П. Антонова в связи с осмыслением роли сознания и субъективного фактора в процессе перехода биосферы в ноосферу.

Онтологические аспекты проблемы сознания и ноосферы представлены в трудах А. В. Брагина, Ф. И. Гиренка, Э. В. Гирусова, В. П. Казначеева, А. Н. Кочергина, А. Г. Маслеева, Н. Н. Моисеева, Г. С. Смирнова, А. Д. Урсула, В. М. Федорова и др. [4; 5; 6; 17; 18; 21; 22; 23; 28; 32; 33].

В последнее время на кафедре философии Ивановского университета определилось направление, связанное с исследованием семиотики ноосферы. В этом отношении интересны работы А. Н. Портнова [24; 26] и Д. Г. Смирнова [25; 29]. В них исследуются свойства ноосферной знаковой ситуации, знаковых структур и вытекающих из них особенностей ноосферной деятельности человека в земных условиях и возможных космических ситуациях. Традиционно широко представлены работы экологической проблематики, ориентированные на ноосферное содержание экологических программ и экологической деятельности.

Мы рассматриваем *системные аспекты* ноосферной реальности [10]. Ноосфера определяется как системно организованное Всеобщее, тем самым, понятие «ноосфера» сближается с Живым Космосом Платона, Единым Плотина, Природой-Богом Спинозы, Абсолютом Шеллинга, Абсолютной Идеей Гегеля и т. п. Формальное определение ноосферы требует рафинирования этого понятия, что возможно на языке системного описания, предложенном А. И. Уёмовым [30; 31]. Определение системы дается с помощью категорий «вещь», «свойство», «отношение», которые в любом философском тексте выполняют структурную роль. «Система — это вещь, на которой реализуется отношение с заранее фиксированными свойствами» [31, с. 117]. В качестве

предпосылочного знания используется структурная онтология «качественного реизма», в которой «вещь» понимается не пространственно, не как тело, а как система качеств. Формальное определение предполагает изучение объекта как системы на трех уровнях организации — концептуальном (уровень системообразующего свойства), структурном (уровень системообразующего отношения), субстратном (уровень элементов). Оно интерпретируется на разных предметных областях. В частности, в концепции ноосферы В. И. Вернадского различаются такие состояния земной оболочки, как «косное вещество», «биосфера», «ноосфера». С теоретико-системной точки зрения различие между ними заключается в следующем: косное вещество — система энергетическая по концепту, вещественная по структуре и по субстрату; биосфера — система энергетическая по концепту, информационная по структуре, вещественная по субстрату; ноосфера — система информационная по концепту, энергетическая по структуре, вещественная по субстрату (подробнее см.: [10]). Таким образом, процесс перехода биосферы в ноосферу безотносительно к условиям, в которых он осуществляется (земных или космических), заключается в смене системных уровней бытия информационной, энергетической и вещественной составляющей системного целого. Если в биосфере информационные процессы подчинены энергетическим, то есть информация — это средство добывания энергии, необходимой для жизнедеятельности организма, то в ноосфере, как она представлена в земных условиях (главным образом, функционированием человеческого сознания и его производной — культуры человечества, исторически сложившейся во времени): *информация генерирует энергию, а энергия структурирует вещество*. Такова сущность основного ноосферного закона [15]. Сторонники незыблемости закона сохранения и превращения энергии часто возражают против этой формулировки ноосферного закона: дескать, энергия не возникает и не исчезает, а только переходит из одного вида в другой. Но при этом забывается, во-первых, что закон сохранения и превращения энергии сформулирован в рамках механистического мировоззрения и механистической картины мира. Даже Энгельс, вслед за Гегелем, анализируя усложнение форм движения материи, отмечая сохранение типа движения на каждом этапе эволюции форм при изменении субстрата, показывает, что при переходе от биологической формы к социальной преобладает вид движения прекращается: социальную форму движения нельзя назвать «биологией общественных явлений». То есть деятельность человеческого сознания качественно изменяет энергетические характеристики существования как отдельного человека, так общественных групп и человечества в целом. Нельзя не принимать во внимание, что механистическая картина мира, хотя и формировалась в XVI—XVIII вв. как научная, все-таки встраивалась в общую концепцию теологии; ученых, открыто признающих материализм и атеизм, были единицы. Отец классической механики И. Ньютон своими научными трудами обосновывал достоверность материализма, но одновременно писал теологические работы, полагая, что и научные исследования подтверждают божественное происхождение мира, а стройное здание классической механики все-таки является незавершенным, поскольку не объясняет причины самодвижения и нуждается в допущении божественной воли в качестве первотолчка, приводящего в движение все мироздание. Стройность механистической картины мира также свидетельствовала о том, что сущность этого знания божественна (четыре письма к Бентли) и в этом знании концептуальную функцию выполняет ин-

формационная составляющая, высший разум. Она-то и генерирует все виды энергии, из которых главный вид — энергия механическая, и все виды энергии, по мнению Ньютона, сводимы к ней. Хотя доказательство не есть сумма примеров, закономерную связь между информационными, энергетическими, вещественными составляющими ноосферных явлений можно проиллюстрировать. Скажем, движения больших масс людей — войны, революции, равно как и созидательные процессы, строительство нового, — обычно начинаются с четкой формулировки основной идеи будущего явления (информационный компонент), далее идея внедряется в массы и вызывает большую концентрацию, а затем — «выплеск» колоссальной энергии (структурный компонент), и эта энергия преобразует материальное бытие (вещественный компонент). Другой пример: человек читает книгу. Если информация интересна, он чувствует прилив энергии и, как результат, ощущает себя здоровым, «проходят» и забываются недуги. С этой точки зрения не кажется невероятным, что в некоторых направлениях медицины болезни лечатся информацией, например в гомеопатии. Иначе как можно понять, с механистической точки зрения, что минимальная доза лекарственного вещества путем сложного, порой двухсоткратного растворения, оказывает врачующее действие на организм, восстанавливая его физиологические функции и способствуя самовосстановлению физиологической целостности?

Ноосфера как системно организованное Всеобщее не является вещью в пространственном смысле этого слова, это не тело, не сфера. Это «овеществленное» (не опредмеченное пространственно), понимаемое как вещь, свойство (по концепту) и отношение (по структуре). Реализуясь на конкретных вещах — телах или идеальных объектах, воспринимаемых в условиях Земли и околоземного пространства, или конструируемых как идеальные объекты, ноосфера возвращает себе первоначальный статус свойств или отношений. В этом случае элементы субстрата, вещи в собственном смысле слова, приобретают свойство «ноосферности» или статус ноосферного отношения. Скажем, отношения в семье между супругами или между родителями и детьми могут быть ноосферными или неноосферными; отношение человека к природе также может характеризоваться как ноосферное или нет; отношение между руководителями производства и рабочими или служащими может обладать свойством ноосферности или не обладать. Подобным образом можно говорить о ноосферных свойствах, например, предметов быта, явлений природы, живых существ — растений, животных, людей, ноосферности среды существования, ноосферности или неноосферности вещей, созданных человеком, произведений науки, искусства, культуры, включая и артефакты.

Чем отличается ноосферный «объект» (вещь, свойство, отношение) от неноосферного? Во-первых, ноосферный «объект» всегда система, *целостность*, с хорошо просматриваемыми уровнями системной организации — концептом, структурой, субстратом. Во-вторых, и это существенно в условиях земных современных отношений между природой и обществом, то, что обладает свойством ноосферности, всегда несет *созидательную*, а не разрушительную функцию. Особенно это касается живых систем: ноосферное отношение к природе сохраняет ее живым организмом. Такое понимание ноосферности сходно с платоновской трактовкой Живого Космоса как жизнеспособной, развивающейся системы. В-третьих, ноосферные процессы всегда *креативны*, то есть имеют высокий творческий потенциал. Наконец, в ноосферных структурах выполняется основной ноосферный закон: информа-

ция генерирует энергию, энергия структурирует вещество. Неноосферные процессы (явления, свойства и отношения) имеют противоположную интенцию — они не являются системно организованными, особенно на уровне концепта и структуры; они некреативны; имеют разрушающую сущность, а по отношению к живому — тенденцию превращать живое в мертвое, и в них не действует ноосферный закон. Так различие между Космосом и Хаосом в мифологической архаике просматривается как различие между ноосферной и неноосферной сущностями. Космос — целостность, система, организованная в пространстве и времени, структурированная по уровням системной организации; он является живым организмом; он креативен, так как в нем рождаются и умирают космические миры; он воплощает в себе ноосферный закон: идеальный концепт — Бог-Демидург и Бог-Футургос творят Космос и сообщают ему движение, они же задают образцы-идеи, по которым создаются вещи, свойства и отношения космических миров. Неноосферен Хаос прежде всего потому, что он не является целостным, системноорганизованным, поэтому «энергия» Хаоса отрицательна, это «энергия» тьмы и смерти. Хаос сам по себе не креативен, он поставляет материал для творения Космоса; ноосферный закон в Хаосе не выполняется. Как в этом случае возможно возникновение Космоса из Хаоса, системного объекта из не-системы? Очевидно, что концепт и структура будущей системы Космоса задаются идеальными, информативными сущностями, каковыми являются, согласно мифологии, Бог (информационный концепт), идеи-образцы (идеальные структуры).

Семиотические аспекты ноосферы. Ноосфера как текст

Семиотическим аспектам ноосферы в настоящее время посвящается достаточное количество публикаций [7; 19; 22; 25; 26; 27; 29; 36; 37]. Наиболее близки к нашей точке зрения работы Д. Г. Смирнова, в которых автор не только сближает понятия «ноосфера» и «семиосфера», но, используя методологию системного подхода А. И. Уёмова, создает синтетическую систему — *ноосемиосферу* с информационным концептом, энерго-семиотической структурой и знаково-вещественным субстратом [29]. Синергетический подход позволяет рассмотреть ноосферу в широком смысле слова как семиосферу, не акцентируя внимания на ее характеристиках только как вида сознания. В этом же отношении интересна семиософская интерпретация закономерностей бытия ноосемиотической системы и расширенное толкование основного ноосферного закона: «Вещество разворачивается в энергию, а энергия “распаковывается” в информацию» [29, с. 103]; здесь отражается антропологический механизм порождения информации как ноосферного знания.

На наш взгляд, семиотическое понимание ноосферы предполагает рассмотрение ее как своеобразной знаковой ситуации. Мы опираемся на принятие *предпосылочного знания* о том, что в основе отношения между предметами реальности, знаками и смыслами лежит материалистический *принцип отражения*: смыслы (понятия) и образы являются отражением предметов реальности и сохраняют в своем содержании сходство с ними; предметы материальны, смыслы и образы идеальны. Предметы (денотаты) связаны с материальной репрезентацией знаков (звуковой или зрительный ряд, пространственная манифестация) *отношением именованности*. Знак, понимаемый как репрезентация смысла, знак в узком смысле слова, именуется предметом. Отношение между смыслом и именем-знаком является отношением *содержания и*

формы: имя-слово формирует смысл, смысл — это содержание имени. Эти отношения представлены схемой треугольника Огдена-Ричардса: трехчленной схемой отношений смысла, имени и предмета — участников семиотической ситуации. Возможно ее расширение при введении четвертого участника — того, кто использует знаки (человек, животное, компьютер). Денотативно-смысловой уровень знаковой ситуации является *планом содержания*, а знаково-именной — *планом выражения*. Схема может модифицироваться в зависимости от характера предпосылочного знания, как содержательного, так и структурного. В данном случае мы предполагаем существование реальных и идеальных объектов (естественная установка), а также отношение отражения, существующее между реальными вещами и их образами, как наглядными, так и абстрактными (понятиями). Это материалистическая традиция в теории познания. Если же следовать номиналистической традиции, то от образной стороны знаковой ситуации придется отказаться: смыслы и образы как компонент плана содержания должны быть элиминированы. Остаются лишь предметы-денотаты и имена. Такое описание знаковой ситуации находим во всех направлениях позитивизма, как классического, так и неклассического. Платоновская традиция в теории познания, напротив, убирает из схемы реальные объекты-денотаты и оперирует только смыслами и именами. В любом случае схема модифицируется, упрощается, а содержание и объем понятий «план содержания» и «план выражения» меняются. Заметим, что сам термин «знак» в разных контекстах употребляется то в широком, то в узком смысле слова. «Знак» в широком смысле — это знаковая ситуация, при любом понимании ее структуры, то есть это единство плана содержания и плана выражения, сложные отношения между денотатом, смыслом и именем. «Знак» в узком смысле слова — это «имя» или собственно материальная репрезентация смысла и денотата. В зависимости от различного понимания структурных и содержательных предпосылок по-разному трактуется и термин «значение». В номиналистической традиции «значение» — это только денотат, в материалистической, принимающей теорию отражения, — это денотат и смысл, в платонизме «значение» — только смысл. Заметим, что выражение «знак и значение» предполагает узкое понимание знака, которое выражает содержание не всей знаковой ситуации, а только материальной манифестации. В противном случае такое словосочетание не имеет смысла и не должно употребляться. В нашем тексте используется употребление терминов, характерное для диалектико-материалистической традиции, принимающей теорию отражения: вся совокупность или система компонентов знаковой ситуации носит название «знаковой ситуации», система образов и понятий — «смысл», система имен, материальная репрезентация — «знак» (в узком смысле); «план содержания» — это смыслы плюс денотаты; «план выражения» — имена, материальная репрезентация смыслов.

Ноосферная знаковая ситуация имеет определенную специфику. Обдумывая проблему именованности (о чем речь: о ноосфере как знаковой ситуации или о ноосферной знаковой ситуации), мы остановились на втором названии. Аргументы в пользу этого выбора таковы. Прежде всего, структурная онтология, которая предпосылается формированию системной концепции ноосферы. Это качественное понимание феномена ноосферы: ноосфера как «овеществленное» свойство или отношение, если мы говорим о ней как о понятии или идеальной реальности; ноосфера как свойство или отношение «ноосферности», если речь идет о материальных явлениях или процессах, а

также и о системах знания, наблюдаемых или конструируемых в земных условиях. Поскольку знаковые ситуации — это идеальные конструкты, которые используются для познания вещей, свойств, отношений объективной реальности человеком, уместно говорить о *ноосферной знаковой ситуации*, нежели о ноосфере как знаковой ситуации. Специфика ноосферной знаковой ситуации, на наш взгляд, состоит в том, что если знаковая ситуация обладает свойством ноосферности, то ее компоненты тоже обладают этим свойством, то есть существуют *ноосферные денотаты, ноосферные смыслы, ноосферные имена*. *Ноосферный процесс* в этом случае рассматривается как некоторая *генерация ноосферных смыслов*, которые во времени развиваются, содержательно обогащаются, структурно усложняются и затем реализуются на денотатах (не наоборот, ибо системное отношение именно таково — от свойств и отношений к вещам), высвечивая их ноосферное, нейтральное или антиноосферное содержание. Итак, ноосфера выступает как генератор ноосферных смыслов, а это понятно, потому что, принимая во внимание определение и структуру ноосферы как системно организованного Всеобщего, отметим, что она информационна по концепту и все семиотические процессы развертываются на концептуальном уровне организации системы-ноосферы.

Частным случаем ноосферной знаковой ситуации является *ноосферный текст*. Признаки ноосферного текста представлены в работе [12]. Напомним, что ранее мы определяли текст как двуслойную семиотическую систему, уровнями организации которой являются «план содержания» и «план выражения». Первый включает в себя систему смыслов и денотатов, второй — материальную манифестацию смыслов. «План содержания» — семантический уровень текста; «план выражения» — синтаксический. Системное описание определяет текст как систему прагматическую — по концепту, поскольку цель построения или понимания текста определяется человеком; семантическую — по структуре (соответственно цели организуется система смыслов); синтаксическую — по субстрату: смыслы находят выражение в той или иной форме материальной (пространственной, звуковой и т. п.) репрезентации [9; 14]. Рассматривая ноосферу как текст, нельзя говорить о ее прагматическом концепте, поскольку «ноосфера» понимается нами в широком смысле слова, не только как область бытия, порожденная, контролируемая и регулируемая разумом человека (в этом случае можно считать концептом ноосферного текста цели, которые ставит человечество при производстве информации), но как информационное пространство вообще, куда включаются все возможные виды информационных процессов, в том числе живые и неживые системы в условиях Земли, а также виртуальные информационные системы, такие как, например, мир идей Платона. В этом случае *концептуальным свойством* ноосферы-текста является способность генерировать смыслы и определять адекватные им субстраты. Ярким примером представления ноосферы-текста является концепция диалектического идеализма Гегеля. Абсолютная Идея может рассматриваться как информационный концепт, генерирующий все смыслы, которые продуцирует гегелевское миропонимание. Она включает в себе не только содержательные, но и структурные компоненты. К последним относится диалектический метод, который, развертываясь в тексте, порождает своеобразную «матрешечную» структуру мироздания (отнюдь не «спираль»). На языке системологии такая система называется элементарноавтономной, то есть ее подсистемы — элементы системы в том же смысле, что и целое. Таким об-

разом, главную генерирующую функцию в концепции Гегеля выполняет *метод*, структурный компонент теоретического построения. Далее предполагается рафинирование средствами все той же диалектики как самого метода, так и содержательной части теории. Метод разворачивается как система диалектических категорий в «Науке логики». Развитие Абсолютной Идеи в самой себе представлено в «Феноменологии духа», и опять-таки решающее значение здесь играют абстрактные категории, которые впоследствии интерпретируются конкретно. Эти категории — «бытие», «ничто», «нечто», а диалектический метод имеет самое общее содержание, обозначенное термином «становление». В «Феноменологии духа» смысл Абсолютной Идеи носит сугубо структурный характер, поскольку конкретизируется в категориях, определяющих диалектический метод и законы диалектики. Это понятия «тождество», «различие», «противоречие», «противоположности» и соответственно основной закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей, в логическом плане представленный как взаимосвязь категорий; затем «количество», «свойство», «качество», «мера» и соответствующий закон взаимного перехода количественных изменений в качественные; затем категории, связанные с сущностью закона отрицания отрицания. Имплицитно во всех этих метаморфозах присутствует триада — «тезис–антитезис–синтез», а также триада «вещь–свойство–отношение», которая выполняет в теории Гегеля, как, впрочем, и в других философских концепциях, имеющих хорошо выстроенную структуру, функции языка структурного и системного описания. И далее, в процессе развития Абсолютная Идея наполняется все более конкретным содержанием. В «Философии природы», выступающей как антитезис по отношению к «Феноменологии духа», находим большую триаду «механика–физика–органика», а внутри каждого ее члена малые триады: в механике — «пространство–время–движение», в физике — «теплота–свет–химизм», в органике — «геология–ботаника–зоология», причем зоология включает и телесное развитие человека — его анатомию и физиологию. Синтезом по отношению к феноменологии духа и философии природы выступает «Философия духа», описывающая формы общественного сознания и соответствующие им формы общественного бытия. Предполагается, что с помощью категорий, представленных в «Философии духа», Абсолютная Идея приходит к самопознанию. Структура «Философии духа» распадается на триады большую и малые. К большой триаде относится «субъективный дух–объективный дух–абсолютный дух». Содержание «субъективного духа» развивается в триаде «антропология–феноменология–психология», «объективного духа» — «нравственность–право–государство», «абсолютного духа» — «искусство–религия–философия»; именно развитие содержания категорий последней триады и выражает процесс самопознания Абсолютной Идеи. Концепция Гегеля является не только хорошо построенным ноосферным текстом, поскольку обладает креативностью, целостностью, является развивающейся, то есть живой системой, реализует действие ноосферного закона, но и моделью ноосферы, понимаемой и как знаковая система и как текст. В этом случае Абсолютная Идея выступает как генерирующая смыслы структура, содержание и формальные характеристики смыслов разворачиваются в текстах самой концепции.

Коммуникативное пространство ноосферы

Проблема коммуникативного пространства решалась в работах [9, 16]. Коммуникативное пространство в общем случае рассматривается как «пространство» общения и понимания, причем сам термин «пространство» не имеет прямого смысла, а употребляется скорее метафорически. Нами различаются три вида коммуникативного пространства. Самое широкое понятие — это «информационное пространство». Оно применимо там, где имеют место негэнтропийные процессы, и может иметь как материальную, так и идеальную природу. Вторым видом коммуникативного пространства — «пространство коммуникации» (КП-1). Являясь видом информационного пространства, оно по сути антропологично, в основном создается человеком или человеческим обществом, но существует не только между людьми, но, например, между человеком и животными, человеком и явлениями природы, человеком и «мыслящей машиной». Цель этого вида пространства — не только созидание, хранение и обмен информацией, но и выполнение системообразующей функции по отношению к массивам информации, а также по отношению к ее носителю — человеку. КП-1 призвано сохранять *целостность* информационных систем типа «человек — окружающая среда», «человек — компьютерный мир», «человек — мир живого» и т. п. Коммуникативные ситуации, которые создаются и продуцируются в сфере пространства КП-1, в принципе предполагают обмен и знакомство с информацией, но не требуют ее отрефлексированности, понимания. Иными словами, здесь имеет место процесс производства знания и обмен знаниями, но отсутствует понимание, или информация усваивается как синтаксическая система, но не бытует как система семантическая. Типичный пример КП-1 — Интернет. Это пространство не всегда системно организовано, в значительной степени является виртуальным, и возможности семантического наполнения информацией, включения ее в системы известного знания всегда принадлежат человеку. Характерные свойства КП-1: информационная сущность, виртуальность, открытость, многоуровневость, анизотропность, невещественность, континуальность, «энергичность», когда речь идет об интерпретации информации КП-1 человеком. Будучи не всегда системно организованным, КП-1 чаще существует как своеобразное «поле» (субстанция) информационных и коммуникативных процессов, на котором, в случае дополнительной заданности концептов и структур, образуются системы *личностного* коммуникативного пространства КП-2. Это уже не просто системы производства, хранения и обмена информацией, а системы *понимания*. Они *всегда* системно организованы и ориентированы на действие двух моделей понимания — *собственно понимающей* и *интерпретационной* [14]. Личностное коммуникативное пространство КП-1 может иметь в качестве своих носителей-компонентов не обязательно только людей, но любые одушевляемые человеком объекты. Так, например, Маленький Принц в сказке Сент-Экзюпери разговаривает с розой, Гаев у Чехова — с «многоуважаемым шкафом», Раневская — с детской комнатой, герой народных сказок — с явлениями природы и т. п. На наш взгляд, ноосферное пространство связано именно с этим типом коммуникативного пространства — *лично* окрашенной сферой коммуникации.

Репрезентация ноосферного коммуникативного пространства — это *ноосферный диалог* и его участники [8, 11]. Диалог представляет собой обмен информацией между двумя коммуникантами с целью *получения нового зна-*

ния или замены неопределенности в содержании сообщения определенностью. В логическом плане — это вопросно-ответный комплекс, в котором коммуникант, задающий вопрос, сообщает информацию с переменными значениями некоторых компонентов, в то время как отвечающий заменяет «переменные» значения константными. Логически правильно построенный диалог всегда системно организован, но одновременно предполагает некоторые неопределенности на уровне концепта, структуры или субстрата, здесь предполагается открытость системы и, как правило, система диалога оказывается субстратно-открытой.

Ноосферный диалог как вид диалога обладает определенными содержательными характеристиками: он прежде всего системен и направлен на сохранение целостности коммуникативной системы, представленной в диалоге, а также психологической и интеллектуальной целостности коммуникантов — носителей диалога и контекста (среды), в котором разворачивается. Другие свойства ноосферного диалога — он креативен, жизнестроитель и жизнеутверждающ, имеет в своей основе ноосферный закон. Эти свойства присущи всем ноосферным явлениям. Поскольку ноосферный диалог всегда системен, то различаются виды ноосферного диалога по концепту, структуре и субстрату (см.: [11]).

Еще раз заметим, что в понятие «ноосферный» вкладывается сугубо положительный, жизне- и системостроительный смысл; далеко не все творения человеческого или иного разума обладают свойством ноосферности, а только те, которым присущи указанные характеристики. Если же диалог между людьми, человеком и природой, поколениями, цивилизациями, между Востоком и Западом имеет цель разрушить жизнеспособную целостность, убить креативность, размыть систему — он не может считаться ноосферным по определению.

Ноосферный диалог, безусловно, основа ноосферного пространства. Но более подробно хотелось бы остановиться на видах построения ноосферного пространства, связанных с двумя моделями понимания — собственно понимающей и интерпретационной.

Мы говорим о метафоре пространства. Она имеет различное содержание в зависимости от того, какого вида коммуникация имеется в виду. Речь идет о коммуникативном пространстве ноосферы, а ноосфера мыслится как креативная, системостроительная, жизнестроительная, развивающаяся форма бытия, идеальная по существу. В этом контексте метафора пространства скорее всего символизирует время, так как жизнь развивается во времени. Модели истолкования смыслов, генерируемых ноосферой, определяются содержанием и структурой тезаурусов реципиентов; важно, на какой тезаурус ложится информация и «вменяем» ли человек к ее восприятию и пониманию. Здесь имеет место структурный изоморфизм с усвоением информации людьми в диалоге: микрокосм подобен макрокосму — познав себя, познаешь мир.

Ранее шла речь о двух моделях понимания — собственно-познающей и интерпретационной [9, 14]. В собственно-познающей модели в совокупной системе знания, полученной в результате понимания текста, концептуально-структурный уровень задан индуктором, источником информации, субстратный — реципиентом: человек воспринимает ноосферные смыслы и прилагает их к земным условиям жизни. В интерпретационной модели ноосферные смыслы спускаются на уровень субстрата совокупной системы знания, а концептуально-структурный уровень задается человеком. Приме-

ром прочтения ноосферного смысла в собственно-понимающей модели является восприятие десяти евангельских заповедей и дальнейшее следование им в жизни. Пример интерпретационного понимания — трактовка некоторых притчей Христа из тех же Евангелий, о чем свидетельствует спор между Князем и Г-ном Z о смысле Притчи о виноградарях в «Трех разговорах...» В. С. Соловьева. Отсюда следует, что существуют две формы восприятия коммуникативного пространства ноосферы — неантропологическая, ориентированная на собственно-понимающую модель, и антропологическая, ориентированная на интерпретационную.

Ноосфера — определенная форма бытия, та форма, в которой оно рассматривается как креативная, жизнеспособная целостность, как Космос. Созвучной содержанию двух моделей понимания кажется мысль М. Хайдеггера о двух формах постижения бытия. Первая — это «техническое познание», или «постав», когда человек в процессе познания и практики вторгается в бытие, не спрашивая его согласия, игнорируя желание или потребность другой стороны в общении и понимании. Он познает мир с помощью грубых инструментов, удобных человеку, расчленяет и исследует его как анатом труп [34]. В таком случае невозможен диалог, познание истины-алетейи, откровение, сочувствие, сомыслие, Встреча с Собой в ипостаси Другого. Этот путь соответствует интерпретационной модели. Другой путь представляет ситуацию, когда бытие относится благосклонно к человеку и его познавательному интересу. Оно оставляет «просвет», чтобы человек мог войти внутрь бытия со своим вопросом. И первый вопрос: «Нужен ли Я?» — это предпосылка развития собственно-понимающей модели [35]. Здесь возможна Встреча, взаимопонимание, сочувствие и сомыслие, постижение истины-алетейи.

Существует западная и восточная ориентации в развитии культуры. Принято считать, что они диаметрально противоположны, поэтому возникает необходимость в *диалоге культур*. В основе различия двух тенденций культурного процесса лежит, во-первых, смена познавательного отношения (субъект-объектные отношения в западном менталитете, субъект-субъектные — в восточном), во-вторых, различие в форме и методах познания (в западной традиции — разные виды рационализма, опирающиеся на разные виды логик, от классических до неклассических, в восточной — интуиция, инсайт, «вживание» и другие формы нерационального познания, довербальные виды рефлексии, эзотерические и мистические практики). Как нам кажется, это различие соответствует двум моделям понимания — собственно-понимающей и интерпретационной. Собственно-понимающая модель присутствует в структуре восточного миропонимания, интерпретационная — западного. Западная модель является антропоморфной, восточная неантропоморфной, космоцентрической. Антропоцентризм привел к торжеству науки и техники в познавательной деятельности; научно-техническая модель мира и последующее практическое преобразование, в свою очередь, породили экзистенциальную проблему, разрыв между сущностью и существованием человека, распад личности, дегуманизацию общественной жизни. Современная компьютеризация усиливает процесс личностной нивелировки, во многих отношениях делает человека придатком компьютера, порождает новые виды психологической зависимости, «зомбирования», качественное изменение сознания и мышления, делая их «клиповыми», семантически обедненными, техническими, рассчитанными на узкое, специализированное общение, ограниченно коммуникативными. За этим следует и общий кризис духовности

как человека, так и общества в целом. Кризис гуманитарного содержания сознания выразился, в том числе, и в моделях миропонимания, в принятии того типа коммуникативного пространства, с которым работает пользователь — человек, органически включенный в систему «человек — компьютер».

Есть тенденция сведения любого типа коммуникативного пространства, в том числе и пространства ноосферы, к Гипертексту, коммуникативному пространству типа КП-1. В этом случае коммуникативное пространство ноосферы рассматривается как аналог Интернета, а сама ноосфера мыслится как подсистема техносферы. Согласно предшествующему изложению, мы придерживаемся совершенно другой позиции, считая, что понятие «ноосфера» несводимо по объему и содержанию к понятию «техносфера» и должно быть расширено за пределы области Земли и околоземного пространства, охваченной научной мыслью человека. Гуманистическая составляющая ноосферы играет главную роль в ее содержании, обуславливая жизнеспособность и продуктивность.

Выше говорилось о гегелевской модели миропонимания как саморазвивающейся системе, Абсолютной Идеи. Эту модель можно рассматривать как вариант представления ноосферного коммуникативного пространства. Здесь присутствует гуманистическая составляющая, само развитие и углубление «пространства» рассматривается как самораскрытие Единого Бытия по законам диалектики, и хотя эта система имеет денотативный, смысловой и «именной» компоненты и может рассматриваться как знаковая ситуация и как текст, признаки Гипертекста здесь отсутствуют. Это не чисто синтаксическое образование, а система с ярко выраженным семантическим содержанием и отношением не только к семантике, но и к прагматике. Хотя диалектическая схема развития Абсолютной Идеи — явно рациональное построение, в основе которого структура и метод диалектической логики, оно относится к западному направлению культурной традиции.

Другой вариант системы миропонимания, также рационалистический, но более современный и близкий по структуре к «технической» направленности мысли находим в рассказе Борхеса «Сад расходящихся тропок» [3]. Здесь представлена ситуация, когда герой, будучи опытным разведчиком и потомком древнего китайского рода, оказывается в Англии и, выполняя задание своего немецкого шефа, встречается с ученым востоковедом и лингвистом Альбером. Альбер знакомит героя с произведением его далекого предка, китайского мудреца Цюй Пэна; это книга-лабиринт, символизирующая мироздание, своеобразная модель коммуникативного пространства ноосферы. Однако модель построена не как циклическая структура, а как «пространство расходящихся тропок», которое символизирует возможности событий, происходящих во времени. Но если мы воспринимаем события во времени последовательно, то в книге-лабиринте Цюй Пэна возможности этих событий представлены существующими одновременно. И если человек обычно стоит перед выбором одной из возможностей, то у Цюй Пэна осуществляется каждая возможность. Причем структура этого сюжета мироздания не является централизованной, нет выделенной вещи, свойства или отношения как в традиционной механистической картине мира, как, например, у Ньютона. Каждая из возможностей при смене системы референций может стать такой выделенной точкой. Таким образом, это иерархическая система, но осуществленная не на плоскости, а на сфере. «“Сад расходящихся тропок” — это не законченный, но и не искаженный образ мира, каким его видел Цюй Пэн. В отличие от Ньютона и Шопенгауэра, ваш предок не верил в единое, абсолютное

время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую головокругительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности» [2, с. 546]. Это западноориентированная, рационалистическая модель мира, однако имеющая тенденцию к сближению с восточным миропониманием. Не случайно автор лабиринта — китайский мыслитель Цюй Пэн. Однако есть отступления от западноевропейской традиции: отказ от традиционной центрированности, развитие системы из единого центра, реализация всех допустимых возможностей, принципиальная незавершенность системы, ориентирование на семантические интерпретации, элиминация цикличности как единственно возможной модели развития и т. п. Однако имеет место главный признак европейского стиля мышления — субъект-объектное познавательное отношение и рационализм.

Здесь присутствуют признаки Гипертекста: информационная сущность, виртуальность, открытость, многомерность, многонаправленность, многоуровневость, анизотропность, невещественность, континуальность (пространственная компонента коммуникативного пространства взаимодействует с временной). Для коммуникативного пространства этого типа (КП-1) характерна «энергичность»: живое существо, попадая в такое пространство-время, меняет энергетический потенциал и направленность («Вы, например, явились ко мне, но в каком-то из возможных вариантов прошлого вы — мой враг, а в ином — друг»). И в этом тексте, как и в любом Гипертексте, строго говоря, *отсутствует однозначная системная организованность*, это скорее «поле», на котором при заданности системообразующих свойств и отношений возникают разные системы. И еще одна особенность — это фактически «безличностное» коммуникативное пространство, что не позволяет считать его в прямом смысле слова ноосферным без заданности дополнительных личностных системообразующих отношений. В то же время у Гегеля, например, Абсолютная Идея, развиваясь, приобретает личностный элемент в своем содержании.

Что касается восточного менталитета, лежащего в основе мироздания, то его свойства и составляющие представлены в прекрасной книге В. В. Малявина «Духовный опыт Китая» [20].

Концепции духовного опыта Древнего Китая, в частности даосизма и дзен-буддизма, на наш взгляд, ближе к ноосферному миропониманию, чем западноевропейские. Прежде всего, четко определяется предмет познания: это сознание. Определено и орудие познания — это не разум или рассудок, но сердце, «*чистое детское сердце*». Нормальное состояние сердца — покой и Пустота. Метод познания также определен четко: это диалектика, взаимодействие противоположных сторон бытия. Если в европейской философии с древнейших времен предметом познания были вещи, в частности, Демокрит полагал, что мир создан из атомов и пустоты, но основой мира являются все-таки атомы, эти маленькие тела, вещи, то в даосской традиции основа мира — Пустота. И тем не менее, в противовес мнению В. С. Соловьева о том, что буддизм — философия смерти, считаем, что существуют достаточные основания, чтобы утверждать, что даосизм и дзен-буддизм провозглашают и отстаивают *путь жизни* как истинный путь мудреца. Полагание Пустоты основой мира не означает беспредметности познания, просто внимание мыслителя обращено не к вещам, населяющим мир, но к свойствам и отношениям. Пустота, иногда отождествляемая с Хаосом, не выступает беспорядочным

нагромождением явлений. У нее те же свойства, что и у Космоса — это такое же *системно организованное Всеобщее* как Космос древних греков. В этом смысле можно говорить о ноосферности Пустоты. Как осмыслить цельность, системность Пустоты? Попытаемся это сделать, опираясь на современное определение системы: система — множество вещей, на котором реализуется отношение с заранее фиксированным свойством. Концептом в даосизме является характеристика Пути. Путь (Дао) — это путь жизни, путь сердца, Дао — сердечный Путь, его конечная цель — успокоить сердце. Истинная жизнь — бытие спокойного сердца. Сам Путь (Дао) — структура, системообразующее отношение; субстрат — те формы поведения человека или те события, которые согласуются с Дао. Стало быть, Покой и Пустота действительно целостности, причем жизнеспособные, потому что спокойное сердце в конечном счете порождает и гарантирует правильную, здоровую, продуктивную жизнь, чем бы человек ни занимался. В жизни всегда должен быть *момент созерцательности*, отстраненности от суеты, только в этом случае можно оценить ее истинный смысл и непреходящие ценности. Древнекитайский мудрец Сыма Чэньчжень учит: «Сердце — господин всего тела, повелитель всех духов. Оно ведет к прозрению, когда оно покойно. Оно увлекает в помраченность, когда взволнованно» [20, с. 169]. «Когда сознание не вбирает в себя ничего извне, это зовется пустым сознанием. Когда сознание не влечется за внешними вещами, это называется покойным сознанием. В покойном и пустом сознании Путь поселяется сам собой» [20, с. 172].

Целостное представление жизни как следование Пути связано и с анализом дзен-буддистских практик. Их также можно осмыслить в терминах системного подхода. В Космосе рассеяны «семена жизни». С нашей точки зрения, их можно рассматривать как субстанцию, на которой впоследствии выстраивается духовно-телесная целостность человека. Главную роль в ней играет Дух. Направленный по Пути-Дао с помощью воли, дух рождает и организует жизненную энергию Ци. Наполненные энергией органы и части тела — кровь, кости, суставы, мышцы, сухожилия — приобретают способность действовать согласованно, в единстве, реализуя духовно-телесную целостность. Таким образом, в противовес римской поговорке: «В здоровом теле здоровый дух» — китайская традиция говорит об обратном: «Здоровый дух порождает здоровое тело». В этой древнекитайской мудрости имплицитно присутствует действие ноосферного закона: если духовную составляющую системы «даосского человека» считать информационной, энергетическую — структурной, а телесную — субстратной, то, действительно, информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество, а в целом духовный человек являет собой живую, хорошо функционирующую, развивающуюся, креативную систему.

Следующим интересным моментом, связанным с ноосферными идеями в китайской философии, является представление отношения между Беспредельным и Великим Пределом. Эта оппозиция играет большую роль в развитии даосских практик и боевых искусств. В ее основе диалектический принцип *недвойственности*, то есть стирание грани между беспредельным и пределом. Во взаимопревращении Беспредельного и Предела выражается сущность космического процесса творения от первичного Хаоса Единого Ци к вторичному Хаосу вездесущего предела, называемого Великим пределом. «Покой» — сущность Беспредельного, а движение — способ существования Беспредельного. Если говорить о покое: внутри нас полная пустота, нет мыс-

лей, взгляд не устремлен ни вовне, ни вовнутрь. Если говорить о движении: следуйте естественному вращению тела, и тогда в вас укрепится энергия Беспредельного» [20, с. 126]. Беспредельное — аспект прото-бытия Пути; Великий Предел служит обозначением предельной конкретности направленного движения. Беспредельное — свойство Духа, его способность порождать различные состояния энергии Ци, качественно разнообразить ее содержание. В свою очередь эти разнообразные ипостаси энергии Ци реализуются на разных формах движений и поз в даосской практике, что и воплощает силу Великого Предела, поскольку, как известно, позы и движения системно организованы, представляют целостность и этим своим качеством обуславливают непостижимое умом совершенство человеческого тела и неиссякаемую сокровищницу его возможностей. Опять-таки прослеживается действие ноосферного закона: рафинированная сущность Беспредельного (Дух) порождает многообразные почти до бесконечности формы энергии (Ци), воплощающиеся в формах телесного совершенства, достигающего невероятных высот. Таков Путь Дао, Путь сердца в древнекитайской философии.

Древнекитайский философ Лу Сяншань, развивая мысль Мэн-Цзы, сказал: «То, что теряется, — это сердце. То, что берегут, — это тоже сердце». Вот почему Мэн-Цзы говорил: «Великий человек — тот, кто не теряет своего детского сердца» [20, с. 372]. С этим текстом созвучны слова Библии, в которых заключена вековая мудрость уже европейского человечества: «Где сердце твое, там и сокровище твое». «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источник жизни» [Притчи, 4:23]. «Истинно говорю вам, кто не примет Царства Божия как дитя, тот не войдет в него» [Луки, 18:17].

Эти параллели показывают, что духовный опыт Древнего Китая содержательно близок духовному опыту христианства. Вероятно, можно найти перекличку с духовным опытом и практиками других времен и народов.

Какая модель понимания, структурирующая коммуникативное пространство ноосферы, является наиболее адекватной его сущности? Безусловно, не интерпретационная, не «постав», не технологическое «вскрытие», разрушение бытия, но собственно-понимающая, ожидание «просвета в бытии», «вживание». «Постав» развивает отношение «Я — ТЫ» в направлении «Я — ОН — ЧУЖОЙ — ВРАГ», то есть по пути смерти. «Вживание» определяет путь «Я — ТЫ — СВОЙ — ДРУГ — Я», путь жизни.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о безусловно ноосферном содержании философского и религиозного знания с древнейших времен до наших дней. Но остается открытым вопрос о причинах такой преемственности, о свойствах коммуникативного пространства ноосферы, позволяющих ее осуществлять. Это основной вопрос не только философии, но и религии, и науки, и искусства — вопрос об отношении конечного, земного, ограниченного существования и знания — к безусловному началу. Это ноосферное отношение, выраженное в понятиях ноосферы и ноосферности. Оно может служить основанием, краеугольным камнем синтеза всего теоретического знания, о котором писали В. И. Вернадский и В. С. Соловьев.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 279 с.
2. Барт Р. Система моды : статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с.

3. Борхес Х. С. Сад расходящихся тропок // Свидетели обвинения. М. : Моск. рабочий, 1989. С. 538—548.
4. Брагин А. В. Мир как система и человек / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2001. 157 с.
5. Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М. : Наука, 1987. 180 с.
6. Гирусов Э. В. Основы социальной экологии. М. : РУДН, 1998. 172 с.
7. Данилова В. С., Кож евников Н. Н. Книга природных знаков как путь ноосферогенеза в информационном обществе // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М. : Традиция, 2001. С. 9—19.
8. Дмитревская И. В. Герменевтика драматургии Чехова / Иван. с/х акад. Иваново, 2008. 185 с.
9. Дмитревская И. В. Логика : учеб. пособие для вузов. М. : Флинта, 2006. 383 с.
10. Дмитревская И. В. Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. С. 8—27.
11. Дмитревская И. В. Ноосферный диалог — путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. С. 57—87.
12. Дмитревская И. В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М. : Изд. дом «Ноосфера», 2003. С. 194—206.
13. Дмитревская И. В. Реальность ноосферы и смысл бытия // Ноосферные исследования. Вып. 2. С. 5—86.
14. Дмитревская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1985. 87 с.
15. Дмитревская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом Космосе // Ноосферная идея и будущее России / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. С. 29—32.
16. Дмитревская И. В. Человек в пространстве глобальных коммуникаций. // Философская антропология и гуманизм. Владимир : Владимир. гос. пед. ун-т, 2004. С. 220—251.
17. Казначеев В. П. Феномен человека: космические и земные истоки. Новосибирск : Кн. изд-во, 1991. 126 с.
18. Кочергин А. Н. Экология и техносфера. М. : МГУ, 1995. 132 с.
19. Лот ман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2002. 703 с.
20. Малявин В. В. Духовный опыт Китая. М. : Астрель, 2006. 398 с.
21. Маслеев А. Г. Человеческое измерение Вселенной: космизм и антропоцентризм. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. 111 с.
22. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.
23. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М. : Молодая гвардия, 1990. 351 с.
24. Порт нов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 370 с.
25. Порт нов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосфера и семиосфера // Ноосферные исследования. Вып. 2. С. 88—178.
26. Порт нов А. Н., Турчин А. С. Семиотическая функция: философские, социологические, психологические аспекты // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2002. Вып. 2. С. 5—20.
27. Семиотика : антология / ред. Ю. С. Степанов. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 702 с.
28. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 244 с.
29. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума. Иваново : ИвГУ, 2008. 370 с.
30. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 184 с.
31. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
32. Урсул А. Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М. : Луч, 1993. 274 с.

33. *Фёдоров В. М.* Биосфера, земледелие, человечество. М. : Агропромиздат, 1990. 237 с.
34. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1991. С. 221—238.
35. *Хайдеггер М.* К вопросу о назначении дела мышления / пер. А. Н. Портнова // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1991. С. 225—235.
36. *Шелковников А. Ю.* Философия семиотики. М. : Изд-во Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования, 2006. 169 с.
37. *Эко У.* Отсутствующая структура : введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 2004. 431 с.

ББК 87.3(2)6

Д. Г. Смирнов

**ЖИВАЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ
(по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова)**

Случалось ли тебе задуматься глубоко
Над неразгаданным вопросом бытия?
Зачем ты призван в мир? К чему твои страдания,
Любовь и ненависть, сомненья и мечты
В безгрешно правильной машине мироздания
И в подавляющей огромности толпы?

Надсон

Одной из самых важных задач регионального интеллектуального сообщества была и остается задача осмысления своего наследия. Именно в регионах создается «живая философия», неразрывно связанная со спецификой временных и пространственных координат, определяющих материальные и духовные измерения самоорганизации общества. Обращение к истокам регионального философствования позволяет глубже понять гуманитарную миссию, которую берет на себя область (ее со-общество), и оценить ее интеллектуальный потенциал в контексте развития страны в целом.

Мы привыкли, что все советские философы — исторические материалисты в духе «Краткого курса ВКП (б)». Но это заблуждение. Оно возникает по причине того, что они не могли открыто говорить и писать то, что хотели, о чем в действительности думали. Это в полной мере относится и к Николаю Павловичу Антонову. То, что составляло настоящее содержание свободного философского сознания, в полной мере раскрывается лишь на страницах записей, которые не должны были попасть (и как показывает история — не попали) в руки компетентных органов.

В реконструкции исторического сознания советских философов могут оказать помощь герменевтико-археологические исследования. Эти «раскопки» дают возможность переосмыслить устоявшиеся штампы, касающиеся представителей советской философской мысли.

© Смирнов Д. Г., 2010

Имя Николая Павловича Антонова для ивановского научного и философского сообщества — имя знаковое, и в этом смысле — историческое. Занимаясь с начала своей научной карьеры вопросами происхождения и сущности сознания, в конце 1970-х годов он вышел на тему ноосферы, которую определял как «сферу разума и труда цивилизованного человечества».

«Вначале мне было интересно само сознание, его происхождение и сущность, — говорил своим ученикам Николай Павлович, — но когда я с этим разобрался, встал куда более сложный вопрос, — а что в будущем ожидает сознание? Пытаясь ответить на него, я все глубже уходил в проблемы биосферы и ноосферы» [5, с. 247].

Анализ творческого наследия Н. П. Антонова, того его пласта, который касается понимания взаимосвязи истории человечества и процесса становления ноосферы, позволяет выделить два этапа понимания философом «ноосферной истории».

Первый этап условно может быть обозначен как *эмпирически-поэтический* — этап доминирования художественно-поэтической формы освоения истории. Связан он, в первую очередь, с работой Н. П. Антонова над «Философскими фрагментами» (насчитывающими 9 «тетрадей»), которая велась во время Великой Отечественной войны (с июля 1942 г. по май 1945 г.) [3].

Второй этап соотносится с его научными трудами по философии ноосферы и условно может быть назван *теоретико-методологическим*. Программными работами этого периода творчества Н. П. Антонова считаются «Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли» [4], «Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы» [1] и «Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу» [2].

Настоящая статья посвящена анализу исторического сознания раннего Антонова, которое раскрывается на страницах «Философских фрагментов» через категории «живая жизнь», «закон живой жизни», «железная необходимость», «книга жизни» и др.

История как история

Мы еще до конца не понимаем «Философские фрагменты», их когнитивный потенциал. Они кажутся нам компилятивными сочинениями, что не совсем верно. «Философские фрагменты» — это выраженная потребность в осмыслении для самого себя одного из рубежных моментов «ноосферной истории» XX века. Именно война сделала Николая Павловича философом.

Более всего Н. П. Антонова интересовала проблема развития, которая в социокультурном плане предстает как проблема исторической обусловленности, а еще шире — как проблема истории и ее смысла. Философ размышляет над «разными» историями — историей отдельного человека (конкретной личности), историей войны, историей родины, историей мира, создавая гетерархическую систему «большой истории», где взаимодействуют история персональная, история региональная, история глобальная.

Н. П. Антонов ставил цель раскрыть «тайну истории», тайну той живой жизни, которую он наблюдал собственными глазами, которая его волновала, которую ему, порой, очень хотелось изменить. «И вот хочется найти эту скрытую движущую силу (пружину) бытия и закономерность его разви-

тия, — пишет он на страницах «Философских фрагментов», — и в этом кажущемся хаосе событий и столкновений, в личной и общественной жизни людей, и она есть эта закономерность, но трудно уловима и от воли людей независима...» [3, с. 20].

Решение проблемы рожденный войной философ ищет и находит в трудах К. Маркса и В. И. Ленина (через противопоставление позиции Ф. Ницше), понимая ее, однако, по его собственным словам, «сложней и шире», чем это представляют «наши пропагандисты».

История как «живая жизнь»

По первому образованию Николай Павлович был биологом. В 1936 году он окончил естественный факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Это не могло не отразиться на его подходе к осмыслению исторического среза бытия. В сознании биолога Антонова история предстает как процесс развертывания жизни от простейших форм к сложнейшим, высшим («от психики животных к мышлению и сознанию человека»); процесс вписывания (включения) человека и общества в биосферную историю как историю природы.

«Чем больше я думаю, — пишет Н. П. Антонов, — тем больше удивляюсь бесконечной сложности, многогранности форм проявления, красоте и величию живой жизни и мира» [3, с. 18]. Именно живая жизнь во всех ее проявлениях (положительных и отрицательных, если к жизни применимы подобные оценочные категории) есть суть разворачивания исторического процесса. Николай Павлович даже выводит аналогичную гегелевской формулу: «Все есть жизнь, жизнь есть все» [3, с. 35].

Этот красивый, но несколько абстрактный тезис вырастает из признания того факта, что «наивный реализм народных масс стоит ближе к объективной истине, чем философские размышления многих образованных людей» [3, с. 51]. Философия раннего Антонова была порождена как раз потоком живой жизни, в который он окунался каждый день, каждую минуту — жизни, полной любви и ненависти, героизма и трусости, верности и подлости; пошлого, грязного и нравственного, чистого.

«Я учусь читать книгу жизни...»

История для Н. П. Антонова значима, знакова, символична, семиотична. Она предстает в виде «книги жизни», и каждый человек представляет собой такую «неразрезанную и непрочитанную» книгу, требует прочтения. Соответственно жизнь человеческого общества — это, фигурально выражаясь, «книга книг жизни», которая никогда не сможет быть прочитана до конца, но которая, тем не менее, ждет своих читателей.

«Жизнь это есть интересная и увлекательная книга, надо только уметь ее читать, понимать прочитанное, наслаждаться прекрасным и ненавидеть пошломое и грязное, воспитывая в себе все лучшие человеческие качества и подавляя низкие и грязные, и учиться правильно, красиво, умно и полно жить, читая книгу живой жизни... Я учусь читать книгу жизни и начинаю любить читать ее больше настоящих — действительных книг» [3, с. 17].

В контексте исторического сознания Н. П. Антонова естественнонаучная методология (экологический подход) дополняется гуманитарной (герменевтический подход). Именно последний позволяет раскрыть экзистенциальную

сущность истории в единстве потребностей, интересов, мотивов, убеждений, принципов, идеалов личности. В рамках герменевтического подхода история как «книга жизни» раскрывается на уровне личностного измерения истории.

Экзистенциальная история как история нравственная

«Живая жизнь — это лабиринт, из которого нет выхода. В нем каждый может идти и плутать своим путем и путем других. Количество этих путей бесконечно, и они не остаются постоянными и неизменчивыми, а изменяются» [3, с. 20]. Такое понимание жизни неразрывно связано с нравственным компонентом личностной истории.

В этой экзистенциальной истории, по Н. П. Антонову, все должно подчиняться нравственному императиву, нравственности как высшему проявлению человеческого в человеке. Именно наличие или отсутствие у личности нравственного и интеллектуального экзистенциала, который раскрывается у Н. П. Антонова через категорию «цель», определяет реальность или абсурдность жизни. «Красота и смысл жизни — в силе стремления к цели. Жизнь без цели есть не жизнь, а животное существование». Цель же заключается «в высоких благородных стремлениях человеческой мыслящей чистой души к торжеству истины и добра, знания и разума, справедливости и равенства, стремлении сделать всех людей лучшими, благороднейшими представителями человеческого рода» [3, с. 37].

Николай Павлович ставит нравственность (нравственные качества личности) в жизни на первое место. Практически каждый отрывок «Философских фрагментов» так или иначе касается этого измерения «человеческого качества». Разумное, по Н. П. Антонову, не может быть безнравственным, а безнравственное — разумным. Нравственность постулируется как атрибутивное качество, свойство, отношение живой разумной истории.

Действительно, замечает Николай Павлович, «жизнь учит, что благоразумнее быть умным подлецом, чем честным дураком» [3, с. 29]. Но тут же оговаривается — «но эта точка зрения не может быть моей точкой зрения» [3, с. 30].

Н. П. Антонов, исходя из многообразия, присущего миру, обществу, отдельным людям, подчеркивает, что «все люди по одной истине, *по одной морали* (курсив мой. — Д. С.), закону и идее жить не могут» [3, с. 23]. Но этого и не нужно. Мораль, действительно, может быть разной у разных социальных групп, и в этом ограниченность используемой в данном случае категории. Мораль предстает у Н. П. Антонова как конъюнктурное преломление нравственности в конкретной исторической ситуации. Тем более, что само понятие «мораль» («мораль-в-себе») не несет выраженного оценочного компонента.

Историю, по Н. П. Антонову, «творят» нравственность и разумность, разумность и нравственность, разумная нравственность и нравственная разумность, актуализируясь и распаковываясь в историческом контексте практической деятельности и действительности человека и общества. В этом контексте история человечества может быть названа «ноосферной историей».

Живая ноосферная история

На страницах «Философских фрагментов» Николай Павлович предстает перед читателем прежде всего как человек, личность, и только потом как философ и ученый. Его осмысление и постижение ноосферной истории носит стихийный характер. Стихийным его можно назвать и потому, что он объ-

единяет природную и социальную стихии в рамках единой истории; и потому, что наиболее полно его понимание ноосферной истории находит выражение в форме стихов.

Стихийность ноосферной истории предполагает независимость хода истории от разума конкретного человека, но удивительную зависимость от разумности как атрибутивного качества истории в целом.

«Цветущий луг»

«Цветущий луг» — один из самых художественно-поэтических текстов «Философских фрагментов», которому, судя по всему, сам Николай Павлович придавал особое значение. Это «стихотворение в прозе» может рассматриваться как квинтэссенция философского (а точнее — ноосферного) мировоззрения мыслителя, в котором перед читателем раскрываются в качестве единого целого не только литературный дар писателя, но и биосферное миропонимание ученого.

«Солнце. Прекрасный июльский полдень. Тихий ласкающий ветерок колышет зеленый цветущий ковер луга» [3, с. 8]. Так начинается этот необычный для обычного ученого философский фрагмент.

Первое слово сразу же задает определенный смысл и отсылает читателя к традиции русского космизма. Солнце — вот фундаментальное основание живой жизни. От него разливается жизнь в природе: сначала в растительном мире, затем в животном царстве.

Этот «рай на земле» неожиданно взрывается мыслями о войне, творении человеческих рук, которое в одно мгновение может разрушить все живое, уничтожить живую жизнь. И вдруг — снова «Тихо».

У Николая Павловича луг (вообще это многообразное единое царство флоры и фауны) предстает как реальный аналог человеческого мира. История луга «повторяет» историю общества. «Борьба, уничтожение и смерть обеспечивают красоту и развитие жизни. Это звучит дико, парадоксально, но это так, это закон жизни» [3, с. 9].

Биосферное видение природного мира Н. П. Антоновым распространяется на общество, расширяясь, развертываясь, тем самым, в ноосферное видение единого мира.

«Я не поэт, а философ»

Николай Павлович на страницах «Философских фрагментов» предстает скорее не просто как ученый-философ, а как философ-поэт (философ с поэтическим мышлением). Наиболее полно ноосферный смысл истории раскрывается перед читателем как раз в подобранных им стихотворениях.

Среди научных и философских размышлений у него то и дело проскакивают стихи, выступая квинтэссенцией той или иной мысли, тезиса. Среди его любимых авторов Надсон, Плещеев, Полонский, Пушкин, Лермонтов, Жемчужников, Голенищев-Кутузов, Апухтин, Горький.

Н. П. Антонов считает, что именно поэты «в образной, художественной форме с большой силой изображения... как наиболее чувствительные и тонкие приборы, сумели подметить и отразить в своем поэтическом творчестве диалектический противоречивый характер жизни, ее относительность» [3, с. 37].

Практически все строки, которые он приводит на страницах «фрагментов», проникнуты «поэзией мировой скорби», поэзией бессилия человека перед реальностью и историей.

Лейтмотивом этой своеобразной поэтической философии Н. П. Антонова могут служить строки его любимого поэта Семена Яковлевича Надсона. По ним можно проследить борьбу различных картин мира в историческом сознании Николая Павловича.

Случалось ли тебе задуматься глубоко
 Над неразгаданным вопросом бытия?
 Зачем ты призван в мир? К чему твои страдания,
 Любовь и ненависть, сомненья и мечты
 В безгрешно правильной машине мироздания
 И в подавляющей огромности толпы?

Бедна, как нищая, и как рабыня лжива,
 В лохмотья яркие пестро наряжена —
 Жизнь только издали нарядна и красива,
 И только издали влечет к себе она.
 Но чуть взглядишься ты, чуть встанет пред тобою
 Она лицом к лицу — и ты поймешь ее обман,
 Ее величие под ветхой мишурою
 И красоту ее — под маскою румян.

Вот жизнь, вот этот сфинкс! Закон ее мгновенье —
 И нет среди людей такого мудреца,
 Кто б мог сказать толпе — куда ее движенье,
 Кто б уловил черты ее лица.

В этих трех отрывках перед нами раскрываются последовательно сменявшие друг друга в истории картины мира — классическая, неклассическая и постнеклассическая. В первой исторический процесс определяется жесткими однозначными причинно-следственными связями и история предстает как «безгрешно правильная машина мироздания». Во второй — в истории появляется момент случайности, двойственности. «Жизнь только издали нарядна и красива», понятна познающему субъекту, а при внимательном рассмотрении «обман истории» становится явным. В третьей — случайность правит бал, история непредсказуема, непредопределима, «И нет среди людей такого мудреца <...> Кто б уловил черты ее лица».

Познание человеком жизни, мира, истории смутно. Жизнь играет с человеком (и человеком), пряча истинные смыслы за яркими лохмотьями, под маскою румян. Человек обманывается жизнью. Она настолько «противоречива», непроста, что ему трудно отличить подлинное бытие от мнимого.

Поэзия, по Н. П. Антонову, хорошо описывает мир, но не объясняет его. Объяснение жизни и истории — это задача философии. «Я не поэт, а философ, и это обязывает меня быть объективным, не поддаваться чувству и воображению, не выдавать часть жизни за всю жизнь, а полнее, всестороннее, многограннее, объективнее охватить ее такой, как она есть во всех формах ее проявления, и часть истины не выдавать под влиянием вдохновения и впечатления за целую истину» [3, с. 36].

«Замечания о развитии действительности»

Н. П. Антонов, замечая о развитии действительности, выделяет 19 основных принципов развертывания исторического процесса и развития общества.

1. «Прямая дорога к истине делается ясной для ума лишь тогда, когда цель уже достигнута» (Сеченов).

2. Правильное решение практического развития складывается в процессе развития самой действительности, в процессе борьбы различных интересов и мнений людей.

3. Насколько правильно принято решение о субъективной деятельности и создании действительности, проверяется и осуществляется только на практике. В процессе практического действия намечается наиболее правильное решение и направление плана, раньше возникающего в сознании людей.

4. Развитие действительности непредопределено. Действительность в своем развитии всегда имеет не одну, а несколько возможностей. Какая из возможностей превратится в действительность — решается в процессе борьбы субъективной, практической деятельности людей.

5. Общее направление развития действительности предопределено всем предшествующим развитием — историей прошлого развития, а конкретные формы его зависят от настоящих причин их взаимодействия и борьбы.

6. Решающее значение в направлении общего развития имеют объективные факторы, а в конкретных формах его проявляются субъективные, случайные.

7. В конце концов, общий результат исторического развития будет один и тот же, какую бы конкретную форму и отклонение не приняла действительность в своем развитии. Рано или поздно, в той или иной форме эта объективная необходимость, осуществляющаяся через случайность, придет к своему результату.

8. Объективный ход событий осуществляется через субъективную деятельность людей, а субъективная деятельность людей создает объективный ход событий.

9. ...в результате <...> индивидуальной субъективной деятельности людей, направленной на удовлетворение личных потребностей, образуется объективный ход событий, имеющий свои внутренние закономерности и влияющий на поведение, поступки и действия людей, подчиняющий их себе.

10. Объективный ход событий в развитии общественной жизни людей <...> встает как слепая естественноисторическая железная необходимость над людьми, определяя, диктуя, подчиняя их поступки и действия. Люди вынуждены делать не то, что они желают (война), а то, что диктует им эта слепая необходимость.

11. Предвидение конкретных форм развития действительности в силу непредопределенности развития невозможно. Но общий результат, общее направление развития на основе знания закономерности общественного развития предвидеть можно и нужно.

12. Диалектический метод, являясь наиболее правильным методом познания действительности, все же не дает возможности абсолютного познания, предвидения и управления действительностью и избежания ошибок.

13. Ход общественного развития не может быть прямолинейным и гладким. Действительность развивается значительно медленнее, чем нам хочется, и не так, как нам хочется.

14. Сознание и субъективная деятельность влияют на объективный ход развития.

15. Развитие действительности имеет диалектический характер и осуществляется через борьбу и противоречия как внутренний источник развития и самодвижения действительности.

16. В полной мере, в чистом виде задуманный результат никогда не получается, и отклонение будет тем больше, чем больше массовый характер носит данное действие.

17. Чем шире движение и результатом большего участия индивидуальных субъективных волей и объективных факторов оно является, тем менее оно доступно влиянию индивидуальной деятельности людей, тем больше оно носит стихийный характер.

18. *Разум никогда не может создать столь совершенную организацию, устройство, подгонку и притирку, которые осуществляются только в процессе естественного развития через борьбу и противоречия, в процессе которых неприспособленное уничтожается; совершенствование осуществляется в процессе диалектического развития действительности* (курсив мой. — Д. С.).

19. Индивидуальное бытие определяет индивидуальное сознание, восприятие и понимание действительности. А общественное бытие определяет общественное сознание, политические и идеологические теории, а также индивидуальное сознание» [3, с. 45—47].

В своих «замечаниях» Николай Павлович предстает перед читателем не только как зрелый последователь теоретического марксизма, но и делает ставку на своеобразный «здоровый смысл» истории, не всегда совпадающий с голой теорией, работая в парадигме эмпирических исторических обобщений. Предлагаемые Николаем Павловичем замечания должны рассматриваться как пример личностного эмпирического обобщения («эмпирического замечания (подмечания)») фактов природной и социальной действительности.

На первый взгляд может показаться, что Н. П. Антонов выступает с позиций диалектического и исторического материализма, классической исторической картины мира, о чем говорят, в частности, пункты 5, 8, 9, 15, 19. Однако остальные положения могут быть интерпретированы в ином, неклассическом и даже постнеклассическом ключе. Пункты 4, 11, 13, 16, 17 в контексте современных синергетических представлений о действительности обретают новое звучание и задают новые смыслы истории. А утверждение, что «диалектический метод <...> все же не дает возможности абсолютного познания», косвенно указывает на то, что Н. П. Антонов стремился привлечь альтернативные концепции философии истории для объяснения течения исторического процесса.

Особо следует обратить внимание на 18 эмпирическое замечание. Здесь Н. П. Антонов впервые использует понятие «разум», которое выступает альтернативным по отношению к классическим терминам материализма (сознание, бытие, действительность и др.). Контекст употребления этого понятия предполагает принятие субстанциальной парадигмы (как и в случае с категорией «материя»). По сути, Николай Павлович в этом своем положении предупреждает идею ноосферы как сферы разума и ноосферной истории как истории борьбы разумного разумного и неразумного разумного, истории подчинения действительности Разуму. Заметим, что Н. П. Антонов не склонен преувеличивать роль разума в контексте истории. Действительно, «разум никогда не может создать столь совершенную организацию», но этот тезис не отрицает возможности создания более совершенной организации, устройства, чем то, которое существует в конкретный момент исторического времени.

Н. П. Антонов чаще всего обращается к философскому наследию Г. В. Ф. Гегеля. Именно этот представитель немецкой классической философии

фии, по мнению Николая Павловича, предложил верное понимание сути хода истории. «В плане исторической обусловленности *был прав Гегель* (курсив мой. — Д. С.), говоривший: “Все действительное разумно, все разумное действительно”» [3, с. 18].

«Нет — миром управляет не разум! А что же?»

На первый план у Николая Павловича выбивается мысль о исторической борьбе разумного и неразумного, точнее — *разумного разумного и неразумного разумного*, которая подкрепляется и иллюстрируется разнообразными историческими сюжетами. Он так формулирует свою основную идею этой диалектики: «...в жизни есть эти две противоположные возможности — слепого следования за своими страстями и желаниями и подчинение их воле, обуздание их» [3, с. 19], соответственно в жизни всегда будут люди, следующие и тем, и другим путем.

С точки зрения Н. П. Антонова, это положение вещей наиболее остро проявляет себя в критические моменты истории общества, например на фронте, так как война снимает все покровы с общественных отношений людей. «В армейской обстановке очень сильно сказывается положение: чем меньше ума, культуры и выдержки, тем больше апломба, хамства и злоупотребления властью над подчиненными и унижения человеческого достоинства...» [3, с. 28].

Именно против этого должен бороться человеческий разум. Действительно, «жизнь учит, что благоразумнее быть умным подлецом, чем честным дураком» [3, с. 29]. Но это мнимая, неразумная разумность, разумность низшего порядка, предопределяемая наличествующими условиями.

Эта разумность низшего порядка в конечном итоге подчиняется куда более мощной разумности исторического процесса в целом: «жизнь пойдет своим чередом — так как есть в природе» [3, с. 39]. Как бы много проявлений неразумного ни было, в истории срабатывает своеобразный защитный механизм, который независимо от воли и желания отдельных людей ставит их неразумные поступки «на службу» разумности.

«Кончил читать “Титана” (это еще до войны) Т. Драйзера, — пишет Н. П. Антонов. — Опять та же ясная мысль о какой-то всеобщей закономерности, о железной необходимости, не зависящей от взглядов и действий людей» [3, с. 30].

«Материалистическое» понимание истории

«Если же жизнь есть следствие объективного развития бытия материи...» [3, с. 16], — такое предположение Н. П. Антонов формулирует в июле 1942 года. Значительно позднее, в 1979 году, он выражает свою мысль более полно и определенно: «...в процессе эволюции форм отражения в неживой и живой природе, от психики животных к мышлению и сознанию человека, в росте могущества научных знаний, накапливаемых людьми, в успехах гения человеческой мысли в познании мира, в мыслящем мозгу человека, в общественном сознании людей, *материя в своем развитии доходит по познания самой себя* (курсив мой. — Д. С.)» [1, с. 6].

Здесь Н. П. Антонов использует в качестве методологической основы своеобразный «стихийный диалектизм», преодолевая, тем самым, в понимании истории не только исторический, но и диалектический материализм. Обратим

внимание, что главная категория здесь — «материя». Но материя — понимаемая и толкуемая в духе Б. Спинозы, в рамках субстанциональной парадигмы.

Именно развитие материи составляет сущность развертывания глобального исторического процесса. Ноосферная история, по Н. П. Антонову, есть *процесс разворачивания материи в формы жизни и разума*.

В процессе «эволюции материи» он четко фиксирует два этапа: первый — *стихийно-телеологичный* — процесс разворачивания материи в формы жизни, который можно обозначить как биосферный (биогенный); и второй — *сознательно-целесообразный* — процесс разворачивания материи в формы разума, который может быть назван ноосферным (ноогенным).

История человеческой мысли

Николая Павловича интересовал, прежде всего, второй — сознательно-целесообразный этап как более близкая ему и значимая для него история. Война и думы о ее исходе заставляют Н. П. Антонова задуматься о том, что является главным, ведущим в историческом процессе. Он приходит к убеждению, что суть исторического процесса составляет история человеческой мысли, выступающая для всего человечества своеобразным регулятором мировой истории.

«История развития человеческой мысли есть история познания — история науки, философии, техники и культуры, — в конечном счете, вся история общественной жизни людей, и наоборот, история познания — история науки и философии — *история общества — есть история развития человеческой мысли* (курсив мой. — Д. С.)» [3, с. 21].

Н. П. Антонов утверждает доминантой («концептом», в терминологии системного подхода) человеческой истории — историю мысли, разума — «интеллектуальную» историю человечества. Именно эта история человеческой мысли, понимаемая Н. П. Антоновым в максимально широком ключе, может (применительно к рассматриваемому этапу эволюции материи) рассматриваться в качестве прообраза ноогенного среза ноосферной истории.

Николай Павлович обращает свое внимание именно на это персоналистическое измерение исторического процесса, так как оно предстает в качестве «близкой истории» (микроистории), в отличие от «истории далекой» (макроистории и, тем более, мегаистории), которая лишена оттенка экзистенциальности.

«Закон развития»

«Действительность никогда не развивалась в точном соответствии с планом, намеченным людьми, разумом и тем меньше адекватно совпадала с ними, чем обширнее были эти планы и чем большую массу людей они охватывали, чем значительнее противостояние противоположных сил — это закон развития, выводимый из опыта всей предшествующей истории развития человеческого общества.

Развитие действительности <...> показывает, что *сознание, разум, сознательная активная деятельность людей, партий, классов намечает путь в борьбе различных возможностей развития действительности* (курсив мой. — Д. С.), а живая жизнь, практика вносит свои коррективы в то, что намечает разум, отбрасывая непригодное и закрепляя положительное, в практике, в жизни, в борьбе происходит подгонка, притирка частей развивающегося целого» [3, с. 52].

На наш взгляд, в этом пространном фрагменте Николай Павлович формулирует основополагающий (биосферно-синергетический) принцип развер-

тивания истории. Развитие идеи Н. П. Антонова о «законе развития» в контексте изучения ноосферной истории позволяет предложить следующую формулировку этого принципа: *живая жизнь отбирает из множества живых и разумных живых систем, естественного и искусственного происхождения, «отбрасывая непригодное и закрепляя положительное», только те системы, которые соответствуют императиву разумности.*

Николай Павлович не только теоретически формулирует принцип ноосферной истории как историческое эмпирическое обобщение, но и экстраполирует его на праксиологическое измерение истории, показывая, что разум не есть «демон Лапласа». И эта мысль актуальна именно сейчас, когда человечество оказалось заложником этого «безумного разума». «Разум, выросший из действительности и вставший над ней, думает командовать и управлять действительностью по своей воле. Разум думает, что все можно устроить при помощи разума так, как хочет и считает нужным и лучшим для себя человек, в соответствии со своими интересами и взглядами» [3, с. 54]. Но это не так. Разум в истории всегда ограничен, а в ноосферной истории он ограничен «в самом себе».

Здесь разум понимается одновременно и в субстанциональном смысле, и в смысле атрибутивном. Этот отрывок показывает, что в философии Н. П. Антонова до конца не преодолена пропасть между пониманием «разума как субстанции» и «разумом как свойством человека».

Перед нами не просто стандартное диалектико-материалистическое понимание истории, а значительно более широкий биосферно-материалистический взгляд на историю человеческой мысли как историю становления ноосферы. От этого субстанциально-материалистического пафоса один шаг до универсумно-семиотического понимания ноосферной истории.

Вместо заключения

Материал, представленный в настоящей статье, может быть условно обозначен как «истоки и предпосылки ноосферной истории» и отнесен к периоду раннего Антонова. Значительно позднее, когда Николай Павлович накопил научный опыт, в том числе и на зарубежных стажировках, в конечном итоге у него сформировалось глобальное фундаментальное ноосферно-материалистическое историческое мышление и видение мира, характерное для позднего Антонова.

Библиографический список

1. *Антонов Н. П.* Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // *Сознание и диалектика процесса познания : межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1979. С. 3—20.*
2. *Антонов Н. П.* Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // *Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение / Филос. о-во СССР. М. : Б. и., 1991. Т. 2. С. 125—138.* (Впервые опубли.: *Человек. Эволюция. Космос. София : Б. и., 1984. Кн. 4. Книжка I.*)
3. *Антонов Н. П.* Философские фрагменты // *Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 14—61.*
4. *Антонов Н. П., Халезова Т. Е.* Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли // *Проблемы сознания в условиях развитого социализма : межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1976. С. 12—30.*

5. Смирнов Г. С. Восхождение к ноосфере: (к 80-летию доктора философии Н. П. Антонова) // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. С. 246—250.

ББК 87.3(2)6

М. В. Жульков

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ, СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА И КОЛЛЕКТИВНОГО РАЗУМА В ТРУДАХ Н. П. АНТОНОВА

Как известно, благодаря усилиям Николая Павловича Антонова появилась ивановская ноосферная школа, изучающая философские проблемы сознания и его роль в становлении ноосферы. В настоящее время создается синтетическая область знания — ноосферология, в связи с чем полезно пересмотреть труды Н. П. Антонова. Это тем более интересно, что сегодня одно из основных направлений развития ноосферологии связано со становлением коллективного разума человечества, а Н. П. Антонов как раз изучал проблемы сознания и субъективного фактора в развитии ноосферы.

Общественное сознание, разум, субъективный фактор в их соотношении с коллективным разумом

Н. П. Антонов изучал проблемы происхождения и сущности разума и сознания [1—4]. При этом он использовал понятия «разум человека», «сознание», «субъективный фактор», «общественное сознание».

Н. П. Антонов работал в рамках концепции диалектического и исторического материализма, согласно которым материя первична и в своем развитии порождает идеальное как свою функцию. Сознание является результатом длительного исторического развития. Н. П. Антонов рассматривает формы восприятия: ощущение, восприятие как совокупность ощущений, представление как идеальный образ внешнего мира. Это все входит в первую сигнальную систему, которая является носителем образного мышления. На ее основе под действием труда и социальной организации появляются речь, язык и понятийное мышление, начинает развиваться вторая сигнальная система.

Разум включает в себя первую и вторую сигнальные системы. Сознание, осознание себя появилось позже, на основе развития разума, языка и мышления. Сознание и общественное сознание как его форма складывались под действием социальных факторов, совместного труда, познания и общения людей. Общественное сознание по отношению к индивидуальному есть объективно существующий фактор. Общественное сознание имеет структуру, свойства, функции, отражает общественное бытие и основные черты жизни общества.

Одним из важных вопросов философии сознания является вопрос о появлении субъекта познания. Субъект познания, отмечает Н. П. Антонов, появляется вместе с самосознанием, осознанием человеком своего Я в процессе трудовой деятельности: «Превращение отражающего объекта в субъект отражения, т. е. отделение субъекта от объекта познания и возникновение идеальной формы отражения, становится возможным только у человека на осно-

© Жульков М. В., 2010

• Серия «Гуманитарные науки»

ве общественно-трудовой деятельности. Оно связано с осознанием отражающим объектом самого себя как “Я”, с возникновением языка и мышления при помощи понятий» [2, с. 116]. Субъект познания понимается Н. П. Антоновым не просто как отражающая внешний мир система, а как активность, преобразующая мир на основе его познания в процессе трудовой и познавательной деятельности людей. «Преобразующая роль субъекта непрерывно возрастает в объективных процессах, совершающихся в природе и обществе» [2, с. 120].

Рассматривая проблему перехода биосферы в ноосферу, Н. П. Антонов выделяет роль субъективного фактора в этом процессе. В связи с этим возникает вопрос: что именно Н. П. Антонов понимал под субъективным фактором? Н. П. Антонов отмечает, что «наряду с жизнью во взаимодействие с живой и неживой природой постепенно стал вступать новый, небывалый ранее в истории Земли **субъективный фактор — разум и труд человека, сознательная целенаправленная трудовая деятельность людей, общественное производство**» (выделено мной. — М. Ж.) [6, с. 223]. «На наших глазах сознательная разумная общественно-трудовая деятельность людей — субъективный фактор — начинает все сильнее влиять на развитие не только общества, но и природы» [6, с. 225]. Приведенные цитаты показывают, что под субъективным фактором Антоновым понимается не вся субъективная жизнь, начиная с ощущения, а самосознание человека, его социальная, трудовая и познавательная деятельность.

Таким образом, разум, сознание и Я появляются у человека в процессе перехода от биологической эволюции к социальной, в процессе познавательной и трудовой деятельности. Необходимо отметить две мысли: социальный, общественный характер разума и его целевую функцию — разум всегда решал вопросы познания для выживания цивилизации. Другими словами, разум — это не отвлеченная конструкция, похожая на компьютер, он всегда был связан с действием, изменением окружающей среды; ее познание было необходимо для выживания и овладения новыми ресурсами, новыми технологиями жизни.

Общественное сознание объединяет наиболее общие моменты в отношениях между людьми, отношении людей к природе в процессе производства, а также основные философские, научные, художественные концепции. В настоящее время начинает употребляться понятие «коллективный разум». Это понятие фиксирует синергетический подход, поскольку в результате объединения индивидуальных разумов возникает системное свойство, которого прежде не было. Коллективный разум объединяет не только общие элементы индивидуальных сознаний, но и сами эти индивидуальные умы, с их сознательными, подсознательными и сверхсознательными структурами. Поэтому, на наш взгляд, понятие «коллективный разум» предпочтительнее понятий «общественный разум» или «общественное сознание».

Говоря о сущности разума и сознания, Н. П. Антонов подчеркивает их социальное происхождение и сущность, другими словами, их коллективный характер. Многие тысячи лет люди жили в общинах и смогли благодаря этому выжить и развить различные формы коллективного разума. Но он всегда носил локальный или региональный характер. В настоящее время начинает складываться общечеловеческий коллективный разум. Он является последним звеном в длинной цепи развития: массовое сознание древнего человека, индивидуальный разум, различные виды разума (религиозный, мифологический, философский, научный и др.), общественное сознание, коллективный разум отдельных групп, коллективный разум человечества.

Коллективный разум необходим для разрешения противоречий между природой и обществом [10, с. 247—254; 11, с. 187]. Н. П. Антонов называет субъективный фактор, научную мысль, разум, общественное сознание тем звеном, которое призвано разрешить противоречие между природой и обществом, создать условия для дальнейшего совместного развития.

Поэтому, сравнивая понятия, которыми пользовался Н. П. Антонов, и понятие коллективного разума, можно сделать вывод, что **коллективный разум есть общественное сознание плюс субъективный фактор**. Общественное сознание, как было отмечено выше, объединяет общие структуры индивидуальных сознаний, от которых зависит жизнь общества, субъективный фактор — это разум человека и разумная деятельность, он включает в себя и индивидуальные, и общественные структуры разума. Субъективный фактор исторически развивается вместе с развитием разума, социальной и трудовой деятельности людей. При этом коллективный разум является своеобразным вектором развития разума и сознания в истории эволюции человечества, их целью, последней по времени стадией, итогом развития субъективного фактора.

Следует отметить, что субъективный фактор понимался Н. П. Антоновым в большей степени в гносеологическом аспекте — разум как восприятие, интерпретация и объяснение объективной реальности, как научная мысль. Коллективный разум носит в большей степени онтологический характер, поскольку создается на основе структурных связей между умами отдельных людей и связей между отдельными идеальными образованиями — учениями, теориями, культурами, то есть различными отделами знания. Эти структурные связи кристаллизуются в различные общественные и социальные структуры, технические комплексы. Коллективный разум можно представить как результат постепенной кристаллизации человеческого ума, человеческого развития в целом.

Представляется методологически важным положение Н. П. Антонова о ноосфере как единстве материальных и идеальных компонентов. Это положение можно и нужно распространить и на понятие коллективного разума: коллективный разум есть единство материальных и идеальных компонентов. К идеальным компонентам относятся индивидуальные умы, а также такие структуры, как общественное сознание; философское, научное, религиозное, художественное сознание; коллективный разум власти, народа, интеллигенции и др. Материальные компоненты — это все материальные и организационные структуры коллективного разума: международные и общественные организации, социальные структуры общества, системы искусственного интеллекта, имитационные системы, экспертные системы, системы связи, передачи, хранения, обработки информации и др.

Коллективный разум и процессы самоорганизации геосфер

Философия сознания явилась для Н. П. Антонова базой изучения проблем ноосферы. Размышляя о будущем сознания, он все глубже погружался в проблемы биосферы и ноосферы.

Опираясь на труды В. И. Вернадского [9], Н. П. Антонов развивает сферный подход, показывающий историю развития планеты и ее поверхности, а также современную структуру геосфер. В эту структуру входят литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера, социосфера, техносфера и ноосфера. Рас-

смотрение диалектического развития сфер в их взаимодействии аналогично применению системного подхода, а появление жизни и разума показано ученым с позиций, которые позднее стали относить к синергетическому подходу.

«Геосферы взаимодействуют между собой, взаимопроникают друг в друга, между ними нет абсолютных пространственно-временных границ, поэтому их нельзя четко отделить одну от другой. Качественно различаясь между собой, они представляют единое целое — поверхность Земли, заселенную растениями и животными, человеческим обществом» [5, с. 170]. Благодаря тесному взаимодействию геосфер, круговороту вещества, энергии и информации, взаимодействию с космосом, прежде всего солнечным излучением, наша планета развивается как сложная саморазвивающаяся и саморегулирующаяся динамическая система [5, с. 171]. Сначала эта система порождает жизнь, биосферу, а затем и разум. После того как появился разум и социально организованное человечество, дальнейшее развитие природы попадает под влияние сознательной целенаправленной общественно-трудовой деятельности людей, вооруженных современной наукой и техникой [Там же]. Человек, его разум и сознание развивались постепенно, и говорить о ноосфере, ее первых ступенях можно только тогда, когда деятельность людей становится геологическим фактором, то есть с наступлением научно-технической революции XX века. При этом Н. П. Антонов отмечает творческий характер деятельности людей, когда сознание «не только отражает объективный мир, но и все в возрастающей степени творит его в процессе общественно-трудовой деятельности людей» [5, с. 173]. Таков диалектический путь развития планеты: в ходе естественной эволюции появилась жизнь, жизнь развила разум и сознание, и, наконец, сознание начинает влиять на развитие жизни и планеты в целом. «Субъект, его сознание и труд становятся первичными по отношению ко всему, что создано и создается человеком, ко всей второй очеловеченной природе» [5, с. 179]. В результате человеческое общество превращается в важнейший фактор дальнейшего развития природы [5, с. 180].

Рассматривая диалектическое развитие геосфер, Н. П. Антонов приходит к выводу, что главной чертой ноосферы «является высокий уровень общественного сознания, разума, научной мысли и активной, преобразующей мир общественно-трудовой деятельности людей» [5, с. 175]. Отсюда следует, что **ноосфера как сфера разума есть высшая ступень развития общественного сознания, познание материей самой себя**. Общественное и индивидуальное сознание является специфической чертой ноосферы. Поэтому «структура ноосферы представляет собой единство материальных и идеальных компонентов, труда и разума человека, всего того, что создано им» [Там же]. Это положение является важным не только для философии ноосферы, но и для философии коллективного разума.

Самоорганизация коллективного разума в процессе оптимизации взаимодействия природы и общества

Н. П. Антонов дает широкую картину саморазвития жизни и разума в биосфере и ноосфере. С появлением человека природа начинает развиваться также и под действием его разума и труда. Но, как отмечает Н. П. Антонов, хотя деятельность человека и стала сознательной, она не всегда является разумной. Так, он сравнивает основной негэнтропийный закон функционирования биосферы и деятельность человека. Биосфера структурируется под

действием энергии космоса, в основном солнечной энергии. Растительное царство преобразует энергию излучения в химическую энергию, и затем она используется всей биосферой. Человеческое общество расходует запасы энергии, накопленные биосферой за миллионы лет, сжигает полезные ископаемые, и в этом его деятельность является энтропийной — сознательной, но неразумной. С ростом мощности своей деятельности человек стал загрязнять окружающую среду, нарастают экологические проблемы. Это ставит перед человечеством задачу оптимизировать взаимодействие между обществом и природой. Н. П. Антонов считает, что именно субъективный фактор, сознание человечества призваны сыграть основную роль в решении этой проблемы. Тогда деятельность человека постепенно станет разумной, направленной на гармонизацию общества и природы. Но сначала человек должен наладить производство таким образом, чтобы оно стало по возможности замкнутым и безотходным. «Субъективный фактор, разум, научная мысль, производственная деятельность человека должны создать новую технологию производства, по аналогии с биогенным обменом веществ оптимизировать антропогенный обмен, замкнуть его, сделать безотходным, саморегулирующимся» [7, с. 225]. Человечество должно начать использовать небiosферные источники энергии, мыслить и действовать в планетном аспекте, тогда его деятельность постепенно станет негэнтропийной и созидательной.

Н. П. Антонов подчеркивает увеличивающееся значение субъективного фактора в эволюции, а также «направленность сознания, нацеленность его на оптимизацию взаимодействия общества и природы на основе наиболее адекватного познания объективных законов» [8, с. 236]. Человечество в процессе построения ноосферы не просто удовлетворяет свои растущие потребности. В ноосфере «сознательная человеческая деятельность приобретает черты “разумности”, направленности на гармонизацию взаимодействия общества и природы, экологизация сознания вносит коррективы в иерархию целей человеческой деятельности, человечество начинает мыслить в “планетном аспекте”» [Там же].

Так, благодаря росту разума и сознания, биосфера постепенно превращается в ноосферу. Эта же линия развития показывает рост коллективного разума людей. Именно коллективный разум человечества призван разрешить противоречие между обществом и природой, создать условия их коэволюции. На этом этапе самоорганизация коллективного разума становится сознательной и целенаправленной.

Самоорганизация коллективного разума определяется циркуляцией потоков вещества, энергии и информации в социосфере, техносфере и ноосфере как областях взаимодействия человечества и природы. Главной движущей силой самоорганизации коллективного разума является необходимость разрешения противоречия между обществом и природой на всех его уровнях: оптимизация структуры общества, управление дальнейшим развитием биосферы, гармонизация программ развития человечества и биосферы.

Предметная область коллективного разума

Н. П. Антонов отмечает, что современный уровень взаимодействия общества и природы можно рассматривать как переходный период от биотехносферы к ноосфере. Для становления собственно ноосферы требуется выполнение ряда социально-политических, экономических, научно-технических и духовных условий. Н. П. Антонов перечисляет эти условия:

«Социально-политические условия:

- установление мира на Земле и устранение из жизни человечества опасности термоядерной войны;
- уничтожение классово-национальной эксплуатации;
- интеграция человечества в единое целое.

Экономические условия:

- создание единой плановой экономики в масштабах всей планеты;
- утверждение единой общественной собственности на средства производства;
- выравнивание жизненного уровня народов различных регионов планеты.

Научно-технические условия:

- увеличение отражательных способностей человечества за счет совершенствования методики научных исследований и создания для них более совершенной материально-технической базы;
- превращение науки в непосредственную производительную силу;
- экологизация обычного производства (создание безотходных и замкнутых производств);
- осуществление перехода к бионизированному производству;
- открытие новых источников энергии, более полное использование возможностей гелиоэнергетики и энергии термальных вод;
- создание более совершенных систем обработки, хранения и поиска информации;
- преобразование средств связи и транспорта.

Духовные предпосылки:

- распространение марксистско-ленинского мировоззрения;
- высокий уровень развития общественного сознания;
- экологизация всех форм общественного сознания;
- утверждение системы ценностей, ориентирующей на повышение роли духовных ценностей по сравнению с материально-вещественными» [8, с. 237]. Практически все названные условия являются полем деятельности коллективного разума человечества и указанием для дальнейших исследований его проблем.

Изучая труды Н. П. Антонова, мы видим, что его мировоззрение было синтезом науки и философии, основывалось на глубоких размышлениях о сущности сознания, его происхождении и его будущем. Он изучал практически все основные проблемы ноосферного развития: становление и сущность разума и сознания, субъекта и Я; роль труда и социальной организации в развитии разума; определение ноосферы, ее основных черт и особенностей; связь ноосферы с техносферой и социосферой; сферный подход, который продолжает использоваться в настоящее время; роль сознания в преодолении экологического кризиса, оптимизации отношений между человечеством и природой, их совместном дальнейшем развитии.

Н. П. Антонов дал широкую панораму развития ноосферы, и она остается современной и востребованной в наши дни. Положение Н. П. Антонова об активной роли субъективного фактора в процессах преодоления экологического кризиса, оптимизации взаимоотношений общества и природы является кардинальным для понимания целевой функции становящегося коллективного разума человечества. Развивая положения Н. П. Антонова о субъективном факторе, можно сказать, что коллективный разум является основным

содержанием, ядром, сущностью субъективного фактора, вектором и целью его развития.

Таким образом, обращение к трудам Н. П. Антонова является плодотворным и конструктивным в уяснении современных проблем ноосферного развития, роли субъективного фактора и коллективного разума в становлении ноосферного будущего человечества.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Развитие мышления и языка ребенка // Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 62—115.
2. Антонов Н. П. Отделение субъекта от объекта познания и возникновение субъективной идеальной формы отражения // Там же. С. 115—131.
3. Антонов Н. П. К вопросу о природе психического // Там же. С. 132—146.
4. Антонов Н. П. Материальное основание сознания // Там же. С. 147—167.
5. Антонов Н. П. Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли // Там же. С. 168—185.
6. Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Там же. С. 205—220.
7. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Там же. С. 220—232.
8. Антонов Н. П. О материалистическом понимании ноосферы // Там же. С. 233—241.
9. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.
10. Моисеев Н. Н. Человек и Ноосфера. М. : Мол. гвардия, 1990. 351 с.
11. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.

ББК 87.21

О. С. Разов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ НООСФЕРЫ

Предметом интереса в данной статье являются аспекты взаимодействия информационных и ноосферных характеристик эволюции общества, особенности функционирования механизмов информационного развития социума, отражающих общее направление эволюции биосферы в ноосферу, системные свойства возникающих в процессе эволюции социальных и цивилизационных информационных структур.

Сам термин «ноосфера» в силу поливариантности и неоднозначности его использования требует некоторой конкретизации применительно к контексту работы. Известно, что согласно В. И. Вернадскому ноосфера есть такое *состояние биосферы*, при котором совокупная человеческая мысль становится важнейшим фактором, непосредственно и в первую очередь влияющим на эволюцию Земли: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой... Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”» [2, с. 241].

Тейяр де Шарден интерпретирует ноосферу несколько иначе, рассматривая ее как глобальную *суперпозицию индивидуальных сознаний*: «Множе-

ство индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте одного единого мышления» [12, с. 227]. Суперпозиция эта есть нечто большее, чем просто биосфера, нечто высшее по отношению к ней: «...пламя охватило всю планету. Только одно истолкование... в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера. ...Она действительно новый покров, “мыслящий пласт”, который... разворачивается с тех пор над миром растений и животных — вне биосферы и над ней» [12, с. 134].

Примерами развития и синтеза этих двух основных подходов к пониманию ноосферы могут служить многочисленные труды российских и зарубежных исследователей. В частности, выдвигалось понимание ноосферы как «сферы труда и разума цивилизованного человечества» [11, с. 32], «системно организованного всеобщего» [3, с. 8], «обладающего системной завершенностью состояния разума» [1, с. 55] и т. д.

Не имея целью разработку окончательной и бесповоротной формулировки определения ноосферы, хотелось бы отметить самый важный для данной статьи аспект, а именно: в любом понимании ноосферы речь идет о существовании *отдельных* «островков» сознания, «индивидуальных мышлений» и некоей *общности*, участие в которой и порождает «акт единого мышления». Иными словами, существуют индивидуумы, *связанные* друг с другом, причем связь эта имеет *коммуникативный* характер, то есть функционирование ноосферы как таковой подразумевает наличие многочисленных *актов коммуникации*, иначе говоря, постоянного обмена информацией. В масштабах ноосферы в целом этот обмен с неизбежностью должен носить *глобальный* характер, и для обозначения подобной *глобальной информационной среды* уже традицией стало использование термина *инфосфера* [4, 5, 6, 7, 8].

Поскольку ноосфера не есть нечто застывшее и неизменное (оба упомянутые выше варианта понимания ноосферы предусматривают ее динамику, появление, развитие и т. д.), следует ожидать, что эволюция ноосферы сопровождается эволюцией подчиненных ей компонентов (подсистем), в частности инфосферы. Именно особенности и *закономерности* стимулируемого эволюцией ноосферы *развития инфосферы* представляют наибольший интерес для данной работы.

Широкое и повсеместное использование понятия «инфосфера» отнюдь не означает его четкого определения, конкретизации его связи с такими, например, понятиями, как «техносфера», «цивилизация» и т. п., и тем более выявления свойств, особенностей функционирования и/или этапов эволюции инфосферы как таковой [Там же]. Традиционно авторство термина «инфосфера» приписывается А. П. Ершову, который определял ее как совокупность всех компьютерных средств хранения, обработки и передачи данных вместе с программным обеспечением, организациями и персоналом, обеспечивающими их разработку и эксплуатацию [4]. Нетрудно заметить, что подобное определение имеет конкретный, но довольно частный характер, что может быть достаточно адекватным для точных наук информационного профиля (информатики, программирования и т. п.), но для более общих случаев оно явно чрезмерно узко. Так, например, из этого определения следует, что до появления компьютерных средств никакой инфосферы не существовало. Вместе с тем, даже такое современное глобальное средство массовой коммуникации, как *радио*, появилось задолго до создания первого компьютера, а тем более компьютерной сети, и продолжает выполнять свои коммуникатив-

ные функции по сей день. Тем не менее, данное определение однозначно и корректно выделяет основные *функции инфосферы*, которые инвариантны любому ее пониманию, а именно: *хранение, обработка и передача информации*. Таким образом, более корректно будет определить инфосферу как *глобальную совокупность средств хранения, обработки и передачи информации*. В этом случае структурами инфосферы становятся и радио, и телевидение, и более традиционные средства коммуникации, что достаточно правомерно и логически непротиворечиво.

В связи с указанным определением встают вопросы о понимании как собственно информации, так и процесса обмена информацией, то есть *коммуникации*.

Известно, что существует два основных подхода к определению понятия «информация»: *атрибутивный* и *функциональный*. В данном случае мы будем опираться на атрибутивный подход, сущность которого заключается в том, что информация предполагается *имманентным свойством (атрибутом)* материи, в силу чего она может иметь место во всех объектах, процессах и явлениях как живой, так и неживой природы. Активным сторонником атрибутивного подхода является, например, А. Д. Урсул, исследования которого в значительной степени содействовали его развитию и распространению [8, 14].

Следует, тем не менее, отметить, что большинство существующих разногласий по поводу понятия информации обусловлены тем обстоятельством, что в *различном контексте* речь чаще всего идет о *разных формах информации*, многообразие и взаимодействие которых можно описать, в частности, в рамках аристотелевской диалектики формы и материи. В качестве примера рассмотрим следующую *иерархию форм информации*: предположим, существует некое голосовое сообщение, которое несет для реципиента определенное информационное содержание. Это сообщение и содержащаяся в нем информация есть *форма* для своего *материального* (в аристотелевском смысле) носителя — человеческой *речи вообще*, которая есть, с одной стороны, *информация*, но одновременно *форма* акустических колебаний, каковые тоже имеют *информационный* характер и, в свою очередь, являются *формой* для своего *материального* носителя — среды распространения, в качестве которой могут выступать газ, жидкость, твердое тело, и т. д. В конечном счете, *предельной формой* станет какой-либо *атрибут* (например, мера упорядоченности-неупорядоченности) какого-либо вида *предельной материи* (вещества, поля). Разумеется, приведенная иерархия может быть расширена и дополнена за счет *уровней акта коммуникации* (синтаксического, семиотического и т. п.) [7, 10], но общий принцип иерархии информационных форм при этом сохраняется.

В то же время следует обратить внимание на то, что собственно *информация* на разных уровнях этой иерархии *различна* и ее виды несводимы друг к другу. Так, в частности, звуковые колебания не обязательно могут нести для реципиента смысловую нагрузку, что зависит от их семантики и его тезауруса, но информацией они при этом быть не перестают; и напротив, одно и то же сообщение может передаваться посредством различных материальных носителей с применением различного их оформления (кодирования, модуляции и т. п.), не меняя при этом собственно конечного содержания самой высшей формы иерархии.

С точки зрения системного подхода (вариант А. И. Умова, согласно которому система есть вещь (*субстрат*), на которой реализуется отношение

(структура) с заранее фиксированными свойствами (*концепт*) [13]), иерархия форм информации есть *иерархия супер- и субсистем*. В приведенном выше примере предельная материя (вещество, поле) есть *субстрат* системы низшего уровня, *неупорядоченность* которого (в нашем случае — периодичность и аperiodичность физических характеристик, частоты, фазы, амплитуды и т. п.) есть *структура* системы, *концептуальным свойством* этой структуры является привнесенная с более высоких системных уровней *информация*. В свою очередь, эта система низшего уровня (информационно структурированная материя) *модулируется, комбинируется и компоуется*, организуя набор абстрактных звуковых колебаний в звуки и фонемы собственно языка, то есть *структурируется* в (*супер*)систему более высокого уровня, в качестве *концептуального свойства* этого уровня системы здесь опять-таки выступает *информация*, привнесенная с еще более высокого системного уровня, система звуков и фонем синтаксисом конкретного языка структурируется в следующую суперсистему, и так далее до смыслового или даже сверхсмыслового уровня сообщения.

Со стороны конечного сообщения (информационной *суперсистемы*) *смысл* сообщения (то есть информация высшего уровня, *концепт*) модулирует (*структурирует*) *субстрат* (элементы устного языка), которые, в свою очередь, структурируют голосовой субстрат (звуки и фонемы), которые структурируют акустические колебания, и так далее до системы низшего уровня.

На всех уровнях этой системной иерархии *концептом* системы текущего уровня выступает *информация*, привходящая с более высокого уровня (уровня *суперсистемы*). Эта информация определяет концептуальные свойства *структуры* текущего *субстрата*, который (за исключением системы низшего уровня) также имеет *системный характер* (является *субсистемой* или *множеством субсистем*), причем *сложность* субстрата убывает по мере приближения к системе низшего уровня, субстрат которой элементарен.

Таким образом, существует определенная *системная иерархия форм информации*, причем информация как *свойство структуры* на каждом уровне этой иерархии в общем случае *не соответствует* другому уровню (хотя и коррелирует с ним). С одной стороны, информация суперсистемы *включает* в себя информацию (или часть информации) систем предыдущего уровня (субсистем), но *не сводится* к ней, поскольку помимо информации, привходящей от субстрата, обладает собственными концептуальными свойствами (атрибутами) структуры. Так, например, собственные информационные свойства набора букв алфавита сами по себе не несут информации, присущей набранному из них тексту.

С другой стороны, структура системы, обусловленная информацией суперсистемы, далеко не всегда исчерпывает *все* информационные характеристики субстрата (субсистем) текущей системы, то есть объем собственной информации субстрата может превышать объем информации, обусловленный свойствами структуры системы. Например, известны два способа обмена информацией посредством звуковых волн: передача телеграфом (в частности, азбукой Морзе) и передача человеческим голосом. В обоих этих случаях используется одна и та же «материя»: система звуковых колебаний. Но в первом случае информационной структурой сообщения является исключительно комбинация длительностей звуковых импульсов, а, например, частота или громкость звуковых колебаний не несут смысловой нагрузки, хотя тоже

имеют *информационный характер*, что и используется для передачи обычной речи или музыки.

Иными словами, ни по объему, ни по общему совокупному содержанию, ни по структурным характеристикам информация различных уровней одной и той же системной иерархии *не совпадает*. Поэтому, например, понятие об информации как о научной мысли в планетарном масштабе [3] ничуть не противоречит пониманию информации как величины, обратной энтропии: это *иерархически различные формы информации, разные уровни системной иерархии информации*.

На основе рассмотренной системной иерархии форм информации любой акт коммуникации можно рассматривать как двухэтапную процедуру: во-первых, *нисхождение по информационной иерархии* от высшей формы к низшей, то есть многоступенчатое последовательное *кодирование* информации от смысла (причем не обязательно *рационального*, предельной информационной формой может быть и какой-либо *образ*, несущий *эмоциональную* нагрузку) до предельного атрибутивирования некоего материального носителя; во-вторых, обратный процесс *восхождения от низшей формы иерархии к высшей*, то есть многоступенчатое последовательное *декодирование* информации от предельных атрибутов этого материального носителя до собственно смысла сообщения.

По характеристикам и свойствам взаимодействия этих двух этапов можно строить различные *типологии актов коммуникации*. Так, например, по *временному промежутку* между ними можно выделить *синхронный* и *асинхронный* акты коммуникации. В первом случае восприятие информации реципиентом практически совпадает по времени с ее порождением эмитентом (примером этого может служить непосредственное устное или визуальное общение). Во втором случае восприятие информации может происходить через значительные промежутки времени: минуты, часы и так далее до обозримого времени существования человечества. Нетрудно заметить, что в случае асинхронного акта коммуникации в явном виде проявляется *функция хранения информации*, о которой упоминалось выше применительно к понятию инфосферы, причем информация с необходимостью хранится на *предельно низком* уровне иерархии информационных форм. Строго говоря, эта функция существует *всегда* (и в этом случае любой информационный обмен становится *трехэтапным*), другое дело, что в случае синхронной коммуникации длительность хранения информации исчезающе мала, что позволяет использовать столь недолговечные материальные носители, как звуковые колебания и т. п.

По *среде передачи/восприятия* информации (то есть виду предельно низкого уровня иерархии информационных форм) можно выделить акты коммуникаций *визуальные* (использующие зрение и, соответственно, оптические способы хранения/передачи информации), *аудиальные* (слух и соответствующие способы хранения/передачи звука), *тактильные* и т. д. По *виду передаваемой информации* указываются акты *наглядно-образной* (музыка, картинки, видеоряд) и *абстрактной* (речь, письменность) коммуникации; по различным другим основаниям выделяют коммуникации перформансные, мифологические, художественные и т. д. [7]. Для цели данной работы нет необходимости изучать всю бесконечность типологий коммуникации, поскольку важнейшие характеристики функций *передачи* и *хранения* информации уже выделены и рассмотрены.

На основании вышесказанного в любом акте коммуникации (обмена информацией) в общем случае можно выделить три этапа: 1) этап нисхождения по иерархии информационных форм от изначального смысла (предельной формы) до атрибутивирования предельной материи (иначе говоря, многоступенчатого *кодирования* информации и ее сохранения на конечный носитель); 2) этап *хранения* информации, причем время хранения зависит от типа коммуникации и свойств конечного носителя; 3) этап восхождения по иерархии информационных форм от атрибутов предельной материи до предельной формы — изначального смысла (иначе говоря, многоступенчатого *декодирования* информации).

Возвращаясь к собственно инфосфере, можно заметить, что она включает в себя *совокупность (систему) различных видов иерархии информационных форм*, поскольку именно последние обуславливают информационные свойства функций хранения, обработки и передачи информации. Другой подсистемой инфосферы становится совокупность технических средств, обеспечивающих функционирование иерархии информационных форм на уровне предельной материи. Таким образом, в инфосфере можно выделить *две подсистемы*: подсистему *собственно информационную* и подсистему *технологическую*, причем первая из них, информационная (*система видов иерархии информационных форм*), выполняет ведущую роль и существует на всех этапах эволюции инфосферы, вторая же, технологическая, возникает по мере усложнения старых и появления новых видов иерархии информационных форм. Например, изобретение письменности (или рисунка) как новой информационной формы привело к возникновению технологии письма (рисования) как структурирования свойств какого-либо материального носителя (камня, бересты и т. п.). Вместе с тем, эволюция технологической подсистемы инфосферы, в свою очередь, оказывает влияние на эволюцию подсистемы информационной, — в частности, открытие радиоволн послужило причиной появления информационной формы (способа кодирования/декодирования информации) для радиочастоты.

Таким образом, эволюция инфосферы заключается в коэволюции двух ее подсистем, информационной и технологической, и выражается в появлении новых информационных форм и их иерархий, а также технологий, обуславливающих их существование. Причем не следует увязывать появление инфосферы исключительно с технологическим прогрессом цивилизации: цивилизационно-технологический этап эволюции инфосферы возник не на пустом месте, поскольку те или иные формы информации, различные методы ее передачи, обработки и хранения существовали задолго до возникновения человеческих орудий труда, да, собственно, и самого человека как такового.

В этом плане инфосфера на ранних этапах своей эволюции строилась на основе достаточно примитивных информационных форм, а технологическая подсистема отсутствовала (если не относить к технологической подсистеме чисто биологические органы чувств и генерации сигналов). К этому этапу следует отнести формы *образной (невербальной) передачи сигнальной информации* посредством биологических органов, причем образы-сигналы могли быть как визуальными, так и аудиальными и содержали при этом достаточно несложную информацию конкретно-событийного характера (выражали простейшие эмоции, сигналы об опасности и т. п.). Вместе с тем, несмотря на примитивность данного уровня иерархии информационных форм, даже в этом случае можно выделить все *три этапа акта коммуникации*: этап

кодирования сообщения-смысла в акустический или визуальный сигнал, этап хранения информации материальным носителем и этап декодирования сигнала в сообщение-смысл биологическими органами чувств. Длительность хранения информации при этом могла быть совершенно различной: от времени затухания звука в воздухе до времени существования натуральной сигнальной окраски биологических и/или природных объектов.

Более развитой информационной формой, появившейся на следующем этапе эволюции инфосферы, является *знаковое представление (кодирование)* информации. Исторически она возникла, видимо, у общественных насекомых (танец пчел, запаховые знаки муравьев и термитов и т. п.), а в наиболее ярком виде эта форма представлена человеческой второй сигнальной системой — языком. Существенным преимуществом этой информационной формы является возможность кодирования *абстрактной* информации: расстояния (до объекта, например, медоносного поля), направления и т. д., короче говоря, всей той информации, которая не касается конкретного непосредственного восприятия органами чувств. Собственно говоря, именно эта информационная форма является необходимым условием существования *ноосферы* как сферы *разума*, опирающегося на манипуляцию информацией *абстрактного* характера.

Следующим существенным этапом эволюции инфосферы можно назвать появление *письменности*, которая с точки зрения иерархии информационных форм является модификацией *речевой информационной формы* путем замены *конечной материи* речевого знака (звуковых колебаний) на конечную материю, обеспечивающую значительное увеличение времени хранения информации (промежуточного этапа акта коммуникации), то есть глину, камень, металл, бумагу и т. п. Интересно в связи с этим отметить, что максимальное развитие получил именно тот вариант письменности, *информационная структура* которого в наибольшей степени изоморфна информационной структуре звуковой речи, а именно *алфавитное письмо*, знаки-символы которого более всего (по сравнению с письмом иероглифическим и силлабическим) соответствовали речевым *фонемам*, то есть элементарным речевым знакам.

Увеличение *времени жизни* сообщения (длительности этапа хранения информации) самым непосредственным образом повлияло на *уровень глобальности и степень устойчивости* инфосферы. Если при распространении устной информации количество ее реципиентов существенно ограничено, а кроме того, довольно велика вероятность ее искажения и даже полной потери, то распространение информации на долговременном материальном носителе позволяет заметно увеличить количество реципиентов без искажения смысла сообщения. Именно поэтому письменность как информационная форма сохраняет свое значение и по сей день. Более того, именно возникновение письменности стало толчком к появлению и развитию *технологической* подсистемы инфосферы, ибо в последние четыре-пять тысяч лет вплоть до XIX века эволюция инфосферы в целом фактически свелась к развитию технологии фиксации письменного знака на различных конечных материальных носителях: от уникальных сообщений на камне и глиняных табличках до бумажной печати в глобальных масштабах, от неторопливого ручного выдавливания и высекания коротеньких надписей до скоростного линотипного набора пространственных научных и литературных трудов.

В эволюции технологической подсистемы инфосферы следует выделить несколько наиболее важных этапов. Во-первых, изобретение *книгопечатания* за счет увеличения и удешевления носителя письменности резко по-

высило уровень глобальности инфосферы; объемы зафиксированной информации к концу XIX века расширили «ареал обитания» и возросли настолько, что уже в начале XX века В. И. Вернадский считал эпоху ноосферы наступившей. Этому же способствовало появление в XIX веке новых информационных форм, связанных с изобретением средств *телекоммуникации*, таких как оптический и электрический телеграф, затем телефон и, наконец, радио. Главной особенностью этих форм информационной иерархии является резкое *уменьшение времени доступа* к информации в глобальном масштабе, иными словами, с момента их появления размеры Земли перестали иметь значение для функционирования единой информационной (а значит, и ноосферной) среды нашей планеты.

В XX веке появилось два изобретения, которые оказали существенное влияние на развитие инфосферы. Первое из них, *телевидение* (и впоследствии *видеозапись*), как информационная форма примечательно по двум причинам. Во-первых, оно переносит (и хранит) *комплексную* информацию, то есть не только абстрактно-знаковую, но и непосредственно-образную. Во-вторых, от своего непосредственного предка — радио — оно унаследовало минимальность времени доступа и глобальный (в конечном счете) характер. Тем самым впервые в глобальной инфосфере заметную и все более существенную роль стала играть информация *наглядно-образного и эмоционального*, то есть *нерационального*, характера. И если В. И. Вернадский концептуальным компонентом считал *научную* (то есть, в сущности, *рациональную*) мысль, то глобализация телевидения трансформировала инфосферу в сущность, более близкую для формирования ноосферы в понимании Тейяра де Шардена — то есть не столько сферы *рациональной мысли*, сколько сферы *индетерминированного духа*.

Второе изобретение — компьютеры, а точнее *компьютерные сети*. Собственно компьютер появился в конце сороковых годов XX века и *сам по себе* породил больше ожиданий и фантастико-футуристических прогнозов, нежели фактов *реального* влияния на развитие инфосферы, что достаточно легко объяснимо. Несмотря на то, что создание компьютера означало возникновение новых информационных иерархий, например открытия/изобретения новых типов конечной материи информационных форм (электронно-триггерное представление двоичного кода, запись на перфоленту, перфокарты, ферромагнитные кольца, магнитные диски и т. д.), ареал распространения этих форм и объем хранимой/передаваемой ими информации вплоть до восьмидесятых годов XX века были по сравнению с тем же телевидением *ничтожны*, поэтому заметным инфосферным фактором на тот момент компьютер считаться не может. В сущности, в то время компьютер представлял из себя усовершенствованную логарифмическую линейку с некоторой возможностью хранения информации, а логарифмическая линейка для большинства населения планеты особого интереса не представляет.

Ситуация изменилась с возникновением компьютерных сетей. Появившись изначально в локальном масштабе для обеспечения частных потребностей, сети эволюционировали и выродились примерно к середине девяностых годов прошлого века в *глобальное* (в изначальном смысле этого слова) образование. Примерно к этому же моменту изменение количественных характеристик компьютеров переросло в новое качество: возросшие мощности, объемы и скорости позволили оперировать не только компактной информацией вычислительного характера, но и определенными формами

представления информации визуальной и аудиальной, иначе говоря, появились очередные *формы информационной иерархии*, на данном этапе связанные с идеей *оцифровки*, то есть представления информации произвольного характера в виде структурированных массивов численных данных.

Не вдаваясь в многочисленные технологические подробности, следует отметить, что благодаря этим информационным формам (то есть оцифровке практически произвольной информации и глобальным сетям передачи данных) появилась возможность *хранить, перерабатывать и оперативно передавать* объемы информации, сравнимые с объемами всей печатной информации человечества, накопленной за все время его существования. В этом смысле *инфосфера* как своего рода *кровеносная система ноосферы* достигла определенного *логического предела* своего развития, то есть теоретически позволила произвольному элементу ноосферы за разумное время получить если не всю существующую информацию, то такой ее объем, какой в принципе возможно хоть как-то воспринять.

На этом аспекте развития инфосферы следует остановиться более подробно. Невероятно возросшие возможности хранения и передачи информации имели следствием безудержный рост ее объемов. Так, например, в одной из новостных лент недавно появилось сообщение, что по оценкам специалистов общий совокупный объем информации, порожденной человечеством за *последние пять лет*, превысил совокупный объем информации, произведенной тем же человечеством за *весь предшествующий период его (человечества) существования*. Объяснить этот эффект можно, например, тем фактом, что главной особенностью глобальных компьютерных сетей, отличающей их от других глобальных телекоммуникационных сетей, является *на порядки* возросшее количество *источников информации*. Если традиционное телевидение и радио распространяло информацию, выработанную *ничтожной долей* населения Земли для *всех* потенциальных реципиентов, то в случае сети Internet источником информации может служить *каждый* ее участник. И эта возможность не замедлила реализоваться, в результате чего появилось просто невероятное количество персональных страниц, новостных лент, блогов и т. п.

Ситуация усугубляется тем, что *сама инфосфера* и обращающаяся в ней информация становятся объектом пристального внимания определенных кругов, рассматривающих инфосферу как потенциальное место столкновения интересов различных социальных, национальных и иных групп: «Характерным... для представителей ВВС стало представление об информационном пространстве (инфосфере), где будет протекать будущее противоборство» [7, с. 19]. Более того, совершенно в духе теории информационного общества война в инфосфере предполагается наиболее перспективным видом войны на современном этапе: «Войны информационного века будут вестись за средства обработки и порождения информации/знаний» [Там же]. При этом одним из основных орудий в этой борьбе становится именно генерация информации (и/или *дезинформации*) определенного характера: «Джордж Стейн, также один из представителей университета в Максвелле, трактует информационную войну как действующую в области того, как люди думают и как принимают решения. В качестве одного из возможных инструментариев он называет создание и передачу фиктивных сообщений, которые могут быть направлены как на массовую аудиторию, так и на индивидуальное сознание» [Там же]. Примером подобной «военной» информации может выступать массовое мифотворчество новейшего времени, в частности миф об информации»

онном обществе, основным признаком которого называется *действительно имеющее место* производство информации, преобладающее над другими видами производства. Вопрос лишь в том, *какая* информация имеется в виду и *какое отношение* эта информация имеет к обеспечению существования не отдельных социальных групп, а *ноосферы в целом*.

Следствием непомерного возрастания общих объемов генерируемой, хранимой и передаваемой информации стало проявление принципа отца Брауна, когда информация, имеющая определенную ценность для какого-либо реципиента, безнадежно затеряна, будучи погребенной под слоями информационного шума, а общие объемы получаемой информации слишком велики даже для того, чтобы хоть как-то попытаться классифицировать ее по степени важности [9].

В результате на современном этапе развития инфосферы возникает парадоксальная ситуация, когда *потенциальная* возможность доступа к информации *не реализуется* в силу *информационной избыточности*, когда количество поступающей информации превышает возможность восприятия реципиента, образуя своего рода *информационный тупик*, препятствующий оперативному доступу к информации действительно важной. Как и в случае буриданова осла, подобная проблема чревата гибелью, поскольку доступ к существенной информации, согласно В. И. Вернадскому, является необходимым условием бытия ноосферы: «Всякий научный факт, всякое научное наблюдение, где бы и кем бы они не были бы сделаны, поступают в единый научный аппарат, в нем классифицируются и приводятся к единой форме, сразу становятся общим достоянием для критики, размышлений и научной работы» [2, с. 106]. Продолжая аналогию с кровеносной системой, можно сказать, что увеличение давления в ней резко повысило вероятность инсульта, если под мозгом в данном случае понимать ноосферу.

Вместе с тем, было бы неправомерно называть причиной подобного информационного разгула собственно *технологическую* подсистему инфосферы в целом и Internet в частности. Подобно всякому виду мирового зла, информация *атрибутивна*, то есть *не имеет характера самодостаточного существования*. На всякой ступени иерархии информационных форм информация есть *концептуальное свойство* структуры информационной системы текущего уровня, в то время как технологическая подсистема выступает как *субстрат*, то есть *носитель*, «материя», и как всякая косная материя играет сугубо подчиненную роль. Основные ее функции — *хранение* и *передача* информации, функция же *обработки* по отношению к технологической подсистеме выражается в основном в структурировании (*кодировании-декодировании*) «материи» более низкого уровня. Напротив, *порождение* информации происходит на уровне *предельной формы*, самом высоком уровне системной иерархии информационных форм, иначе говоря, является исключительной прерогативой человеческого сознания (если не принимать во внимание гипотетическое существование информационных форм более высокого уровня). Поэтому любая иерархия информационных форм в целом и ее технологические подсистемы в частности, будь то книгопечатание, телевидение, Internet или просто компьютеры, есть не что иное, как *инструмент предельной информационной формы*, то есть *человеческого сознания*; воспринимая информацию в любой ее форме из любой технологической подсистемы инфосферы, человек в первую очередь видит *собственное отражение*. В этом смысле любимый вопрос времен борьбы физиков с лириками: «Может

ли машина мыслить?» — в сущности, неправомерен, так как более адекватной формой был бы вопрос: «Может ли машина мыслить *без человека?*» Ответом на него, разумеется, будет «нет», поскольку машина (компьютер) есть не что иное, как элемент технологической подсистемы, форма информационной иерархии, *человеком* созданная и *человеческой* информацией наполненная. Даже если какой-либо компьютер сможет пройти тест Тьюринга, *информация*, позволяющая его пройти (начальные данные, алгоритмы их обработки, программное обеспечение и т. п.), будет порождена исключительно *человеческим* сознанием.

Руководящую и направляющую роль человеческого сознания в развитии инфосферы в целом можно продемонстрировать, рассматривая закономерности и тенденции различных этапов эволюции технологической подсистемы инфосферы.

Например, после появления письменности объектом записи первоначально становятся общественно наиболее значимые сведения, технологически весьма трудоемкие надписи на каменных стелах, плитах и т. п. сообщают о великих деяниях выдающихся царей, или, на худой конец, содержат своды законов. Появление менее затратного способа письма на глиняных табличках расширяет область фиксируемой информации за счет хозяйственных расчетов, нотариальных документов и т. д. Возникновение еще более дешевой, массовой и быстрой технологии письма на папирусе привело к появлению записей литературного характера и даже повседневно-бытовой переписки.

Характерно, что удорожание носителя письма (пергамента) в средневековой Европе послужило причиной появления палимпсестов, то есть документов, написанных поверх уничтоженного текста, самоценность которого перестала коррелировать со стоимостью самого пергамента. В данном случае произошла своеобразная переоценка ценностей и тексты, содержание которых было посчитано недостойным записи, уничтожались в пользу произведений, как правило, духовного содержания. И наоборот, появление сравнительно дешевой бумаги опять-таки привело к расширению тематики содержания письменных документов.

Похожая тенденция наблюдается и в истории развития печати. Если первыми печатными изданиями были, как известно, книги религиозного содержания, то по мере удешевления и увеличения производительности технологии объектом печати становится все более и более разноплановая и сиюминутная информация: от трудов святых отцов через произведения научного характера к беллетристике, поэзии, затем литературе легкого и фривольного содержания, а потом и газетной повседневности и быстротечности.

В том же направлении развивались и средства телекоммуникаций. Если сразу после изобретения телеграфии, радиосвязи, телефонии, телевидения и т. п. они использовались исключительно для военных и государственных нужд, то по мере развития и удешевления технологии эти же каналы передают все более и более частную, произвольную и неконцептуальную информацию.

Стоит ли удивляться тому, что компьютерные сети, изначально предназначенные для обмена простейшими текстовыми сообщениями между ключевыми постами военного и политического руководства, в результате эволюции технологии переквалифицировались на передачу и хранение гигантских объемов гетерогенной информации самого произвольного характера? Главным отличием этого уровня информационных форм стали лишь на порядок (по сравнению с предыдущими этапами телекоммуникаций) возрос-

шие пропускная способность и информационная емкость. Иными словами, Internet как наиболее современная и функционально развитая информационная форма является всего лишь исключительно ярким примером *общей тенденции развития* информационных форм, тенденции, доведенной практически до абсурдного логического завершения.

Таким образом, процесс эволюции биосферы в ноосферу с неизбежностью сопровождается развитием глобальной инфосферы, которая представляет из себя глобальную совокупность средств хранения, обработки и передачи информации. Инфосфера как система состоит из двух подсистем, первая из которых имеет чисто *информационный* характер и является системой иерархии информационных форм, где информационная форма есть информационно структурированная материя. Вторая подсистема, *технологическая*, обеспечивает функционирование иерархии информационных форм на уровне предельной материи.

Коэволюция обеих этих подсистем подчиняется определенным тенденциям развития, в частности, технологическая подсистема эволюционирует в направлении *увеличения области распространения, скорости передачи и времени хранения* информации. С другой стороны, развитие *любого* исторического этапа инфосферы в целом в большей степени определяется не самим конкретным видом и возможностями технологической подсистемы, но едиными, перманентными аксиологическими мотивами человеческого сознания и в общем случае идет в направлении *увеличения объемов и видового разнообразия* передаваемой/храняемой информации; в этом смысле можно говорить об определенном *структурном изоморфизме* различных этапов эволюции инфосферы.

Нетрудно заметить, что к настоящему моменту возможности и, самое главное, *реальные функции* инфосферы заметно превзошли те требования, которые были достаточными для существования ноосферы в ее понимании В. И. Вернадским. Более того, в определенном смысле дальнейшее развитие инфосферы в плане неконтролируемого увеличения количественного и видового разнообразия информации способно поставить под сомнение само существование «единого научного аппарата» в масштабе Земли в целом. Как прежде, так и в настоящее время можно отметить существование *фрагментации* научной мысли, наличие *локальных информационных анклавов*, выход информации за пределы которых случаен и эпизодичен, несмотря на то что теоретически доступ к этой информации открыт для всех и каждого. И если в прежние времена (например, в Античности или Средневековье) подобная ситуация была обусловлена неразвитостью коммуникаций, сложностью размножения информации из-за примитивности способов ее хранения (рукописи и т. п.), то сейчас все эти препятствия преодолены, но появившийся переизбыток информации становится препятствием ничуть не меньшим. Образно выражаясь, раньше собеседники пытались докричаться друг до друга с противоположных берегов безлюдных рек, долин и континентов, сейчас же им приходится искать друг друга в бесконечной плотной толпе, где каждый говорит о чем-то своем, причем во весь голос.

Иными словами, рост научной мысли, «являющейся первой необходимой предпосылкой создания ноосферы» [2, с. 138], привел к парадоксальному этапу самоограничения вследствие чрезмерного саморазвития. Вместе с тем, нужно отметить, что даже более «духовное» понимание ноосферы Тейяром де Шарденом тоже не приемлет подобного голода на фоне изобилия, поскольку с его точки зрения «ноосфера стремится стать одной замкнутой си-

стемой, где каждый элемент в отдельности видит, чувствует, желает, страдает так же, как все другие, и одновременно с ними» [12, с. 227], нынешний же информационный хаос не способствует ни единству, ни сопереживанию.

Следует ли из этого, что существующий в настоящее время информационный тупик имеет для ноосферы фатальный характер? С одной стороны, в свете истории развития информационных форм предыдущих этапов (например, книгопечатания) такой вывод представляется преждевременным. Как известно, резкий рост общего количества печатных трудов породил определенные проблемы с ориентированием в море печатной продукции, выбором желаемой тематики, которые постепенно были практически решены посредством формирования централизованных каталогов, специальных реферативных изданий и т. п. Нечто похожее происходит и в современных глобальных сетях: создаются специализированные информационные поисковые системы, каталогообразные хранилища энциклопедического характера, конгломераты серверов, объединенных общей тематикой (например, новостные страницы) и т. д. Разумеется, все эти методы в чем-то несовершенны и обладают определенными ограничениями, но в конце концов глобальные компьютерные сети по сравнению, например, с традиционной бумажной печатью существуют крайне недолго, так что за соответствующее время все эти недостатки могут быть сведены к приемлемому минимуму.

С другой стороны, можно вспомнить слова самого В. И. Вернадского: «Процессы, подготовлявшиеся многие миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе — рано или поздно — в ноосферу, т. е. что в истории народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие» [2, с. 59].

Библиографический список

1. Брагин А. В. Ноосфера как объективная необходимость и свобода человеческой воли // Социально-философские аспекты ноосферной динамики России. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. Ч. 2. С. 54—57.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 270 с.
3. Дмитриевская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету / ИвГУ. Иваново, 1997. С. 28—31.
4. Еришов А. П. Информатика: предмет и понятие // Кибернетика. Становление информатики. М. : Наука, 1986. С. 28—31.
5. Инфосфера: информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе / Ю. М. Арский, Р. С. Гиляревский, И. С. Туров, А. И. Черный. М. : ВИНТИ, 1996. 489 с.
6. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 199 с.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. 656 с.
8. Пушкин В. Г., Урсул А. Д. Информатика, кибернетика, интеллект : философские очерки. Кишинев : Штиинца, 1989. 294 с.
9. Разов О. С. Internet как информационное самоубийство ноосферы // Ноосферная идея и будущее России / ИвГУ. Иваново, 1998. С. 156—158.
10. Разов О. С. Гипертекст как элемент акта коммуникации // Антропологическое измерение глобализационных процессов / ВГПУ. Владимир, 2003. С. 44—47.
11. Смирнов Г. С. Принципы ноосферного образования : философский и культурологический подходы // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету / ИвГУ. Иваново, 1997. С. 30—46.

12. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
13. *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
14. *Урсул А. Д.* Отражение и информация : методологические аспекты. М. : Мысль, 1973. 231 с.

ББК 87.21

И. Ф. Нагнибида

КРИЗИС ЭКСПАНСИОНИЗМА КАК ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ НООСФЕРЫ

Возникновение понятия «ноосфера» в работах французских ученых Эдуарда Леруа и Пьера Тейяра де Шардена в первую очередь связано с грандиозным эволюционным прорывом, совершенным европейской наукой к концу XIX века.

К исходу XIX столетия человеческий гений очертил границы солнечной системы, исследовал потаенные уголки Африки и Австралии, исчислил свойства веществ и человеческой природы. Природные ландшафты всех континентов начинают нести на себе отпечаток преобразующей деятельности человека, самые дальние пределы планеты демонстрируют ростки новой зарождающейся эпохи, которая может быть устроена на новых, «цивилизованных» началах. Европейское платье, европейский стиль жизни, европейская культура замещают все национальное и особенное, создавая новый культурный ландшафт планеты; паровозы, пароходы и телеграф переворачивают представление человека о пространстве и времени.

Всеобъемлющее распространение влияния разума, ставшего основной созидающей и преобразующей силой биосферы, увековечено трудами философов, писателей и поэтов, запечатлено в архитектуре и музыке. Мотив беспредельного экстенсивного распространения сферы разумного «цивилизованного» существования, подчинения пространства деловой активности человека становится ключевой доминантой мировой культуры и во многом способствует становлению ноосферных процессов [3].

«Я считаю себя счастливым, что родился в такой век, когда на наших глазах сделано столько замечательных открытий и еще более удивительных изобретений. Можно не сомневаться, что науке суждено открыть людям много удивительного и чудесного. Я убежден, что открытия ученых совершенно изменят условия жизни на Земле и многие из этих чудесных открытий будут сделаны на глазах нынешнего поколения», — говорил великий популяризатор науки и писатель-фантаст Жюль Верн [2, с. 35].

Казалось, что ноосфера — сфера разумной деятельности человека — состоялась как реальность планетарного масштаба и в ее устойчивом положительном поступательном развитии уже нет никаких сомнений. «И кто осмелится, видя то, что произошло за последние пятьдесят лет, сказать, что это простой мираж?» — писал Пьер Тейяр де Шарден в «Феномене человека» [2, с. 197].

Социальные катаклизмы и техногенные катастрофы XX века заставили усомниться в подобном упрощенном восприятии сферы человеческого разума.

© Нагнибида И. Ф., 2010

Наиболее слабым и неустойчивым звеном становления разумной оболочки Земли оказался сам человек. В короткий, по историческим меркам, период «человек мыслящий», воспетый лучшими образцами гуманистической литературы XIX века, превратился в «человека убивающего и разрушающего», влекомого по жизни только собственным страхом и первобытными инстинктами.

«Мы превратились в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты в людей, — какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть... нами овладевает бешеная ярость, мы уже не бессильные жертвы, ожидающие своей судьбы, лежа на эшафоте; теперь мы можем разрушать и убивать, чтобы спастись самим, чтобы спастись и отомстить за себя... Мы утратили всякое чувство близости друг к другу, и когда наш затравленный взгляд останавливается на ком-нибудь из товарищей, мы с трудом узнаем его. Мы бесчувственные мертвецы, которым какой-то фокусник, какой-то злой волшебник вернул способность бегать и убивать» [5, с. 23].

События Первой мировой войны, описанные в романе Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен», не без оснований названы прологом XX века. Трудно было даже представить, что в центре Европы, в колыбели европейской культуры может вспыхнуть пожар двух мировых войн, унесших жизни многих миллионов и нанесший непоправимый урон культурным и природным памятникам. Явный мотив мировой войны — экспансия, передел существующих границ влияния человека на ландшафты Земли. Но несмотря на тяжелые последствия вооруженного противостояния европейских народов, мощь преобразующих сил, а также скорость распространения влияния человека приобретают исключительно значимый характер. В дополнение к периодически разгорающимся военным конфликтам губительный урон биосфере наносит невероятный размах промышленного производства, ставший настоящим экологическим бедствием. «История человечества, — считает Э. Д. Шукуров, — представляет собой историю его конфликтов с природой. Различие заключается лишь в масштабах, и современное состояние отличается тем, что локальные очаги переросли в глобальный кризис» [7, с. 4].

Постепенно в интеллектуальной части общества растет понимание того, что ключевой проблемой современности становится вопрос осмысленного и взвешенного применения технических возможностей, используемых для преобразования сил природы. В этих условиях с необходимостью должна возрастать роль нравственных категорий и духовной составляющей человека. К сожалению, конец XX века продемонстрировал нам образцы нравственного упадка и духовного оскудения личности. Дегуманизация вошла в противоречие с существованием всего живого на Земле, стала отрицанием возникающих ноосферных структур. На фоне роста «цивилизованных» основ жизни человека и разрушительных процессов в природной среде возникло новое социальное явление — овеществление человеческой личности, сужение горизонта человеческой жизни до потребительской точки «здесь и сейчас».

Каковы вероятные причины происходящего? Каким образом избежать угрозы «обрушения» возникшей оболочки ноосферы под весом несовершенства человеческой природы?

Картина духовного оскудения личности, на наш взгляд, является обратной стороной культуры активной смены и покорения земного пространства, что влечет за собой нивелирование интимного жизненного круга чело-

века, так называемого «ближнего плана» личности. Ближний план — это чувство малой родины, интимные впечатления от природы, близких людей, иными словами, это те впечатления, которые нарабатываются годами тихой оседлой жизни и составляют основу нравственного и душевного здоровья человека. Активная смена жизненного пространства, варварски и бездумно пропагандируемая медийными средствами, разрушает ближний план, приводит к душевному надлому, нарушению социальных коммуникаций. Но вместе с тем чужой, не связанный с собственной культурной традицией, вновь обретенный природный ландшафт является обезличенным и открытым для бездумной эксплуатации. «Озеро и река перестали быть домом для водяного и русалок, а это была просто вода, которая крутила колесо лесопилки» [4, с. 234].

Невероятно точно момент разрушения личного пространства русской дворянской семьи и мира русской усадьбы XIX века показал А. П. Чехов в пьесе «Вишневый сад». В пределах выкорчевываемого и уже поделенного на дачные участки вишневого сада персонажи пьесы ищут и не могут обрести душевное равновесие, не могут понять друг друга. Прежний жизненный уклад оказался разрушен, а вместе с ним исчезла органичная связь с природой, людьми и собой. Быстротечность стала основной приметой жизни и привела к коренному изменению всех ее сфер — от экономической до сугубо личной. Темпы изменений оказываются слишком быстрыми для восприятия их человеком, а концептуальное оформление накопленного опыта может потребовать времени больше, чем жизнь самого человека. «Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация, это требование имеет тенденцию превратить человека в машину. Возросшая специализация ведет к обеднению и разрушению целостности человеческой личности» [1, с. 159].

Мощь и сила изменений, присущая человеку конца XX века, не только преобразовала природные ландшафты Земли, но и уничтожила множество локальных самобытных культур, органично проживающих в этих ландшафтах. К примеру, оригинальные образцы культур аборигенов Австралии и Тасмании исчезли вместе с носителями этих культур либо превратились в пустую фольклорную условность и представляют собой декоративный фон для туристических маршрутов европейских путешественников. Следует отметить, что культура никогда не была мыслима вне природного ландшафта, который придает ей неповторимую индивидуальность, а замещение автохтонных культур «цивилизованными» европейскими образцами входит в противоречие с особенностями мест проживания человека в природной среде, а также, что в большей степени важно, нарушает устойчивость мировой культуры в целом. Устойчивость культуры по отношению к внешним условиям окружающей среды обеспечивается многообразием элементов, ее составляющих, а также числом установленных связей внутри системы. Если допустить, что экспансивная политика замещения автохтонных культур в природных ландшафтах Земли ведет к уменьшению числа связей между составляющими элементами, то в этом случае следует ожидать в недалеком будущем культурного кризиса в планетарных масштабах. Не исключено, что уже сегодня мы становимся свидетелями глобального кризиса, в который, как в воронку, затягивает любое творческое и личностное начало.

Вероятно, мы находимся на пике активности (состояние фазового перехода) воздействия человека на внешнюю среду. Культурный кризис повлечет

за собой спад в научных и технических областях, обеспечивающих эту активность, а человечество перейдет к решению прикладных проблем (нехватка ресурсов, экология, терроризм, локальные конфликты, медицина). Уже сейчас мы ощущаем кризис целеполагания науки — человечество не готово ответить на вопрос о том, в каком направлении развиваться, при условии, что достигнут предел земной поверхности.

Спад активности позволит сохранить самобытность локальных культур, в иных условиях обреченных на вымирание, а становление ноосферных процессов получит более поступательное, равномерное развитие.

Канун XXI века положил предел концепции экстенсивного развития, разрушив основания одной из парадигм европейской культуры, существовавшей на протяжении последних 500 лет, — экспансионизма. Нет оснований считать, что становление ноосферы будет остановлено подобным кризисом. Смена культурной парадигмы — еще один пример того, как живое Земли продемонстрировало свою способность к самосохранению и более устойчивому эволюционному развитию.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Человек и машина // *Вопр. философии*. 1989. № 2. С. 147—162.
2. Брандис Е. Интервью с Жюлем Верном // *Вокруг света*. 1966. № 9. С. 34—39.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 270 с.
4. *Неизвестный И. И.* Пасынки асфальта. М. : АСТ, 2009. 471 с.
5. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен. М. : АСТ, 2009. 317 с.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
7. Шукуров Э. Д. Кризис природы и природа кризиса // *Гуманитарный экологический журнал*. 1999. Т. 1., вып. 1. С. 4—7.

ФИЛОСОФИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ББК 87.21

А. В. Брагин

ПРОБЛЕМА «МАССЫ РАЗУМА» И УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ

В. И. Вернадский в свое время установил тот эмпирический факт, что масса живого вещества¹ на Земле стабильна во времени, т. е. это некая константа, в рамках которой возникают и исчезают виды живых организмов, нисколько не влияя на ее величину². Допустимо предположить, что эта закономерность касается и сферы духа, сферы сознания (как высшего выражения жизни³, возникающего на ее основе как новое качество), в отношении которой тоже можно говорить как о некоей константной «массе»⁴. «Масса» в широком смысле слова есть количественное выражение некоего качественно изоморфного дискретного субстрата. Под «*массой Разума*» (понятие антиномичное, т. к. предполагает количественное выражение качества) в данном контексте понимается **количество элементов системы**, т. е. социальных живых существ, обладающих определенным качеством: **способных обеспечить выполнение Разумом своего космического предназначения** — системных функций Мира — в данных условиях⁵. Конечно, ни Жизнь, ни Разум

© Брагин А. В., 2010

¹ «Живое вещество биосферы есть совокупность живых организмов, в ней живущих... Мы изучаем в науке только живой организм и его совокупности. Научно они идентичны понятию жизни» (*Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление // *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М., 2004. С. 245).

² Современные исследователи, правда, оспаривают общий вес живого вещества Земли, названный В. И. Вернадским, приводя самые различные оценки (см., например: *Базилевич Н. И., Родин Л. Е., Розов Н. Н.* Сколько весит живое вещество планеты? // *Природа.* 1971. № 1; *Молчанов А. А.* Продуктивность органической массы в лесах различных зон. М., 1971; *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984; *Холманский А. С.* Физика ноосферы // *Реалии ноосферного развития.* М., 2003. С. 169).

³ Не случайно эволюция жизни на Земле шла по вектору нарастания цефализации.

⁴ Применительно к вопросу о корректности экстраполяции идеи В. И. Вернадского о константности массы живого вещества вполне можно согласиться с Я. Ф. Аскиным, утверждавшим: «До тех пор, пока не доказано конкретно, что данная закономерность ограничена в таких-то рамках в силу таких-то обстоятельств, не существует запрета на право ее экстраполяции» (*Аскин Я. Ф.* Бесконечность Вселенной во времени // *Бесконечность и Вселенная.* М., 1969. С. 166).

⁵ Здесь определенная аналогия с коллективными насекомыми. Как показали исследования Р. Шовена, у пчел разделение труда происходит при числе 2 особи, агрессивность возникает при числе не менее 10, термогенез — при 30, социальные тропизмы — при 50, для нормальной продолжительности жизни нужны не менее 100 пчел (*Шовен Р.* Мир насекомых. М., 1970. С. 62).

в килограммах не измеряются, однако и то и другое явление есть функция определенных материальных систем — организмов. Между элементами, выполняющими определенную функцию, и функцией как таковой существует взаимная связь и корреляция, что и отражается в термине «масса Разума».

В отношении определения «массы Разума» вполне допустимо использовать и эмпирические обобщения К. Маркса, касающиеся определения необходимой массы рабочих при разделении труда в процессе мануфактурного производства. К. Маркс, исходя из данных опыта, пишет: «При разделении труда внутри фабрики рабочие строго и закономерно распределены численно в определенных пропорциях по отдельным операциям, как того требует производство в целом, продукт комбинированного труда»⁶. Более того, в рассматриваемом случае действует «принцип соотношения кратных величин»⁷ (или «принцип кратных чисел»), который дает возможность руководителям производства управлять пропорцией необходимых численностей функциональных групп рабочих. По мысли К. Маркса, в производственной системе самодовлеющим становится «математически определенное отношение для количественного размера отдельных органов совокупного рабочего»⁸. Можно предположить, что данное утверждение вполне справедливо в любом случае, касающемся распределения специализированных элементов, обеспечивающих выполнение одной функции в рамках единой системы⁹, а значит, применимо и в отношении «совокупного носителя Разума».

Чтобы лучше представить место гипотезы **константности «массы Разума»** в понимании процессов функционирования мироздания в целом и конкретных его подсистем в частности, обратимся к общей схеме динамики любой сложной организменной системы. Итак, отметим, что для функционирования системы принципиально важное значение имеет конкретный характер структуры, обусловленный целью ее возникновения в рамках целого. Выполняя определенные функции в рамках целого, любая структура своим возникновением обязана стремлению системы стабилизировать свое внутреннее состояние¹⁰. Причем саморазвивающиеся системы обладают определенной структурной избыточностью¹¹, под которой понимается «мера того, насколько действительная сложность структуры превышает ее минимальное значение, при котором еще возможно функционирование»¹² или «наличие в системе дополнительных элементов и структур, позволяющих страховать

⁶ Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 341—342.

⁷ Там же. С. 231, 437.

⁸ Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К. Маркса // Там же. Т. 16. С. 286—287.

⁹ Здесь автор солидарен с Э. М. Сороко, усматривающим соответствие проявлений «принципа кратных отношений», открытых на материале мануфактурного производства К. Марксом, «закона рациональных параметров» Гаюи в кристаллографии, «закона кратных отношений» Дантона в химии (Сороко Э. М. Структурная гармония систем. Минск, 1984. С. 123).

¹⁰ «Состояние есть момент меры развития, относительно законченный его этап или стадия; это элемент пространственно-временной структуры бытия» (Сороко Э. М. Указ. соч. С. 141).

¹¹ Структурная избыточность открыта как эмпирическое обобщение К. Шенноном (Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетика. М., 1963).

¹² Сороко Э. М. Указ. соч. С. 168.

дефективные компоненты»¹³. К этому можно добавить, что «с точки зрения телеологической физиологии смысл “избыточности” не исчерпывается высокой надежностью. Множественность элементов позволяет достичь высокой степени уникальности каждого проявления жизненной активности»¹⁴. Здесь, однако, необходимо иметь в виду, что «слишком большая избыточность организации делает невозможным ее существование в этой среде»¹⁵, т. е. у избыточности есть объективный предел. Для любой системы неизбежным является наличие явной (актуальной) и латентной (потенциальной) структур. Причем именно латентная структура создает определенный фазовый объем (задаваемый ее стремлением к оптимуму), объективно ограничивая варианты возможных изменений системы, ее виртуальных состояний. Указанные виртуальные состояния, в рамках фазового объема системы, связаны отношениями альтернативности существования, чему и соответствует бифуркация (возможность разных путей развития).

Бифуркация возникает при неравновесном состоянии системы. Неравновесные состояния всегда связаны с потоками вещества, энергии, информации между системой и средой, что обычно обусловлено различием некоторых переменных состояния системы и среды. В качестве фактора, обуславливающего неравновесность системы, как показывает анализ химических и биологических процессов, может выступать и возникновение так называемых автокаталитических петель, т. е. стадий, в которых конечный продукт развития системы участвует в синтезе самого себя. Именно «неравновесность выявляет потенциальные возможности, содержащиеся в нелинейностях и как бы “дремлющие” в равновесии или вблизи него»¹⁶. Чем больше упорядоченности в системе, тем дальше она от равновесия, и в таком случае даже небольшое увеличение внешнего воздействия может приводить к значительным эффектам, несоизмеримым с силой исходного воздействия (что обусловлено резонансным возбуждением элементов структуры). Существенно, что в любом случае такая система «чувствительна» лишь к воздействиям, согласованным с ее собственными свойствами, остальные воспринимаются как не имеющий значения «шум». То есть чем больше неравновесность системы, тем больше ее способность не просто принимать информацию, но и *осуществлять ее селекцию* по значимым параметрам и соответственно адаптироваться к изменяющимся условиям.

К сказанному выше необходимо добавить, что, по справедливому замечанию Н. Н. Моисеева, «с увеличением размерности системы, что всегда происходит при увеличении ее сложности, количество состояний, в которых могут происходить катастрофы (бифуркации), быстро возрастает. Следовательно, с ростом сложности системы растет и вероятность увеличения числа возможных путей дальнейшего развития, то есть дивергенции, а вероятность появления двух развивающихся систем в одном и том же канале эволюции практически равна нулю. Это означает, что процесс самоорганизации ведет к непрерывному росту числа организационных форм»¹⁷. Последнее положение

¹³ Бельгаева Н. Н. Проблема сохраняемости в философии и биологии. Л., 1975. С. 9.

¹⁴ Белкин П. Г. Наука о человеческом поведении: от управления к самоорганизации // Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М., 1994. С. 179—180.

¹⁵ Хильми Г. Ф. Хаос и жизнь // Населенный космос. М., 1972. С. 45.

¹⁶ Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990. С. 74.

¹⁷ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 49.

нуждается в коррекции, его нельзя абсолютизировать, ибо, как следует из изучения закономерностей развития и функционирования биологических систем, наблюдается определенная тенденция — «большинство новообразующихся органов имеет множественную закладку... при дальнейшей эволюции органов происходит их олигомеризация (т. е. уменьшение. — А. Б.)»¹⁸. Здесь необходимо подчеркнуть, что выбор дальнейшего пути развития в точке бифуркации всегда зависит от трех основных факторов: 1) будущего (телеологически обуславливающего направление самодостраивания системы) и прошлого существования системы¹⁹, 2) характера флуктуации, имевшей место в этой точке; 3) функции данной системы в рамках целостности более высокого уровня.

Энтропия в системе возрастает только в результате необратимых процессов (а необратимость является необходимым условием самоорганизации), ее значение колеблется около определенного установившегося значения. Причем энтропия может уменьшаться, ведь ничто не запрещает системе переходить в маловероятные состояния. Однако чем больше элементов содержит система, тем меньше флуктуации и тем точнее выполняется Второй закон термодинамики (нарастает бесструктурный хаос). Рост энтропии на микроуровне системы приводит к росту информации на макроуровне, т. е. в процессе эволюции информация, накапливаясь до известного предела, переходит с частного уровня на уровень целого.

Релаксация — переход системы к равновесному состоянию с максимумом энтропии. Если в ходе релаксации возможно образование устойчивых структур в локальных областях системы, то они обязательно возникнут, тормозя суммарный прирост энтропии. Убывание энтропии возможно лишь за счет поглощения информации (порядка) извне. Обычно реализуются в процессе самоорганизации те из возможных структур, которые способны максимально поглощать информацию.

Эмпирическим фактом является и то, что «гармоничным (устойчивым, стационарным) состояниям систем объективного мира соответствуют особые числа, называемые обобщенными золотыми сечениями»²⁰. В любой системе подобные устойчивые состояния структур иерархически размещаются (будучи объективно обусловлены законами сохранения, оптимальности и целесообразности) согласно числовому ряду Фибоначчи, в котором каждые три смежных числа, будучи количественными мерами некоторого целого, соотносятся по принципу золотого сечения т. е. целое так относится к своей большей части, как большая часть к меньшей²¹. Причем, как отмечает

¹⁸ Догель В. А. Олигомеризация гомологических органов. Л., 1954. С. 3.

¹⁹ На *прошлое* как фактор, определяющий развитие в точке бифуркации, указывают И. Пригожин, И. Стенгерс, а на *будущее* — Р. Г. Баранцев (см.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 218; Баранцев Р. Г. Синергетический подход к ноосфере // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 173. По мнению автора, данные позиции являются не взаимоисключающими, а *взаимодополняющими*).

²⁰ Сороко Э. М. Указ. соч. С. 243.

²¹ По поводу числовых закономерностей существования систем объективного мира существует большая литература. См., например: Сороко Э. М. Указ. соч.; Стахов А. П. Коды золотой пропорции. М., 1984; Петухов С. В. Геометрия живой природы и алгоритмы самоорганизации. М., 1988; Шевелев И. М., Марутаев М. А., Шмелев И. П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии. М., 1990; Поиск мате-

А. А. Петрушенко, «между сохранением, оптимальностью и целесообразностью существует некая внутренняя связь, которая на уровне сохранения обеспечивается флуктуациями и инерцией, на уровне оптимальности — симметрией и принципом наименьшего действия, а на уровне целесообразности — компенсацией и принципом обратной связи»²².

Как и любая органичная система, Мироздание обеспечивает свою оптимальность через механизм гомеостаза. **Гомеостазис** — способность органичной системы сохранять относительную устойчивость и замкнутость с помощью приспособительных механизмов, уравнивающих воздействие на нее факторов внешней и внутренней среды. Мир, проявляющий себя в актуальности через свой конкретный модус — вселенную, есть гомеостатическая система-организм. Гомеостатичность мироздания выражается, в частности, в динамическом балансе информации и энтропии. Соотношение информации и энтропии в Мире не просто взаимозависимо, но *константно*. Растет энтропия, и прямо пропорционально ей растет информация, последнее обусловлено возникновением локальных очагов Жизни и Разума во Вселенной, компенсирующих своим функционированием неизбежный рост энтропии. Не было бы во Вселенной энтропии, не было бы и Жизни и ее высшего проявления — Разума. Общий вектор эволюции Жизни в направлении к Разуму (ноосфере как его наиболее адекватному выражению) обусловлен именно неизбежным ростом энтропии в конкретном модусе Мира, становящемся в действительности. **Рост энтропии направляет эволюцию мироздания к созданию все более совершенных негэнтропийных механизмов** — от простых к все более сложным, обуславливая, как это явствует из примера развития биосферы Земли, в частности, и процесс цефализации, появление разумных существ, актуальное становление ноосферы. Возникновение Жизни — свидетельство прогресса в структурной организации конкретного модуса Мира, становящегося в действительности. Однако если исходить только из внутренних целей данной системы (ее направленности на самосохранение), то **прогресс**, эмпирически фиксируемый в эволюции Вселенной (связанный с появлением, в конечном счете, Разума), **не есть цель данной эволюции, он лишь следствие ее стремления к гомеостазису в условиях нестабильности.**

Гомеостазис в биосфере обеспечивается *автоматически* — об этом свидетельствует вся геология Земли, т. е. это эмпирический факт. Более того, на основе самой Жизни локальный гомеостазис достигается оптимально. Гомеостатичность мироздания вовсе не означает, как это, например, предполагали братья Стругацкие, что Мир автоматически поддерживает статический баланс между хаосом и порядком — некую усредненность, следствием чего является налагаемое мирозданием ограничение на бесконечное развитие Разума (в принципе якобы возможное). Стругацкие игнорируют в своей концепции «микрокосмичность» человека, неизбежность роста энтропии во Вселенной (требующего для поддержания гомеостаза адекватного усиления негэнтропийных механизмов), абсолютизируя возможность беспредельного развития Разума и бесконечность существования конкретной вселенной. Поскольку же

математических закономерностей Мироздания: различные идеи, подходы, концепции. Новосибирск, 1999.

²² Петрушенко А. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971. С. 152.

Разум — *дискретная континуальность*²³, то из этого следует невозможность «среднего» уровня разумности для всех конкретных носителей Разума, неизбежность определенного «люфта» — колебаний в ту или иную сторону вокруг среднего значения.

Допустимо предположить, что количество элементов определенной системы (подсистемы Мира) — биосферы планеты, например Земли, — может колебаться вокруг некой величины, в зависимости от конкретных свойств этих элементов. Разум — это определенное качество системы, или эмерджентное свойство, порожденное ее целостностью, отсюда следует, что тысяча кретинов, конечно, не заменит одного гения (хотя возможно, что их наличие — условие проявления гениальности в человеческом роде). **Разум — показатель качественный, и механическая сумма сознаний отдельных его носителей в рамках данной биосферы не является показателем степени адекватности его способности выполнять свое космическое предназначение.** По некоторым расчетам, вода (основной химический элемент тел земных живых существ, обладающий свойством запечатлевать и хранить информацию на молекулярном уровне²⁴) нашей планеты за время ее существования уже не менее 300 раз проходила через живые организмы²⁵. Накапливавшаяся от раза к разу информация — поддерживаемое биосферой²⁶ Земли ее информационное поле, — все более усложняясь, обеспечивала восходящую эволюцию видов на нашей планете в направлении, все более адекватном Разуму.

В условиях возможного опережающего развития мощи Разума гомеостазис Вселенной не нарушается. Высота развития разума у отдельных разумных существ вполне может компенсироваться его редкостью во времени и пространстве и узостью распространения в социуме. Хотя здесь можно предположить, например, и другой возможный вариант обеспечения гомеостазиса в данных условиях — степень отклонения состояния системы в одну сторону может быть пропорциональна степени ее отклонения в другую (как с маятником). В свете этого опережающее рост энтропии развитие Разума в один момент времени и в одной точке пространства является следствием его упадка в другой. Гомеостатическому Мирозданию Разум необходим не только для уравнивания энтропии, но и для *вычерпывания потенций Мира*, их актуализации через генерацию новых форм организации среды, неизбежно нарушающих равновесие, толкающих эволюцию Вселенной.

²³ Возможно, необходимость дискретной континуальности массы Разума заключается и в том, что подметил Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Тема нашего времени»: «Каждая жизнь есть точка видения Универсума» (*Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid, 1947. Т. 3. P. 200*).

²⁴ Вода — жидкий кристалл, который состоит из супермолекул — кластеров (находящихся в диверсификационно-фазовом состоянии), их структура динамична и обусловлена информационными воздействиями, а каждый кластер хранит информацию обо всей планетной системе.

²⁵ См.: *Хорошавина С. Г.* Концепции современного естествознания. Ростов н/Д, 2000. С. 325.

²⁶ В. П. Казначеев, опираясь на биофизические исследования, вообще предполагает, что «фотонные конstellации, возникающие при межклеточных взаимодействиях» можно рассматривать «не как проявление вторичного способа передачи биологической информации, а как некоторый первичный фундаментальный субстрат самой жизни» (*Казначеев В. П.* Космическая антропоэкология // Будущее науки : междунар. ежегодник. М., 1984. Вып. 17. С. 259).

Касаясь становления необходимых для поддержания целостности мироздания подсистем (в частности, разумных существ), отметим, что в любом конкретном случае имеет место процесс «нуклеаризации» — возникновения некоторого начального «ядра», вокруг которого «выкристаллизовывается» соответствующая подсистема. Это может означать, что при возникновении вида разумных существ на планете, начале его метаморфозы из биосферы в ноосферу (качественно новое состояние живого) возможна сапиенизация не только данного вида, но всей биосферы. В. И. Вернадский, имея в виду эволюцию Земли, утверждал: «Корни геологической силы разума могут быть, очевидно, прослежены глубже эры Ното, далеко вглубь веков, за декамириады до выявления рода Ното»²⁷. Если так глубоки «корни» Разума, то можно предположить, что и «крона» его высока и широка. Здесь возникает, правда, вопрос о возможном пределе роста Разума.

Э. В. Ильенков, например, полагал, что «мыслящая материя мозга, формой движения которой является мышление, есть абсолютный высший и непереодолимый предел поступательного развития» материального мира²⁸. Действительно, вполне можно предположить, что «просветленный» Космос («Великий Предел» у даосов) — это Космос, где **все элементы живы и разумны**²⁹, а не просто присутствует Жизнь и Разум. Однако разве не является эмпирическим фактом наличие в биосфере Земли видов живых организмов, причем традиционно не относимых к категории «разумных», остановившихся в своем развитии, достигших, видимо, оптимума (в этом аспекте «высшего предела») в своем существовании в данной среде? Муравьи, термиты, акулы, рыба латимерия и другие виды существуют неизменными уже миллионы лет. Человек тоже перестал (или сильно замедлил) биологически эволюционизировать, и дело здесь, как представляется, вовсе не в специфике социального бытия, а, как у упомянутых выше существ, в достижении оптимума. Любой вид живых существ (имея разное предназначение в системе биосферы планеты) достигает своего оптимума биологического функционирования (обусловленного природной средой и функцией в системе органичного целого — биосферы) и далее или поддерживает его в режиме гомеостаза, или вымирает, или превращается в нечто качественно иное и опять устремляется к новому оптимуму. Не так же ли обстоит дело и с оптимумом социокультурного функционирования разумных существ?

Если человечество как биологический вид действительно достигло, с точки зрения готовности биологического субстрата-организма к выполнению Разумом космической функции, необходимого оптимума, то главная задача теперь в сохранении достигнутого уровня³⁰. Здесь, однако, возникает вопрос

²⁷ Вернадский В. И. Размышления натуралиста : в 2 кн. М., 1977. Кн. 2 : Научная мысль как планетарное явление. С. 44.

²⁸ Ильенков Э. В. Космология духа // Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 419.

²⁹ К. Э. Циолковский, правда, полагал, что «надежда на мысль о совершенствовании животных неразумна», т. к. это потребовало бы длительного времени, да и все жизненное пространство должны занять «высочайшие особи из высочайших человеческих рас» (Циолковский К. Э. Этика или естественные основы нравственности // Циолковский К. Э. Космическая философия. М., 2001. С. 83). С такой жестокой и прагматической позицией автору согласиться трудно, ибо человек, уничтожая разнообразие биосферы, способствует росту энтропии.

³⁰ Как будет показано далее, автоматически эта задача не достигается.

о других значимых параметрах, необходимых для оптимального обеспечения человечеством своего космического предназначения, своей функции в органичном бытии Системы систем — Мира. Обеспечивает ли, в частности, эта тенденция к функциональной оптимизации и духовную, социокультурную составляющие человеческого существования, или, учитывая спонтанность этих сфер проявления родовой сущности, здесь изначально зависимость от степени разумности целеполагания Человека, его деятельности (т. е. здесь достижение оптимальности исключительно в руках человека, а не природы)? Последнее предположение представляется наиболее вероятным. Оно получает свое объяснение в рамках гипотезы константности «массы Разума».

Человек как определенный итог эволюции биосферы Земли, стремящейся, как и все мироздание, к гомеостазису, оказывается в результате сначала биологической, а затем и культурной эволюции все более универсальным и независимым от внешней и даже от внутренней природной среды. Человек как бы на грани природного и сверхприродного — искусственного, он — точка их пересечения, а потому относительно свободен. Успешно балансировать на этой грани человек может, только оставаясь в рамках культуры как обусловленного родовой сущностью средства поддержания гомеостаза. Человек — это разумное существо, его разумность находит свое воплощение в культуре. Культура — это объективированная в результатах материальной и духовной деятельности явленность родовой человеческой сущности. Культура как процесс явленности родовой человеческой сущности зависит от конкретных объективных условий. И поскольку сочетание этих условий неповторимо, то она всегда представляет собой уникальное проявление общего родового. Можно брать в качестве критериев культурности различные эталоны, обусловленные родовыми качествами человека, такими как дистантность, трансцендентность, свобода, творчество, моральность, религиозность. Если отвлечься от конкретных форм проявления и сосредоточиться на сути явления — например, отвлечься от того, на каком носителе содержится информация в библиотеке — на глиняных табличках, папирусных свитках, бумажных томах книг или компакт-дисках, флешках и т. п., то вполне возможным оказывается выявление константности феномена при мелькающей эфемерности форм, мест концентрации, средств выражения и воспроизводства. Возможно, есть необходимость соотносить выражения культуры, ее объективации с численностью населения, его концентрацией и размещением. Например, чем больше численность населения — тем больше информации, но она в массе своей менее существенна, и доступ к информации существенной доступен для того же количества носителей Разума, что и раньше. Была эпоха барских усадеб (XVIII—XIX вв.) в истории России, когда в них сосредотачивались великолепные библиотеки, картинные галереи и художественные мастерские, существовали театры, оркестры, обеспечивался высочайший уровень домашнего образования, — затем все это пришло в упадок и запустение. Однако «масса культуры» как выражения разумности людей осталась прежней, переместившись в города, где продолжает быть функцией константной «массы Разума».

Возвращаясь к тому, что культура является инструментом поддержания гомеостаза, необходимо учесть свободный характер ее создания и поддержания разумными существами. В этом контексте весьма существенно, что положительное, казалось бы, для гомеостаза Земли и всего Космоса **качество независимости разумных существ от природной среды становится вне культуры источником хаосогенности и самоотрицанием.** Возмож-

ность кризиса культуры означает и возможность самоуничтожения человечества, что вовсе не противоречит рассматриваемой гипотезе, т. к. константность «массы Разума» прежде всего относится к мирозданию в целом, а не исключительно к планете Земля. Отсюда следует, что если где-то в космосе исчезает цивилизация, то на ее место неизбежно приходит новая. Таким образом, свобода движения разумных существ в направлении обеспечения собственного гомеостаза за счет увеличения хаотичности среды отнюдь не абсолютна, тем более что природной средой является и внутренняя среда человеческого существа — физиологическая и психическая. Будучи в определенном смысле дестабилизатором, **Разум дестабилизирует любую актуальную систему, в том числе и свои конкретные проявления**, оставаясь при этом устойчивой потенцией Мира. Может быть, в этом и заключается причина отсутствия связей с внеземными цивилизациями, если таковые существуют.

В заключение отметим, что данная работа является попыткой установления и обоснования общих положений гипотезы константности «массы Разума», делающих возможным дальнейшее подробное и конкретное исследование того множества вопросов, которые возникают при изучении динамики человеческого социума как системной составляющей космической эволюции.

ББК 87.21

С. М. Усманов

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАТАСТРОФА И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ДИАЛОГАХ С. Н. БУЛГАКОВА «НА ПИРУ БОГОВ»

Весной 1918 г. известный ученый и общественный деятель, профессор Московского государственного университета Сергей Николаевич Булгаков написал специальную работу для подготавливавшегося в Москве сборника статей о русской революции «Из глубины».

Надо отметить, что судьба данного сочинения С. Н. Булгакова сложилась более удачно, чем у всего сборника «Из глубины», который так и не появился в свет в 1918 г. Как известно, в начале 20-х гг. это издание хотя и было напечатано, но дошло до авторов и читателей в считанном числе экземпляров. И лишь в 1967 г. в Париже издательство «ИМКА-Пресс» сделало сборник доступным читателям и исследователям. Однако диалоги С. Н. Булгакова «На пиру богов» еще в 1918 и 1920 гг. были напечатаны отдельно — сначала в Киеве, а затем в Софии. Только в 1990 г. Московский государственный университет тиражом 130 тыс. экземпляров выпустил сборник «Из глубины» и в России.

Казалось бы, спустя десятилетия сборник «Из глубины» наконец-то вошел в фонд отечественной науки и культуры. И формально это действительно так. Но на деле, к сожалению, многое из высказанного авторами сборника девять десятилетий назад по-настоящему так и не услышано в нынешней России, что в очень большой степени относится и к упоминаемой работе

© Усманов С. М., 2010

С. Н. Булгакова. Слишком мало на нее откликов. Еще меньше — основательных, качественных анализов поставленных в ней проблем. Так, известный знаток русской религиозной философии, нижегородский ученый Л. Е. Шапошников в своем обобщающем труде в параграфе о С. Н. Булгакове ограничивается лишь двумя краткими цитатами из интересующего нас сочинения мыслителя [5, с. 194]. А в исследовании Л. И. Василенко хотя и был обрисован взгляд Булгакова на проблему «Церковь и культура», тем не менее сами диалоги «На пиру богов» даже не упоминаются [2, с. 193—195].

К тому же делаются попытки умалить значение последнего программного выступления веховцев (каковым и был сборник «Из глубины»). Подобную тенденцию можно встретить даже в энциклопедических изданиях, где сборник «Из глубины» оценивается подчас довольно снисходительно, поскольку, дескать, он «носит в основном политический характер, и эта его устремленность сказывается на позициях авторов» [3, с. 177].

Мы не можем согласиться с подобными оценками. Ранее нам уже приходилось отмечать, что искания веховцев, нашедшие свое отражение в сборнике «Из глубины», составляют еще далеко не исчерпанный потенциал нашей общественной мысли [4, с. 55—57].

В этой связи включенный в сборник «Из глубины» текст С. Н. Булгакова — вполне оригинальное и очень глубокое по содержанию исследование той ситуации, которая сложилась в ходе Первой мировой войны и начавшейся революции. Стоило бы подчеркнуть тщательность подбора персонажей для диалогов. Это обязательно выразители значимых тенденций и направлений общественной жизни. Важно то, что герои С. Н. Булгакова мыслят, внимательно всматриваются в окружающее, не идут вслед за толпой, не стремятся броситься в водоворот революционных потрясений. Вот почему это типы тогдашней российской общественной мысли, персонифицированные в наиболее характерных образах, которые в состоянии дать определенные ответы на главные вопросы своего времени.

Пожалуй, среди всех героев сочинения Сергея Николаевича Булгакова наиболее слабая и несостоятельная фигура — Общественный деятель. Надо думать, автор совсем не случайно делает его таким, подчеркивая полное банкротство прежней «общественности», несущей прямую ответственность за происшедшее в России. Булгаковский Общественный деятель, как и многие его современники, потрясен и напуган. Он видит, что «на месте России — зловонная зияющая дыра», и отчаянно вопрошает: «Зачем мне суждено пережить Россию?» [1, с. 91]. Его естественная реакция — бежать: «Если удастся наскрести какие-либо средства, мечтаю уехать в Канаду. Там, может быть, начнется новая Россия, а здесь все загублено и опоганено» (111).

Совсем другой взгляд выражает Генерал. Он прямо заявляет о наличии «немецкого или масонского заговора», «чтобы свалить Россию» (102). Кроме того, и «инородческому отравлению надо много приписать в современной русской жизни, которая вся протекает теперь под знаком псевдонимности» (112). Особенно же резко обрушивается Генерал на русскую интеллигенцию: «Проклятая русская интеллигенция! Сначала одурила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ. <...> Соль земли! Гонимая, идейная, мученическая интеллигенция! Да это проказа, чума на теле России!» (121).

Мышление Генерала, как ему и полагается, по-военному четко и логично, поскольку, на его взгляд, для России необходимо православное цар-

ство, дисциплинированная и ответственная бюрократия, мощная армия и, наконец, народ, который имеет не культуру и не образованность, а твердую веру. Но поскольку веру свою русский народ утратил, Генерал говорит: «...ничего светлого покамест я в русской жизни не вижу». Тем более что «трудно уже надеяться на всенародное движение к Церкви. В лучшем случае, она будет окружена кольцом неверия и равнодушия, а в худшем — может продолжаться и прямое гонение... ..К катакомбам надо готовиться, вот что!» (128, 133).

Не менее последователен в своих рассуждениях и Дипломат. Однако он основывается на совершенно иных идеях и ценностях. Если Генерал — православный монархист, то Дипломат — либерал-западник. Он и не скрывает, что его «дом», его «святыня» — это «европейская цивилизация» (95). Отсюда вытекает и объяснение Дипломатом поражений русских войск в ходе Первой мировой войны: «Не мог же я в самом деле допустить, чтобы полуварварский, дурно управляемый, экономически отсталый народ мог выдержать с честью испытание при столкновении с наиболее мощным из культурных народов (т. е. германским. — С. У.)» (92).

Отсюда следуют очень логичные для Дипломата выводы, совершенно естественные для русского западника, мировоззрение которого непременно включает в себя некоторое ожесточение к своей Родине: «Боже мой, неужели даже все происходящее теперь с Россией неспособно освободить русские головы от славянофильского тумана? Иногда мне прямо кажется, что эта мечтательность вреднее, ядовитее даже социалистического бреда. <...> Верно, только немецкие шпицрутены будут выколачивать из нас восточную химеричность и вселять трезвость» (141). Конечно же, все надежды Дипломата связаны с любимой Европой, которая, как ему представляется, и станет якорем спасения для России: «Европа не раз переживала кризисы и из них выходила возрожденной. Восстановится нормальная жизнь в Европе и теперь, да и в России восстановится...» (141—142).

Очень показательно то, насколько глубоко расходятся в своих взглядах те герои С. Н. Булгакова, которые относятся к правившему до революции слою, а именно Общественный деятель, Генерал и Дипломат. Посредством этих персонажей Сергею Николаевичу Булгакову удалось продемонстрировать некие реальные противоречия и кризисные явления, имевшие место в начале XX столетия в российской политической элите, не сумевшей выработать программу развития страны и не достигшей консенсуса в отношении основных мировоззренческих и культурных ценностей.

Несколько иначе обстояло дело в дореволюционной России с миром культуры и Церкви. В данном контексте весьма любопытно выглядят булгаковские Писатель, Светский богослов и Беженец.

Писатель в диалогах «На пиру богов» — это русский интеллигент, еще очень близко к сердцу принимающий нужды своего народа, но уже прошедший этап увлечения новейшими «прогрессивными» учениями из Европы. Для него характерен своего рода культуроцентризм.

На основе культуроцентризма Писатель и пытается определить также главные задачи на будущее: «Мы должны на себе теперь выдержать борьбу за душу народную прежде всего в сердцах своих, в тайнах своего духа не соблазниться о нем. Ведь если бы в эпоху Батые или в Смутное время тогдашняя соль земли русской обуяла, и отчаялись бы ее духовные вожди, — а ведь не меньше были тогда для этого основания, — история заклеила бы

их как малодушных. Россия на ужасы татарского ига ответила солнечным явлением преп. Сергия и всей сергиевской эпохой русской культуры, а в ответ на Смутное время явилась петровская Россия со всею нашей новою культурой» (115).

Таково обоснование будущих задач. А в самом начале диалогов Писатель показал их возможные результаты, более чем оптимистичные для событий 1918 г. в России. «Итак, верую по-прежнему, — провозглашал он, — что Россия воистину **призвана** явить миру новую... общественность, и час ее рождения **мог** пробить аппо 1914. Далее, участие в мировой войне **могло** оказаться великим служением человечеству, открывающим новую эпоху в русской, да и в всемирной истории, именно византийскую. Но этим, конечно, предполагается и изгнание турок из Европы и русский Царьград, как оно и было предуказано Тютчевым и Достоевским...» (93).

Сам Сергей Николаевич Булгаков тогда едва ли разделял столь радужные надежды. Ему, несомненно, были куда ближе два последних по списку участника диалогов — Светский богослов и Беженец, которые выражают дорогие для автора убеждения, да и происходят из близкой ему среды.

При некоторых различиях во взглядах только эти герои диалогов С. Н. Булгакова по-настоящему задумываются о миссии Церкви в настоящей и будущей России. Причем Светский богослов имеет более определенную позицию. Пусть он и мирянин (а потому только «светский» человек), но по сути и по духу он — настоящий клерикал. Разумеется, Светский богослов признает, что в дореволюционной России у Православной Церкви были свои трудности и проблемы. Церковь была пленена государством, и из нее поголовно ушла интеллигенция (122, 129). Кроме того, Церковь не сумела справиться с «народной смердяковщиной» (116). При всем том на положение Церкви после революции Светский богослов смотрит достаточно оптимистично: «Русская Церковь теперь свободна, хотя и гонима. А свободная Церковь возродит и соберет и рассыпанную храмину русской государственности. Ключ к пониманию исторических событий надо искать в судьбах Церкви, внутренних и внешних» (129).

Без сомнения, для решения столь масштабных задач необходимы какие-то новые силы и средства. Светский богослов в данном случае делает особый упор на способности и потенциальные возможности интеллигенции. Он прямо выражает надежду на то, что «уроки истории, пережитые испытания многomu научат интеллигенцию, углубят ее духовное сознание и, самое главное, подвигнут ее к воцерковлению» (126).

Богослов доказывает, что без интеллигенции Церковь в будущем обойтись не сможет: «...для Церковного роста необходим прилив сил, привычка к свободной творческой инициативе, и среди мира, и среди мирян. Вот почему такое значение имеет теперь приближение интеллигенции к Церкви. В отрыве от Церкви она погибнет, но и Церкви не справиться со своими очередными задачами без прилива свежих сил. А при этом условии ей не страшна и реакция. Церковь приобретет независимость и упругость вместе с навыками к борьбе и окажет противодействие новому насилию» (133).

Несколько иначе понимает и истолковывает эти же проблемы булгаковский Беженец. Он отчетливо понимает, что речь идет о бедствии общемирового масштаба, «всеобщей катастрофе». В то время как почти все его собеседники понимают происходящие события как «кризис России», он настаивает: «В действительности этот кризис идет гораздо глубже. Его терпит вся

европейская культура, и русская интеллигенция есть лишь здесь наиболее чуткий барометр» (126). Беженец видит в социализме «симптом мирового распада», когда «весь мир превращается в огненную массу, и некуда укрыться от напора бешеных волн» (128, 142).

Судьба России представляется Беженцу куда более драматичной, чем «оптимисту» Светскому богослову. Да и вообще Беженца это гораздо больше волнует. Он намекает, что против России осуществляется некая «духовная провокация»: «...здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное привидение: “Некто в сером”, кто похитрее Вильгельма (императора Германии. — С. У.), теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром» (109—110). Беженец видит в данном процессе и перспективу: «Я определенно хочу сказать, что вот эти старые государства, ведущие теперь кровопролитную войну, принадлежат прошлому, их уже нет в плане истории, а на развалинах их, или, если хотите, из них создается одно государство, совпадающее по площади со всем культурным миром» (108).

Вот почему Беженец совсем не разделяет энтузиазма Светского богослова, полагая, что в 1917 году «окончилась константиновская эпоха в истории Церкви и началась следующая, имеющая аналогию в эпохе гонений и катакомбном периоде существования Церкви» (137). Как полагает Беженец, Русской Церкви «надлежит победить и свою собственную замкнутость», и тогда в ней «сверкнет белый луч мирового Преображения» (141).

Нельзя не заметить актуальности этих размышлений булгаковского героя и в наши дни, когда в России идет поиск национальной идеи, когда в стране очень недостает действительной устойчивости в фундаментальных основах ее бытия. Так, мы можем наблюдать определенную недооценку проблем культуры даже в церковных кругах. Конечно, за последние полтора десятка лет много сил ушло у подвижников Церкви на восстановление храмов и монастырей, на устройство приходов и другие нелегкие труды по восстановлению разрушенного в годы советской власти. И все-таки, на наш взгляд, в церковной среде не обратили должного внимания на актуальность задач духовного просвещения в сфере культуры. Вспомним, как на рубеже 80—90-х годов XX столетия достаточно многие предлагали ввести в школах преподавание Закона Божия.

Сейчас Русская Православная Церковь прилагает много усилий для введения изучения в средней школе уже основ православной культуры. При этом подчеркивается, что данный курс не является катехизическим, не ставит задач непосредственного воцерковления учащихся, а представляет собой культурологическую дисциплину. Но в наши дни даже такие весьма сдержанные пожелания вызывают упорное сопротивление скрытых и явных противников Церкви.

Думается, что если бы с самого начала постсоветской эпохи в церковных кругах акценты были расставлены более точно, если бы не выдвигались заведомо несбыточные предложения, то и в изучении традиций православной культуры в нашей стране мы бы имели куда больше успехов.

История вопроса о появлении в постсоветской России учебного курса «Основы православной культуры» — лишнее свидетельство тому, что самые главные, жизненные проблемы культуры, равно как и всего общественного развития в целом, невозможно игнорировать и отвергать до бесконечности.

Они все равно встанут в повестку дня. И их придется решать — так или иначе. Желательно — с возможно большей основательностью и подготовленностью.

Русской Церкви действительно предстоит решать великие задачи в области культурного творчества. Она должна снова «облагодатствовать» русский гений, как предвещалось девяносто лет назад в сборнике «Из глубины» устами героев Сергея Николаевича Булгакова. Однако для исполнения этих великих задач должен быть основательно постигнут и усвоен исторический опыт нашей культуры, в том числе и наследие веховцев.

Библиографический список

1. *Булгаков С. Н.* На пиру богов. Pro u contra : современные диалоги // Из глубины : сборник статей о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 90—144. Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте статьи в круглых скобках.
2. *Василенко Л. И.* Введение в русскую религиозную философию / Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М., 2003. 304 с.
3. *Сапов В. В.* «Из глубины» // Русская философия : словарь. М. : Республика, 1995. С. 177.
4. *Усманов С. М.* Устойчивость и катастрофизм в мировидении веховцев // Российская интеллигенция и ноосферная динамика. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. С. 51—58.
5. *Шапошников Л. Е.* Очерки русской историософии XIX—XX вв. Н. Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 2002. 241 с.

ББК 60.023

Е. А. Карнаева

ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ РФ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Профессор Н. П. Антонов в своих трудах по философии ноосферы отмечал: «Ноосфера — сфера разума — одна из геосфер Земли, поверхностная оболочка ее, охваченная сознательной, преобразующей природу разумной деятельностью людей. <...> Важнейшим признаком ноосферы в области общественных отношений является переход от стихийного развития общественного производства к сознательному регулированию, планированию его развития» [1, с. 169]. Его научная мысль опередила время и претворилась в жизнь в масштабе планетарном, международном. Римский клуб, а за ним и Организация Объединенных Наций, иные международные организации признали необходимость перехода к новой форме взаимоотношений природы и общества — к устойчивому развитию.

Под устойчивым развитием (УР) на данный момент понимается развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности [2]; стратегия управляемого, поддерживаемого, регулируемого развития, не разрушающего окружающую природную среду [5, с. 36].

В России разработано множество научных подходов к определению УР: философский, экономический, экологический и др. В каждом из них описаны принципы, этапы, задачи, темпы перехода к модели УР, но все они яв-

ляются научными теориями, на данный момент не получившими практической реализации.

Для претворения в жизнь предложенных концепций на уровне государства необходимо законодательное закрепление механизмов, обеспечивающих их действие, то есть принятие нормативно-правовых актов, исполнение которых контролируется со стороны органов государственной власти (в случае нарушения установленных норм нарушитель будет нести ответственность). В Российской Федерации изданы соответствующие акты: Указ Президента РФ от 04.02.1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» и Указ Президента РФ от 01.05.1996 г. № 440 «О концепции перехода РФ к устойчивому развитию».

Общеизвестно, что любой подзаконный акт должен соответствовать требованиям Конституции РФ, акту высшей юридической силы, применяемому на всей территории РФ, закрепившему основы политической, правовой и экономической систем государства, права и свободы человека и гражданина. Под правовым потенциалом Конституции понимается широта охвата ее нормами самых разнообразных сфер жизнедеятельности общества и государства, способность к развитию, энергия, заложенная в ее постулатах.

Конституция принята 12 декабря 1993 года. Она уже переступила через порог XXI века, века технологий будущего, где ценности трансформируются: техносфере приходит на смену информобиосфера, удовлетворению текущих потребностей — концепция УР. Необходимо выяснить, можно ли на основе существующей Конституции РФ создать и претворить в жизнь концепцию устойчивого развития.

В Конституции РФ нет понятия устойчивого развития, хотя ее преамбула написана в духе идей УР. Но одно из центральных мест в Конституции занимают права и свободы человека и гражданина (ст. 2, гл. 2):

— естественные и неотъемлемые права человека, данные ему от рождения;

— политические и социальные права, обеспечение которых возложено на государство;

— права «третьего поколения»: право на благоприятную окружающую среду, на добровольное согласие подвергаться медицинским, научным или иным опытам, право на ознакомление с материалами и документами, непосредственно затрагивающими права и свободы.

Следует выделить и закрепить главных составляющих общественной жизни. Это культура (ст. 44), безопасность, окружающая среда (ст. 42, 58), образование (ст. 43), информация (ст. 24, 29), здравоохранение (ст. 41). Они являются основой гражданского общества, функционирующего в правовом режиме социальной справедливости, самоорганизации, удовлетворения материальных и духовных потребностей человека как высшей ценности.

Таким образом, в Конституции максимально емко и кратко перечислены основные права и свободы человека. В своей совокупности они имеют определенный правовой потенциал. Если рассматривать их как правовую основу для реализации концепции УР, то они соответствуют ее основным требованиям и принципам, изложенным в Декларации и других документах конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), а также в материалах девятнадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 1997) [4, с. 507].

«Демократическая правовая система России выстраивается вокруг главной универсальной идеи – обеспечения прав человека, в которых выражены основные притязания человека на определенные блага и условия его нормальной жизнедеятельности. От реализации прав человека зависит устойчивость российского общества и государства» [4, с. 569]. Одним из основных условий перехода к устойчивому развитию является обеспечение прав и свобод граждан.

Следовательно, Конституция РФ является фундаментом для построения концепции устойчивого развития страны, а концепция УР, в свою очередь, основывается на правовых положениях основного закона, расширяет их объем, регулирует существующие общественные отношения и моделирует их в перспективе на ближайшие годы.

Конституция — основа стабильности и динамизма России, обеспечивающая организацию государства как общности людей, объединенных одной идеей, под властью права. Глобализация требует интеграции России во все мировые процессы, и основной закон позволяет ее обеспечить [3, с. 31] Правовой потенциал Конституции РФ достаточен для реализации концепции устойчивого развития, создание которой продиктовано требованиями времени и стремлением России стать цивилизованным, передовым и правовым государством.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие : (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. № 2. С. 123—135.
3. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. 489 с.
4. Научная основа стратегии устойчивого развития РФ / Г. Н. Селезнев и др. // Безопасность Евразии. 2001. № 4.
5. Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М. : Ноосфера, 1998. 500 с.

ББК 87.21

Г. С. Смирнов

НООСФЕРА В ВЕК ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ

...Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы.

В. И. Вернадский

Оптимистическая преамбула

В творчестве В. И. Вернадского есть один весьма примечательный факт. В 1944 году на 81-м году жизни, тяжело переживая смерть супруги Натальи Егоровны, завершив подготовку своей «книги жизни», он пишет статью «Несколько слов о ноосфере», предназначенную для широкой общественности, в которой утверждает, что в эпоху завершения величайшей

и кровопролитнейшей войны, в «буре и грозе», мир вступает в ноосферу. Ноосферный оптимизм человека, идущего навстречу приближающейся смерти, говорит об особом типе мировоззрения, возникшем в среде высококультурной классической российской интеллигенции, которой пришлось жить в советскую эпоху.

Это мировоззрение естественно сложилось под влиянием христианской традиции, господствовавшей в России в годы, когда формировалась личность ученого, но в нем присутствует и очень значительный элемент античной философско-мировоззренческой культуры. Ноосферное мировоззрение В. И. Вернадского как особый социокультурный геном, порожденный гениальным российским мыслителем, послужило началом революции сознания в XX веке, но особенно оказывается востребованным в открывшемся третьем тысячелетии. Многие из возникших позднее угроз ученых гениально предвидел, но вся масштабность быстро приближающегося катастрофизма становится ясной лишь сейчас, в веке, первое — разгонное — десятилетие которого уже прошло, а второе, как показывает логика российской истории, всегда знакомит с новым проявлением катастрофизма.

Некоторые наши современники утверждают, что В. И. Вернадский был слишком оптимистичен в своих оценках приближения ноосферы, более того, дальнейшее развитие человеческой цивилизации идет совершенно не в том направлении, которое предчувствовал «первый богослов XX века». Думается, что не наша задача оценивать опыт жизнебытия мудреца, вышедшего за рамки восьмого десятка лет, наша заинтересованность в том, чтобы понять фундаментальный смысл его везде-вечной мысли — особого взгляда на Вселенную, которая породила разум, создала условия для его интенсивного развития на планете Земля и довела развитие человеческого сознания до понимания своей ответственности за дальнейшее его развитие. Самая главная черта мировоззрения В. И. Вернадского — это абсолютная вера в беспредельные силы и возможности разума, более того, разума человеческого — крайне несовершенного, часто заблуждающегося и ошибающегося, но через все преграды пробивающего пути к пониманию Вселенной, помещающей в себе как в лоне робкий, но дерзновенный разум. То, что мы обнаруживаем в творчестве великого мыслителя, это даже не философия разума, а скорее теософия разума, разума в широком смысле слова, включающего не только научный ум, но и философско-религиозное сознание открытого миробытия восходящего человечества. Следует сказать, что современное российское общество (в том числе и его властная вертикаль) еще очень далеко от понимания бесценности наследия, которое оставил России и миру академик В. И. Вернадский.

Показательно, что именно такое отношение к уходящей реальности и такого же рода мировоззренческая парадигма были характерны и для советского ноосферолога профессора Н. П. Антонова [1]. Достаточно познакомиться с его работами последних — предперестроечных, на излете великого Союза — лет, чтобы обнаружить неистребимую веру в победу разума и здравого смысла. В ноосферном сознании и мировоззрении Н. П. Антонова естественно проявился коммунистический пафос, но этот пафос вырос из идеологии, сколько из философско-поэтического понимания мощи человеческого разума. Каждый свободно мыслящий человек в советское время воевал со своими ветряными мельницами, масштаб этих мельниц ни в

коей мере не умаляет роль провинциальных донкихотов. Для Н. П. Антонова было характерно ощущение нарастания катастрофичности в развитии человеческой цивилизации, но он хотел (и заставлял себя) верить в реальные возможности преодоления тех колоссальных трудностей, которые замаячили на горизонте в конце XX века.

XX век — век межнациональных и континентальных катастроф

Рождение, рост, развитие и смерть человека — этапы экзистенциальной (персоналистической) истории. В современной техногенной цивилизации человек в значительно большей степени чувствует себя «человеком катастрофическим», ибо более чем когда-либо его бытие может закончиться в любой момент катастрофой. Термин «катастрофа» в русском языке использовался с начала XIX века в смысле «заключительная часть (развязка) в классической (греческой) трагедии» [19, т. 1, с. 386]. В информационном обществе сфера *видимых и невидимых катастроф* интенсивно расширяется. Экзистенциально-катастрофическое сознание человека — это неотъемлемое от существующей «релятивистской» реальности состояние, формирующееся стихийными формами бытия и сознательными формами нейролингвистического программирования (зомбирования) сознания, говоря высоким риторическим языком, от меона и стиля [14].

Рождение, рост, развитие и гибель империй — главное содержание державной (государственной) истории. В этом смысле историческое (в том числе и глобальное историческое) сознание в полной мере предстает как сознание катастрофическое. Только после того, как очередная «буря и гроза» (катастрофа) заканчивается, вместе с очистительным озоном для оставшихся жить приходит ощущение нового будущего. Разум, преодолевший катастрофу, испытывает катарсис геологического восхождения к новым высотам своей космической эволюции.

Так устроена мировая история. Но XX век — уже не век личностных, локальных или национально-государственных катастроф, как это имело место в предыдущие исторические эпохи. Континентальные революции и мировые войны XX века позволяют говорить о нем как о веке полинациональных и континентальных катастроф.

С. Лем о принципе разрушения

Ощущение катастрофичности бытия в XX веке породило вопрос о пределах развития разума. В. И. Вернадский размышлял над этим вопросом в учении о переходе биосферы в ноосферу, показывая исторические этапы цивилизационного и геологического развития разума.

Учитывая опыт XX века, С. Лем спрашивал: «...должен ли также разум породиться разрушительным катаклизмом? XXI век не ответит на этот вопрос окончательно. Он будет собирать все новые вещественные доказательства, создавая новую картину мира как совокупности случайных катастроф, подчиненных точным законам, но по интересующему нас здесь ключевому вопросу окончательного решения не вынесет. Так что же, в грядущем столетии будет воскрешена теория, созданная около 1830 г. французским палеонтологом и анатомом Кювье и получившая название катастрофизма?» [10, с. 75]. Эти размышления очень хорошо иллюстрируют движение научного сообщества в сторону синергетики, в то время еще только начинавшей свое

триумфальное шествие, а в наше время представляющей самое интенсивно разрабатываемое методологическое течение.

О фэтонизации Земли

Существует оригинальная версия о том, что между орбитами Марса и Юпитера некогда существовала планета Фэтон, на ней обитали разумные существа, до тех пор пока не достигли уровня ядерной цивилизации, а затем, не справившись с нарастающими внутренними противоречиями, взорвали планету в ходе термоядерной войны. Возможен ли подобный сценарий для нашей планеты? Судя по всему, мировая история как раз подходит к подобной развилке.

Впрочем, землян может ожидать не только возможность превратиться в пояс астероидов, но и, как считают некоторые астрономы, возможность исчезновения с лица Земли в результате парникового эффекта — космической катастрофы, подобной марсианской.

Современный человек живет в пространстве беспрецедентного нарастания версий катастрофического развития событий, причем это разнообразие имеет не только количественный, но и качественный характер, при этом версий катастроф значительно больше, нежели стратегий бескатастрофического развития.

XXI век — век глобального катастрофизма

Н. Н. Моисеев — специалист, чье мнение невозможно игнорировать, — спрогнозировал пик глобального кризиса на середину XXI века. К этому же времени относят точку полифуркации и многие другие специалисты. Оптимистический пессимизм Н. Н. Моисеева лишь самая розовая форма в системе катастрофического видения мира. В этом смысле показательна следующая мысль российского ноосферолога: «Говоря об общественных катаклизмах, я предпочитаю терминологию Рене Тома, а не Анри Пуанкаре, ибо абстрактная “бифуркация”, во всяком случае *для моего поколения* (курсив мой. — Г. С.), несет куда меньше трагических ассоциаций, чем томовская “катастрофа”» [12, с. 166].

Первая форма (сознаниевая стадия) ноосферного катастрофизма — «экошок» эпохи 70-х годов XX века, за ним последовали «демошок», «инфошок», а сейчас можно говорить о сведении социальных шоков человеческой цивилизации в «глобальный шок». Человечество медленно осознает, что оно вступило в принципиально иную стадию своего развития — век всеобщих глобальных катастроф, эпоху, с которой ранее ему не приходилось встречаться.

Ноосферный катастрофизм вытекает не только из несовершенства человеческого разума, но в значительной степени из несовершенства социальной природы человека и человечества. Неадекватность социальной организованности, проявляющаяся в беспрецедентной поляризации бедности и богатства и, судя по всему, возникшая в силу того, что человечество не удержалось на пике устремления к коммунистическому развитию, ведет к тому, что ситуативная вероятность социально-глобальных катастроф оказывается значительно выше, нежели вероятность катастроф природных, вызванных отчасти также природой сложившихся социально-экономических, социально-демографических и конфессионально-культурных отношений. Алармизм перерастает в XXI веке в глобальный катастрофизм. Этот факт требует своего фундаментального осмысления.

Талассоолигархия

Противоречие между «золотым миллиардом» и остальным населением мира, сложившееся в период демографического взрыва в XX веке, как показано С. П. Капицей [8], очень похоже на то противоречие демографического характера, которое возникло как причина Первой и Второй мировых войн.

Современная демографическая девальвация дает некоторую надежду на социальную стабилизацию, но совершенно не исключает возможных потрясений в результате социоприродных катастроф глобального характера. В силу этого не столько государства, сколько всемирная олигархия готовится к наступающим временам катастроф.

Среди современных олигархов проблема самосохранения столь же актуальна, как в эпоху Жюль Верна, но если раньше можно было укрыться на необитаемом острове, то сейчас возможности сократились до олигархической яхты Абрамовича, пусть дорогой и обеспеченной, но все-таки становящейся все более похожей на Ноев ковчег или на «Марию Целлесту», обитателям которой пришлось бросить все и перейти в другое измерение жизни. Современная эпоха, судя по всему, эпоха агонии мировой олигархии в преддверии глобальной социально-экологической революции, требующей пересмотра соотношения между материальными и духовными потребностями человечества.

Глобальная социальная революция

Как и любое новое столетие, XXI век открылся знаками предзнаменований. Человек, сформированный XX веком, так устроен, что видит в этих знаках только предапокалипсические сюжеты и в силу этого строит свои в достаточной степени традиционные формулы объяснения настоящего-будущего, ибо в информационном обществе он, как оказывается, живет в пространстве единого прошлого-настоящего-будущего, которое раньше измерялось пятилетками, а теперь охватывает 10—15, а в некоторых случаях и 20—25 лет. Этот промежуток времени быстро увеличивается, и может статься, что современное человечество уже скоро будет вынуждено жить в пространстве-времени 30—40 лет. Это означает, что человечество вступило в период, который с точки зрения постнеклассики называется точкой бифуркации.

Смысл этого периода различно описывается футурологами и философами. Одни считают, что будущее для человечества с большой вероятностью ограничивается 2012 годом, другие рисуют сценарии «конца истории», третьи — «столкновения цивилизаций» и цивилизационных кризисов [13], четвертые — «глобальной клинической смерти» [7], пятые признают возможности устойчивого развития человеческой цивилизации, шестые — формирования «рационального общества» [11], седьмые — возможности ноосферного развития [15]. В этих вариантах ожидаемого будущего, пожалуй, нет одного варианта, который в традициях подзабытого марксистского понимания развития мира может быть назван «глобальной социальной революцией».

Великая российская социальная революция начала XX века оказала огромное влияние на развитие мировых социальных и технологических процессов. Мир в известной мере развивался в XX веке под диктовку великой социалистической российской империи, не только представившей теоретические конструкции переделки мира, но и осуществившей пассионарным рывком создание нового космического и ядерного бытия в формах, претендующих на конкретно-исторические версии социального и национального мира в

рамках одного полюса бытия становящейся глобальности. Пока существовал СССР, мир находился в ощущении «предустановленной гармонии» сопряжения международных и социальных отношений, что и обеспечивало, как это ни странно будет звучать, устойчивое развитие человечества XX века. «Гибель коммунизма» и разрушение СССР привело к тому, что хищнические инстинкты и позывы потенциальных и актуальных агрессоров перестали сдерживаться и в течение очень короткого времени человечество оказалось в условиях неконтролируемой эксплуатации бедного мирочеловечества со стороны богатого «золотого миллиарда». Уже через 10 лет после разрушения СССР проявил себя первый признак глобальной социальной революции, который политологами и политиками, исповедующими атлантическое мышление, был понят как повод к борьбе с «мировым терроризмом». Всего двадцать лет потребовалось для того, чтобы новый безумный мир обнаружил свои глобально-катастрофические черты.

Разусложнение сложности чаще всего по ступенькам кризисов ведет к катастрофе, а самой большой глобальной катастрофой, очевидно, явится разрушение этнонациональной государственности и регионально-национальной экономики, что, впрочем, станет лишь виртуальной («когнитивной») катастрофой — катастрофой для старой, ограничивающей свободу человека этнонациональной культурности. Разрушение всех старых форм эколого-экономической, социально-экономической и социально-культурной жизнеобычности, весьма вероятно, станет глобальной катастрофой человеческой цивилизации в ближайшие три-четыре десятилетия: «техноинформационная биосфера» эффективно проведет «зачистку» всей совокупности отношений каждого конкретного человека с планетарной средой глобального общеобитания.

От теории устойчивого развития к философии катастроф

Человечеству, как и человеку, свойственно убеждать и утверждать себя в «светлом будущем», при этом речь идет и о посюстороннем, и о потустороннем будущем. В каждой культуре в зависимости от социально-экономической и внешнеполитической ситуации работают два видения мира — оптимизм (уверенность, радость) и пессимизм (алармизм, тревожность). Иногда розовый оптимизм побеждает, и тогда обществу приходится платить за это дорогую цену. Алармизм, сформировавшийся в XX веке, может рассматриваться как прелюдия к формированию философии и психологии глобального катастрофизма, которые могут рассматриваться как попытки выкрутить на самом, может быть, сложном повороте мировой (ноосферной) истории. Н. Н. Моисеев писал о том, что «об устойчивом развитии в его банальной трактовке следует просто забыть: и человечество в целом, и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения, это будет путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И к этому надо быть готовым» [12, с. 220].

Глобальное катастрофическое сознание — как сейчас становится отчетливо видно — наша ментальная реальность, выросшая из понимания самоорганизации бытия, его напряженного «жужжания» перед стартом от одной сложности к другой сложности, который всегда чреват потерей целостности, а подчас и катастрофой.

В мировой истории хорошо видна тенденция нарастания катастрофизма по мере увеличения количества сложных социальных систем. Это особенно

заметно в условиях перехода к синергетической методологии конструирования исторических процессов. Философия эволюционизма, овладевшая умами ученых и мыслителей в XIX веке, затмила философию катастрофизма, в XX веке универсальный эволюционизм стал в значительной степени основанием для формирования стратегии устойчивого развития и даже ноосферного развития, но в новое тысячелетие человечество входит с теоретическими моделями глобального катастрофизма (ярким примером такой смены декораций стала теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона).

Современное глобалистское сознание хорошо представлено в энциклопедии «Глобалистика». Статья «Катастрофа» в энциклопедии фиксирует, что «катастрофа — широкомасштабное, сравнительно быстрое изменение хода событий, приводящее к сверхнормативной смертности, заболеваемости и/или прямым и косвенным социально-экономическим и экологическим переменам, в т. ч. ущербам. Различают природные катастрофы (такие стихийные бедствия, как землетрясения, цунами, извержения вулканов и т. п.) и экологические катастрофы (например, уменьшение водности рек из-за вырубки лесов, опустынивание, радиоактивное загрязнение местности и т. п.)» [6]. Как отдельные проблемы анализируются «Экологическая катастрофа» и «Глобальные климатические катастрофы», но на детальную проработку системы глобальных катастроф международное сообщество глобалистов ставки не делает. Современная глобалистика в значительной степени согласна на концепты «кризисов», «угроз», «проблем», «вызовов», но не катастроф. Думается, что приходит время, когда традиционное христианское апокалипсическое сознание закономерно перерастает в научно-апокалипсическое. Человек апокалипсического мироощущения, как показывает русская история, подчас создает такие образцы искусства, которые обеспечивают спасение и выживание культуры на целые столетия.

Развитие мира многими учеными еще представляется как «устойчиво-ориентированное», однако изменения в человеческой цивилизации столь стремительны, что пришло время глобальной «смены веков».

Стратегия устойчивого развития и как олигархическая теория «золотого миллиарда», и как паранаучная иллюзия в значительной мере девальвирована. Очевидно, наступила пора строить стратегии глобальных катастроф — такой вывод следует из событий первого десятилетия начавшегося века. Думается, что даже несовершенная теория глобальных катастроф значительно более гуманна и прагматична, нежели самая хорошая теория «устойчивости», исчезающей как шагреновая кожа. Даже если в пространство ноосферы не придет брейгелевская «безумная Грета» как символ термоядерной войны, его посетит (как и положено двуликому Янусу разума) смерч носфераты, а деконструкция тексто-бытия обернется деконструкцией самого бытия.

Катастрофоведение: синергетика, теория катастроф

Катастрофоведение, думается, единственно адекватное выражение когнитивно-эпистемологического аппарата для оценки и прогнозирования состояния грядущего ноосферного перехода. Если раньше версии нулевого, ограниченного или органического роста подпитывали иллюзии стратегии устойчивого развития, то затем оно стало рассматриваться через призму различных пониманий от устойчивого равновесия до относительных равновесий в природе (биосфере) и ноосфере [9]. Очевидно, пришло время, когда теория катастроф

(Р. Тома, В. И. Арнольд) с математического и техносферного должна перескочить на социально-праксиологический и социоприродный уровни.

В серии книг «Синергетическая парадигма» постепенно откристиаллизовалась форма сопряжения устойчивости и диссипативности (катастрофичности). В *синергетическом сознании* современного человека катастрофизм стал органической составляющей [3]. Человек в век глобальных катастроф должен понимать способы выживания как способы личностного комплементарного *синергетического поведения*.

В катастрофоведении понятия «спонтанная катастрофа», «организационная катастрофа», «организованная катастрофа», «виртуальная катастрофа», «прогнозируемая катастрофа», «когнитивная катастрофа», «катастрофическое сознание», «катастрофическая реакция», «катастрофическое прогнозирование», «знаки катастроф» и др. должны получить адекватное осмысление.

В свое время виртуальный прогноз «ядерной зимы» внес существенные коррективы в изменение глобального сознания, и те обвалы, которые претерпевает Россия последние двадцать лет, могут рассматриваться как убедительные и очевидные знаки будущих, еще более страшных обвалов и катастроф. Современная стратегия, ориентированная на кризисологию с оглядкой на версии прошлых эпох, может оказаться «программой опоздания». Задача, очевидно, заключается в создании философии катастроф (онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии катастроф). Это тем более значимо, что Россия всегда представляла именно как территория масштабных катастроф, это ее качество лишь усиливается, и, вне всякого сомнения, эту тенденцию надо иметь в виду. Еще совсем недавно казалось, что в силу обширности территории Россия представляет собой огромный ледяной материк, подобный Новой земле; желание «подморозить» Россию позволяло отсрочить приход диссипации. Геополитический катастрофизм казался невозможным, но, судя по всему, историческое потепление в России пришло раньше, чем понимание глобального потепления климата. Современная Россия как Антарктида, от которой интенсивно откалываются огромные айсберги, а значит, приходит эпоха катастроф. Думается, что самая большая ошибка коммунистических геронтократов заключалась в том, что они не хотели и не могли представить уже пришедшую перестройку как реальную катастрофу, убеждая себя в том, что ее еще можно избежать. (Предперестроечная чехарда генсеков — яркий пример тому. Лишь А. Громыко, отвечавший за международные отношения и хорошо понимавший положение СССР, очевидно, первым понял, что откладывание прихода молодых лидеров смертельно опасно уже даже не для партии, а для страны в целом.)

Фигура «страуса» и даже «римские гуси» — уже слабые ответы на приближающиеся вызовы: более адекватна формула Хемингуэя, знавшего, «по ком звонит колокол».

«Катастрофа-в-себе» и «катастрофа-для-нас»

Практически все рассматриваемые варианты, называемые катастрофой, в действительности «катастрофы-для-нас», ибо они реально разрушают сложившиеся стереотипы жизни и бытия. Катастрофами как таковыми они не являются, а лишь называются. Это закономерные синергетические процессы, к которым придется привыкать и мириться как с неизбежностью, ибо, как верно заметил Д. Быков, «от нас уже ничего не зависит».

Ноосфера, как ей и положено, родится в «буре и грозе», а параметры возможных состояний *посткатастрофического будущего* скорее всего должны определяться уже сейчас. «Мир без границ», «мир без денег», «мир без воды», «мир без электричества», «мир без власти» — лишь некоторые из возможных вариантов. Особенно эти прогнозы последствий виртуальных катастроф важны для России, ибо, судя по всему, именно «хартленд» может стать геополитическим разломом ближайшего столетия.

Грядущее великое переселение народов естественно потребует иного понимания происходящих процессов. Девальвация границ и собственности потребует иных императивов поведения в условиях катастроф, а наряду с медициной катастроф потребуются и философия катастроф, и психология катастроф. Компьютерное моделирование катастроф уже сейчас может оказаться одним из самых социально значимых трендов компьютерных игр.

Ноосферные катастрофы

На нашей планете сохранились следы не только биосферных, но и ноосферных катастроф. Разрушения и повреждения разума — столь же обычное дело, как рождение и смерть. Каждый раз смерть человека сопровождается гибелью сферы его разума. Остается лишь информационное бессмертие разумного бытия: другой человек принимает ноосферную эстафету, продолжается жизнь рода и вместе с ним жизнь социокультурного генома.

Не менее обычна и гибель цивилизации и всего опыта ее бытия в земном и космическом пространстве. Ноосферные катастрофы — вечный спутник ноосферной истории, ноосферная эволюция оставляет следы былых ноосфер в той же самой степени, как и биологическая эволюция оставляет следы былых биосфер. Ноосферный опыт человечества — великое достояние истории. Таким образом, **ноосферное развитие представляет собой чередование этапов катастрофического и устойчивого развития.**

Причины возникновения биосферно-ноосферных конфликтов разнообразны: это и нехватка информации, и недостаточность квалификации управленца, неадекватность оценки риска, непонимание размерности среды обитания, рассогласование процессов по времени или в пространстве, несистемное мышление. Одна из возможных стратегий канализации глобальной катастрофы — шенгенизация мировых границ, а затем и ноосферная атомизация — процесс, предполагающий безнациональные и безгосударственные формы самоорганизации коллективного человеческого разума в техноинформационных формах.

Причины возникновения ноосферных катастроф в значительной степени связаны с действием теоремы Геделя о неполноте, т. е. с неподготовленностью людей, принимающих решения в условиях неожиданного явившегося сверхсложного глобального бытия. Практически все региональные катастрофы вытекали из того, что местные власти вынуждены были действовать наугад, вслепую, при огромной нехватке информации или когнитивно-эпистемологических умений и навыков.

Век «управляемых» («направляемых») катастроф

Как показывает история, XX век был веком спонтанных катастроф техногенного и антропогенного характера. XXI век в значительной степени остается таким же, но появляется новое качество, связанное с тем, что теория катастроф (синергетика) позволяет инструментально относиться к нарастающим

катастрофизмам, обнаруживать способы канализации катастрофы и — при известных условиях — даже ее контролирование. Самым ярким примером катастрофичности Системы явилась чернобыльская катастрофа. Оказывается, практически всегда, когда на первое место выходит личностная жадность или коллективная алчность, возможность техно-антропокатастрофы или социоприродной катастрофы неизмеримо увеличивается. Алчность как коэффициент катастрофичности работает прежде всего потому, что нарушается антропосоциальная гармония. Механизм рыночно-плана, возникающий в силу сопряжения материально-технического (или, как раньше говорили, материально-экономического) и антропосоциального и духовно-культурного развития, теряет равновесие, и срабатывает «машина катастроф». Плановые отношения в ноосферном развитии выступают графитовыми стержнями рыночной ядерной реакции в котле мировой (и, значит, национальной) экономики. «Управление катастрофами» в XXI веке на основе катастрофологии — центральная задача мирового научного сообщества и власти, а также общества в целом.

Формула катастроф

Ноосферная неравновесность возникает в том случае, когда круговая платформа цивилизационного развития, на краях которой стоят технологические, антропологические, демографические, экономические, культурные и духовные процессы, оказывается неустойчивой в силу крена в одну какую-либо сторону (особенно в том случае, если сама эта биосферно-ноосферная платформа начинает вращаться с ускорением). Возникает реальная возможность, что все «фишки» могут слететь со «стола», и тогда все начнется сначала.

Разум оказывается главным регулятором прихода катастроф. Фактически катастрофа — это признак неразумности данного конкретного национального социального разума (руководителя или руководства страны) или неразумности общечеловеческого коллективного разума. Формула катастроф могла бы, очевидно, включать в себя следующие показатели: *массу разума* (см. ст. А. В. Брагина в настоящем выпуске), выраженную в количестве информации (культурной биогеохимической энергии) с поправкой на религиозно-нравственную составляющую, *демографическую массу*, оказывающую самое сильное влияние на масштабность и вектор катастрофичности, а также коэффициенты *космичности*, определяемые деятельностью солнечной или космической энергии.

Проблема ноосферных катастроф связана в значительной степени еще и с встречающимися цивилизационными потоками культурных биогеохимических энергий, с феноменом «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), т. е. фактически локальных духовно-информационных систем. Противоречие еще не повод для катастрофы, но антимир действительно склонны к социальной аннигиляции (как, например, в результате столкновения «социальных элементарных частиц» с различными *спинами* под названием Гитлер и Сталин).

Гегелевская диалектика, доведенная до философии управляемой катастрофы в социально-материалистической диалектике Маркса, может служить примером философии катастроф (не случайно Гегель считал войну способом разрешения противоречий, а Маркс революцию — повивальной бабкой социального прогресса). Эта мысль не означает, что философия запрограммировала XX век как век катастроф, это означает лишь, что философы точно угадали (поняли, отрефлектировали) главные тенденции надвигающегося века. Точно

так же многие философы XX века усмотрели в катастрофизме мировых войн и континентальных революций повод для антидиалектических (универсумных, антропоэкологических) философских построений.

Катастрофизм как концепт современного глобального сознания

СМИ в информационном обществе предназначены для формирования массива информации, за истинность и адекватность которой они несут моральную и правовую ответственность. Общество, особенно российское, вышедшее из советского, чрезвычайно трудно обмануть, запах лжи всегда разносится чрезвычайно быстро. В олигархическом обществе, в котором социальное расщепление всегда требует приглаживания реальных действий высших классов, правда драпируется еще более интенсивно, нежели это было в советское время. Более того, очевидно, существует закон, по которому коэффициент децильности одновременно является и показателем «адекватности» средств массовой информации. В условиях российской действительности средства массовой информации в большей степени выполняют роль «неинформации», чтобы не говорить «дезинформации»: псевдоинформация — сообщение без необходимой конкретики — лишает смысла «объективные высказывания».

Глобальное катастрофическое сознание

Главное отличие советской широкой информации от российской широкой информации — смена знака: в советской традиции важно было подавать только позитивное, в современной российской традиции — создать ощущение катастрофичности для каждого жителя каждого региона и страны в целом. Причина формирования «катастрофического вектора широкого сознания» — в установке на ослабление социального недовольства: когда где-то рядом происходит катастрофа, человек более радостно воспринимает свои небольшие беды и проблемы. Но в последние годы катастрофическое сознание постоянно расширяет свой ареал — формируется тотальное апокалипсическое (глобальное катастрофическое) сознание. Масштаб этого факта «приземления» к земной жизни выходит за рамки формулы «Предупрежден, значит вооружен». Зависимость от негатива позволяет исподволь формировать настроение безразличия как к ближней, так и к дальней жизни. Постепенно формируется *глобальное катастрофическое сознание* у широких слоев общества. Эта социальная анестезия позволяет осуществлять довольно рискованные социально-хирургические операции, которые ранее было бы невозможно осуществить.

Психология катастрофобития

Устойчивость общества в условиях нарастающего катастрофизма социоприродного развития может быть достигнута прежде всего за счет гармонизации социальных и экологических отношений. В условиях осознания приближения человечества к всеобщей гибели (в результате космических или внутриземных факторов), весьма вероятно, могут заметно ослабляться факторы борьбы за национальное, социальное и личностное выживание (борьбы всех против всех), на их место могут придти факторы сотрудничества и взаимопомощи. Таким образом, модели Дарвина и Кропоткина потребуют переосмысления в условиях локальных и глобальных катастроф. (Весьма показательны это на примерах романа «Война и мир», когда социальные ди-

станции настолько сокращаются, что представители высших и низших сословий оказываются одинаково стоящими перед высшими и настоящими ценностями бытия и послебытия. Экзистенциальный социализм эпохи нарастающей катастрофы — признак того, что русская культура, как и любая другая культура, *справедливоцентрична*, а власть практически всегда навязывает с помощью права свою меру несправедливости, превышение которой всегда ведет к «бунту бессмысленному и беспощадному».)

Заметим, что для российского общества жизнь в условиях *социально-исторической* катастрофичности — дело столь же привычное, как для американского или японского общества — жить в условиях *природной* катастрофичности. При этом оказывается, что в России даже природная катастрофичность — дело рук человеческих (каждый год приход зимы и лета катастрофичны, в одном случае замерзанием систем отопления, в другом — небеспричинными пожарами). По сути дела, человеческая культура и представляет собой в значительной степени форму навыков жизни в «ожидании Годо», в ощущении перманентной катастрофичности бытия.

От универсального эволюционизма к универсальному катастрофизму

В современной науке универсальный эволюционизм иногда рассматривается как синергетика — учение о самоорганизации. Однако терминологический анализ заставляет увидеть различия между ними: в значительной мере синергетика представляет собой единство универсального эволюционизма и универсального катастрофизма. (Проще было бы сказать, что при диалектическом подходе эволюционизм и есть в определенном смысле катастрофизм и наоборот, однако традиция науки разделять эволюционизм Дарвина и катастрофизм Кювье не позволяет осуществить такое совмещение.)

Библейская история и библейское мирознание наполнено философией социальных и природных катастроф: они возникали каждый раз, когда человеческий разум заходил в тупиковую ветвь своей эволюции. В этой связи философия катастроф, или универсальный катастрофизм, — одна из самых устойчивых мировоззренческих конструкций человеческой истории, лишь в просвещенческую и постпросвещенческую эпоху оптимистический сциентизм заполнил сознаниевое пространство, пока мировые войны не отрезвили человечество от его розовой иллюзорности. Ницше как предтеча катастрофического сознания XX века заставил человечество проснуться от «золотого сна». Современное катастрофическое сознание и философия катастрофизма в известной степени расстаются с религиозным контекстом, приходит сциентистский катастрофизм, который лучше всего выражен в современной синергетике. Создание предпосылок для перескоков («туннельных переходов») с одной ветки социоприродного развития на другую ветку при учете социальных и природных потерь — одна из сложных задач универсального катастрофизма. Смена парадигмы устойчивого развития на парадигму ноосферного катастрофизма предстает закономерной и естественной инверсией в условиях перехода мира в третье тысячелетие. Фактически человечество уже живет в новом глобальном катастрофическом сознании, но пока до конца не осознало это свое новое состояние. В условиях глобальных катастроф у *социальных динозавров* не остается возможностей выжить, они не смогут эффективно транслировать информацию от маленькой головы к весьма отдаленному хвосту. Глобальный социоприродный катастрофизм ближайшего времени пред-

полагает дальнейшую атомизацию, элементаризацию континентально-монолитных систем, что потребует от государств поиска способов спускать «как-если-бы» катастрофы на тормозах (создания катастрофической трибологии) как единственной альтернативы запуска реальной глобальной катастрофы.

Ноосферная трибология

Любой прорыв в будущее имеет свою «отдачу», любое историческое ускорение в силу того, что оно требует антропологического напряжения, предполагает последующее торможение: так в известной степени проявляет себя и техносферное ускорение последних двух веков техноисторического прогресса.

Техносферный и демографический «перегрев» биосферы как своеобразного резервуара человеческой деятельности, как это видно уже сейчас, должен быть смягчен, возвращен в русло оптимума. Этот вывод мирового научного сообщества абсолютно очевиден, и теперь дело заключается в том, чтобы властные структуры, осознав это неблагополучие, осуществили решительные шаги, на которые все равно придется пойти, но, при задержке, — в крайне неблагоприятных условиях.

Те меры, которые были приняты государствами в ходе «зеленой революции» последней четверти XX века, оказались лишь первым — отчасти бессознательным, и потому слабым — торможением неблагоприятных глобальных антропогенных процессов. Сейчас, очевидно, пришло время для очень продуманных и просчитанных торможений разнообразными способами.

На каждое проявление глобальной катастрофы может быть предусмотрена своя адекватная форма оптимального торможения. С. П. Капица в своей книге показал, как осуществляется глобальное торможение в демографическом экстремуме. За один век население Земли увеличилось с 2 до 6 млрд человек. Это не могло не сказаться на обострении противоречий в цивилизационной системе. Две мировые войны, как показано в книге, фактически предстают как процесс самоорганизации в условиях беспрецедентного демографического роста. Таким образом, следует признать, что первый шаг в направлении торможения эксплуатации биосферы был сделан в значительной степени бессознательно — как естественный шаг борьбы за ресурсы для этнонационального развития. Темпы прироста народонаселения замедлились, но рост не прекратился, население Земли продолжает увеличиваться и достигнет максимума в 11 млрд к середине века. В этих условиях формы ноосферного торможения должны проявить свое многообразие.

Первое, на что следует обратить внимание, это социально-экономические проблемы. Великая российская социальная революция, очевидно, была первым признаком того, что стремление к социальной справедливости приобретает не локальный (континентальный или национальный), а евразийский и даже глобальный характер. Русское религиозное стремление к человеческой справедливости приобрело в значительной степени утрированный и примитивный характер, но даже такого рода достижение справедливости показало колоссальные возможности социального, культурного, научного и антропологического развития. Коммунизм (социализм) в его социально-экономическом измерении в эпоху беспределов роста стал шагом назад в формационном и человеческом смысле, ибо оказался «феодальным» коммунизмом. Однако российский пример не только был востребованным для ускорения

развития слабых стран, но все больше становится калькой для развития в условиях экстремального социально-экономического торможения. На мировом саммите по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) проблема противоречий между бедными и богатыми странами была осмыслена в достаточной степени откровенно, но результатом стало лишь решение об отчислении 1 % ВВП богатых стран в пользу бедных стран, что не устраняет процесса обострения этих противоречий. Более того, «гибель коммунизма в XX веке» (З. Бжезинский) лишь обострила противоречия между бедными и богатыми и внутри отдельных стран: например, в России эта диспропорция поражает даже представителей развитых капиталистических стран. Постиндустриализация постсоветской России осуществляется все теми же петровскими и сталинскими (сравнительный анализ требует тщательного внимания социологов, экологов и демографов) методами и механизмами социального манипулирования. Партноменклатурное ядро, выполняющее либерально-олигархический заказ по уничтожению советских культурных архетипов у нового российского общества, действует с той же бескомпромиссной дегуманизацией, как это было при капэсэсном социализме, но с еще большей степенью обмана и самообмана. При этом следует признать, что общество терпит и, очевидно, какое-то время будет еще терпеть *экспроприацию социализма*, позволяющую как можно быстрее пробежать эпоху «ужасного конца». Если процесс десоциализации в России продолжится такими же темпами, то новое издание социальной революции станет неизбежным. Признаки такого неблагоприятия отчетливо видны уже в настоящее время.

Ноосферная безопасность в век глобальных катастроф

Безопасность разума — формула с двумя сторонами: первая связана с возможностью защиты тонких сфер разума от техногенного и властного безумия, вторая — с условиями защиты общества и человека от жестокосердия разума, от безумия разума. Не всегда быстро можно установить, как происходит дивергенция разума в полубезумие или в крайний случай — социальное безумие. Личностное и коллективное безумие — разные формажорные обстоятельства.

Защита разума от разума — центральная проблема ноосферной безопасности, и сложность ее требует уже не просто учета «массы разума», а «момента импульса разума». Разорванность разума в социокультурном хронотопе неизбежно ведет к нарастанию катастрофичности и в конечном итоге к катастрофам различного уровня.

Россия в тисках западного и восточного катастрофизма

Из древних тысячелетних колоссов на ногах к настоящему времени остались лишь Россия, Индия и Китай. Причины этого в том, что монопоным (однопространственным) империям легче сохранить свое единство, нежели империям поли- и гетеропоным. Разрушение российской и советской империи совершалось путем окраинного откалывания территорий, подобного рода поползновения характерны и для истории Китая, но последний имеет достаточно сил для пространственного самосохранения. История России показывает, что если первые столетия второго тысячелетия были связаны с преодолением восточного ига, то последние пять столетий Россия противостояла западному нашествию. Весьма вероятно, что маятник российского

исторического катастрофизма может вновь качнуться в обратную сторону — с запада на восток, и думается, что, как это было в истории, тело России вновь подвергнется расчленению на договорных основаниях между большим Западом и большим Востоком.

Военно-крепостнический социализм в СССР в силу колоссальных личностных возможностей «советского народа» ценой огромных человеческих потерь смог победить империалистический еврокапитализм, «реальный» социализм стал экстенсивно утверждаться в разных частях света. Когда шествие примитивного социализма по планете было остановлено, когда «рождение и гибель коммунизма» стали историей не только для стран Восточной Европы, но и для самого СССР, то одновременно начался закат и буржуазно-капиталистической модели общественного развития. XX век — век начала вступления в глобальное социалистическое общество, наступающие глобальные катастрофы станут похоронной командой по «реальному капитализму». Очевидно, эпоха «экологического социализма» станет первой ступенькой к провозглашенному К. Марксом коммунизму как строю, при котором материальные и духовные ресурсы станут одинаково доступными для подавляющего большинства населения Земли. Демографическая оптимизация и экологическая стабилизация наряду с общепланетным техно-информационным субстратом будущей цивилизации станут лекарствами для тяжелобольного общества, а Мадлен Олбрайт, провозгласившая, что Россия слишком много отхватила ресурсов и территории и должна поделиться, может рассматриваться как первый представитель будущего глобального ресурсно-экологического коммунизма.

Былые катастрофы

Современная Россия обязана сделать вывод из исторической практики прошедшего века, когда три раза (1905—1917, 1934—1941, 1985—1991) «пагубная самонадеянность» была похожа на игнорирование надвигающейся катастрофы. Самый яркий пример интеллектуальной и прогностической несостоятельности связан с допущением реализации гитлеровского плана «Барбаросса». Ни главнокомандующий, ни военачальники, ни офицеры, ни солдаты не были готовы к катастрофическому варианту развития событий. Все были уверены, что будут воевать на территории противника. Такого рода деморализация армии привела к катастрофе — к тому, что миллионы солдат вынуждены были сдать в плен. Неготовность к возможности катастрофы деморализует общество; история показала, что лишь через полгода пришло примирение со случившимся, началась борьба народа за свое выживание.

Нечто похожее произошло в период перестройки: эйфория от открывавшихся возможностей заслонила реальные катастрофические направления развития. В научной литературе, предшествовавшей перестройке, такие тенденции не обсуждались, ожидалось лишь эволюционные изменения социализма. При этом в большинстве своем советские люди, да и советские ученые, не могли знать (а если бы знали, то с трудом поверили бы) о неизбежном крахе большевистской системы, который предрекали многие мыслители русского зарубежья.

Доведена ли Россия до самоубийства?

Реквием, который уже прозвучал для современной России [5], свидетельствует о том, что столица в значительной степени уже «отстегнула» не

только дальние, но и даже весьма близкие территориально регионы. Поэтому очень важно понять, насколько жизненные силы России еще велики для противостояния диссипативным процессам, или Россия уже готова, как говорится в известном анекдоте, «сдаться Дании в плен». Самое тревожное заключается в том, что в значительной степени население страны смирилось с любым ужасным концом, может быть даже более страшным, нежели последовавшее после ГКЧП. Если практически все регионы страны дотационные, то, очевидно, система «раздач» закономерно ведет к дезинтеграции. Тотальная антироссийская европеизация как сложившийся факт есть знак распада последней мировой империи, ибо рыночные механизмы, как это сейчас отчетливо видно, чрезвычайно ускоряют центростремительные процессы, и их результаты могут оказаться столь же неожиданными, как Беловежские решения.

Психологическое состояние страны уже не просто «мозаичная шизофрения», а деморализация, похожая на состояние скотины, которую ведут на убой, убеждая, что все сделано для улучшения качества ее жизни.

Очевидно, следует признать, что главным ориентиром любой власти в ближайшие несколько десятилетий будет формула «Все возможно в любой момент и, может быть, даже завтра» (в шутку иногда говорят: «Все будет хорошо — готовьтесь»). Именно это положение, с одной стороны, деморализует власть, но с другой — усиливает народную способность противостоять распаду. Для российской истории (речь идет об эпохах смуты) «час X» всегда связан с тем, что «антинародная власть убита», поэтому народу самому надо начинать новую жизнь. Закономерное отстранение обанкротившейся власти — всегда необходимое условие для проявления народного энтузиазма. Так было в эпоху перестройки, так может оказаться и в эпоху «перестройки-2».

Главная российская катастрофа

Катастрофа — это всегда потеря концепта, потеря системой системообразующего свойства. Антропологическая катастрофа, развернувшаяся в нашей стране в XX веке, одновременно стала и ноосферной катастрофой. С потерей не только количества людей (страна потеряла по средним оценкам около 50 млн жителей, а «абсолютные» цифры говорят, что до 400 млн человек не родилось в России в век континентальных катастроф), но и с потерей качественного разнообразия страна подошла к культурной катастрофе, которая в значительной степени порождает ноосферную катастрофу. Потеря русской социокультурной и социоприродной идентичности (а точнее сказать, не полное и не столь быстрое ее восстановление в системе нарождающегося общенародного государства) в конечном итоге привела к разрушению государственности, построенной на многогранности (многонациональности и многоконфессиональности). Восстановление всей ноосферной палитры российского коллективного разума может рассматриваться как форма становления континентальной ноосферной безопасности.

Российское катастрофическое сознание

В советскую эпоху сформировалась стойкая уверенность, что «жизнь стала лучше, жизнь стала веселее». Попытка снять стресс перед будущим в значительной степени формировала оптимистическое мировоззрение и мироощущение, что явилось, может быть, самым значимым эмоциональным фактором поступательного развития советского общества. Сползание в постсо-

ветское катастрофическое сознание — хорошая прививка для будущего глобального катастрофического сознания, которое интенсивно формируется в наше время, в том числе и как форма «массового», а не только «элитарного» сознания. Апокалипсическое сознание, складывавшееся в эпоху легального тоталитарного православного сознания, судя по всему, сыграло свою значимую роль при подготовке великой российской социальной революции. Грядущая социальная катастрофа потребует уже не просто восстановления современных форм православного апокалипсического видения мира, а значительной конкретизации научного катастрофического сознания.

В заключение хотелось бы обратиться к народной мудрости. Существует притча о мальчике-пастухе, который часто звал на помощь селян, крича: «Волки, волки!» Пришло время, когда волки действительно напали на стадо, но ему никто не поверил, на помощь не пришел... Современные размышления о катастрофах могут стать похожими на действия мальчика-пастуха, но в условиях нарастания неопределенности и катастрофичности разум должен быть всегда начеку.

Патогенез и ортобиоз современного российского общества

Уже сейчас видно, что христианский ренессанс в новой олигархической России исчерпывает свой социальный потенциал, для рывка вперед страна должна осмыслить тот гигантский мировой мировоззренческий опыт, который в российской традиции нашел свое воплощение в *синтетической культурной традиции русского космизма*. Думается, что именно этот *русский пантеистический пафос* имеет в своей основе все величайшие достижения цивилизации, которые дали в XX веке миру российские богословы и философы, ученые и инженеры. Таким образом, катастрофизм начала XXI века вызван в значительной степени ноосферной неадекватностью, которая связана не только с техногенной отсталостью, но и с корневой исторической «отвязанностью», незнанием многовековых способов выживания на территории, где в течение предыдущего тысячелетия практически не менялась климатическая ниша. Для России ноосферная катастрофичность вызвана огромными людскими потерями, прежде всего в годы раскрестьянивания и Отечественной войны, в этот период оказались вымороженными деревенские традиции культурного освоения земли, рек и лесов, это второе тело человека (среда обитания) перестало ассоциироваться с высшей ценностью в пределах досягаемости. Край утратил свою самость, как и человек, выросший на самозаветной почве. Понимают ли в столице, что, навязывая голую европейскость региональной культурно-образовательной традиции, они продолжают лишать данную территорию способности к выживанию?

Современное крепостное региональное право столь же губительно для населения региона, сколь оно было губительно для русского крепостного крестьянина. Без региональной свободы бессмысленно ожидать конкурентно-соревновательной среды, которая и создаст возможности для тонкой подгонки экономической жизни края. «Торможение» пространством и временем по-прежнему оказывается главной проблемой неноосферности государственного и муниципального управления.

У каждого региона есть свой ноосферный потенциал и свои ноосферные конфликты. Очевидно, региональная система образования и должна быть нацелена прежде всего на выстраивание региональной идентичности в различных сферах бытия общества.

В чем же выход из положения в условиях нарастающей нестабильности и катастрофичности для мира и для России? Он связан, очевидно, с поиском способа совместить эффективность и системосозидательность государственного управления (управления сверху) с расширением возможностей самоорганизации на низовых уровнях, начиная от личности, вплоть до региональных систем, имеющих возможность на основе информационной достаточности обеспечить существование социоприродных систем — ноосферных комплексов. Очевидно, самой сложной задачей в этом контексте должна быть информационная достаточность для процессов общегосударственной и народной самоорганизации.

Катастрофогенез и ноосферное развитие

Самыми существенными моментами века глобальных катастроф, требующими тщательного анализа, являются даже не формы государственной власти, не организационные структуры (они в первую очередь рухнут под ударами судьбы), а абсолютно приоритетные природно-хозяйственные и антропоэкологические ситуации. Сохранение человека — носителя культурной биогеохимической энергии и сохранение биосферы (природы) — носительницы космической и биогеохимической энергии в формах генетического разнообразия — важнейшие условия посткатастрофической синергийности.

Приходит катастрофа, и интеллигенция как выразительница конкретно-исторического сознания общества умирает, однако интеллигенция как общечеловеческая субстанция вечна, ибо она есть особый прибор для защиты от «дураков, которые строят дороги», фактор предотвращения катастроф или способ управления катастрофой путем ее осмысления. К сожалению, ни В. И. Вернадский, ни Н. Н. Моисеев не услышаны «властителями» новой России, а значит, следует готовиться к новой российской катастрофе.

Как бы ни складывалась история Земли, в любом случае процесс дальнейшего развития связан с формами ноосферной прогрессии, с процессом постепенного «оразумления разума». Планетарная история (Большая история) свидетельствует о том, что именно (ко)эволюция коллективного разума и человеческой разумности обеспечивает формы ноосферного развития. В этом смысле история разума (или, говоря словами В. П. Казначеева, интеллекта) на планете Земля возможна настолько, насколько возможна коэволюция носителей труда и разума в противоречивой системе культурного человечества. Как говорил В. И. Вернадский, «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [5, с. 302].

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990. 128 с.
3. Буданов В. Г. Программа курса «Синергетика для гуманитариев» // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М. : Прогресс-Традиция, 2007. С. 584—592.
4. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1987. 339 с.
5. Гиренок Ф. И. Реквием // Завтра. 2010. № 38. С. 7.
6. Глобалистика : энциклопедия / гл. ред. И. И. Марр, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. 1328 с.

7. *Казначеев В. П., Трофимов А. В.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Новосибирск : Наука, 2004. 312 с.
8. *Капица С. П.* Парадоксы роста. Законы развития человечества. М. : Альпиона нон-фикшн, 2010. 192 с.
9. *Кожевников Н. Н.* От равновесия к равновесию. Концептуальный анализ относительных равновесий в природе. М. : Мысль, 1997. 271 с.
10. *Лем С.* Принцип разрушения как творческий принцип // *Природа*. 1987. № 9. С. 68—77.
11. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М. : Изд-во МНПЭУ, 1995. 394 с.
12. *Моисеев Н. Н.* Время определять национальные цели. М. : Изд-во МНПЭУ, 1997. 256 с.
13. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории : (синергетика, психология и футурология). М. : ПЕР СЭ, 2001. 239 с.
14. *Раков В. П.* Меон и стиль. Иваново ; Шуя, 2010. 448 с.
15. Реалии ноосферного развития. М. : Ноосфера, 2003. 396 с.
16. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
17. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 584 с.
18. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 560 с.
19. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка : 13560 слов : в 2 т. 2-е изд., стер. М., 1994. Т. 1. 623 с.

ЮБИЛЕЙНЫЕ АНТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12 декабря 2009 года в конференц-зале ИвГУ состоялись чтения, посвященные 100-летию со дня рождения доктора философских наук, Заслуженного деятеля науки РСФСР Николая Павловича Антонова.

В заседании принимали участие:

Полывянный Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Ивановского государственного университета

Поленов Юрий Владимирович — доктор химических наук, доцент, консультант Департамента образования Ивановской области

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета

Портнов Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета, Председатель Ивановского отделения Российского философского общества

Куликова Галина Ивановна — племянница Николая Павловича Антонова

Куликов Валерий Васильевич — супруг Галины Ивановны Куликовой

Дмитревская Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии

Исаев Владимир Анатольевич — доктор биологических наук, профессор кафедры зоологии Ивановского государственного университета

Ивлев Николай Иванович — кандидат философских наук, доцент

Кузин Юрий Дмитриевич — доцент кафедры философии Ивановского государственного энергетического университета

Клейнер Марк Борисович — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета

Осколков Михаил Александрович — кандидат философских наук

Воронов Юрий Михайлович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного архитектурно-строительного университета

Савин Николай Васильевич — доктор педагогических наук, профессор

Бабаев Бронислав Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политэкономии Ивановского государственного университета

Д. И. Польшанский

Сегодня предновогодний, субботний и праздничный день, сегодня официальный российский праздник — День Конституции. Зал, в котором мы заседаем, — это перестроенный кабинет кафедры философии, где когда-то работал Николай Павлович. Это вполне символично. Мы очень благодарны кафедре философии и всем, кто пришел почтить память профессора Николая Павловича Антонова, потому что университет не может существовать без традиций, без имен, которые составляют его богатство, его основу. И вот среди таких великих имен, действительно не требующих излишних пояснений, имя человека, со дня рождения которого сегодня исполняется 100 лет. Я историк, как вы знаете, и далек от философии, но тот общегуманитарный багаж, который у меня есть, укрепляет меня все больше и больше в мысли о том, что философствование есть дар и философии нельзя научить, философам нельзя стать. Философствование есть дар, который человеку либо дан, либо не дан, как в поэзии, как другие творческие дары. Не буду рассуждать о его происхождении, но, безусловно, скажу то, на что скромное личное знакомство дает мне право. (Я все-таки пять лет работал в университете одновременно с Антоновым, хотя, честно говоря, слышал его всего один-единственный раз как философа, а остальное время — на партийных собраниях.) Но философствующий человек философствует везде.

Говоря о Николае Павловиче, я не могу не отослать свои краткие заметки к книге, которая была издана вот уже шесть лет назад, — это тоже большая заслуга кафедры философии. Она, прежде всего, интересна тем, что в ней опубликованы дневниковые записи Антонова, те свидетельства философствования, которые говорят о том, что он занимался философией не для того, чтобы писать кандидатские и докторские диссертации, не для того, чтобы писать книги или монографии, но даже в бою, в то время, когда он преподавал в военных училищах, в обстановке, которая никак не способствовала философствованию. Причем философские тетради — форма достаточно частая для записок философов, но это тетради офицера, который пишет во время войны, например, такие слова: «Гитлер в политике осуществляет философию Ницше, а Сталин якобы философию Маркса». Александра Исаевича Солженицына посадили за гораздо меньшее. Как говорят жившие в те времена, существовало несколько заповедей интеллигента: первая — «не думай», вторая — «думаешь, не записывай», третья — «записываешь, не удивляйся». Соответственно, нужно было иметь достаточно серьезное гражданское мужество...

По моим впечатлениям, напомним, небольшим, Николай Павлович счастливо избежал шестидесятилетия, которое, на мой взгляд, сыграло для целого ряда наших гуманитарных наук не благотворную, а, наоборот, сдерживающую роль. Такая нацеленность на познание, в конце концов, привела его к построению глобальных философских конструкций, на которые не каждый современный философ способен и которые не каждый может качественно выполнить. Безусловно, то, что он сумел сделать, составляет только небольшую часть его планов. К сожалению, жизнь человека ограничена, в то время как искусство и

Тексты выступлений представлены в стенографической форме.

философия вечны, очень многого он сделать не успел, и хорошо, что это продолжается в традициях, в учениках, в научных проблемах, которые сохраняются в тематике работы кафедры. Мне доставляет удовольствие приветствовать всех вас в этом зале и пожелать вам плодотворной работы. Здесь действительно хорошая атмосфера, здесь сохранилась какая-то добрая аура.

Я уверен, что духовное общение не прерывается со смертью человека, и полагаю, что этот духовный контакт будет сегодня продолжен и развит. Благодарю вас всех и еще раз желаю приятной работы.

Ю. В. Поленов

В этом году исполняется сто лет со дня рождения нашего земляка Николая Павловича Антонова. Департамент образования не мог пройти мимо этой юбилейной даты. Позвольте от имени педагогической общественности поприветствовать всех собравшихся. Человек, если говорить о зримых годах, живет памятью, памятью о событиях, о каких-то значимых людях. Сегодня мы будем вспоминать о нашем знаменитом земляке, мысли которого продолжают в наших делах. Позвольте зачитать приветственный адрес участникам конференции.

Г. С. Смирнов

Уважаемые коллеги! Сегодня, по сути дела, первый день зимы, утром, и даже вчера поздно вечером, начал падать снег, а сегодня зима вступила в свои права. Утром я провел математические вычисления: Николай Павлович родился по новому стилю 12 декабря, но если перевести эту дату в старый стиль, то Николай Павлович родился не зимой, а в последний день осени — 30 ноября. В этом можно усмотреть какой-то знаковый момент: жизнь Николая Павловича была насыщена очень сложными событиями, тем не менее, этот переход из осени в зиму — он всегда есть некая надежда на весну и на то, что связано с летом. Давайте оглянемся на жизнь ученого. Вот здесь на столах размещены два стенда: первый стенд посвящен конференции 1983 года, а второй — 2003 года. Первая ноосферная конференция в России Николаю Павловичу очень дорого стоила и в физическом и в психологическом плане, ему пришлось в возрасте семидесяти с лишним лет постоянно ездить в Москву, в Академию наук СССР, встречаться с академиками А. Л. Яншиным и В. П. Казначеевым и добиваться того, чтобы в конечном итоге эту конференцию разрешили. Брежнев только что умер, пришла новая власть, и решили попробовать, что из этого получится. Николай Павлович очень надеялся на то, что Россия, Советский Союз будет развиваться не в том направлении, которое он в конечном итоге выбрал, а в том, которое связано с идеями В. И. Вернадского и представлениями о ноосферном развитии: наука даст мощный рывок для развития Союза. Но, очевидно, история всегда ходит зигзагами, и когда наше нынешнее руководство говорит о том, что инновационный путь — это наше будущее, то, очевидно, стоит подумать о том, что это будущее могло начаться двадцатью пятью годами раньше, если бы та интеллектуальная среда, имевшая место на конференции, получила поддержку, некую возможность влиять на события в стране. Давайте сейчас посмотрим небольшую презентацию, которая касается жизни и творчества Николая Павловича. Вы, наверное, уже обратили внимание на то, что идет фоном нашего обсуждения — это удивительные места около Никульского, которое воспринимается нами как родовое гнездо Николая Павловича. Высокий нерльский

берег открывает колоссальные перспективы поймы, стоит лавочка, и мы говорим — это Николай Павлович, очевидно, после трудов праведных приходил, садился на эту лавочку и созерцал эти бесконечные просторы. Вот здесь зарождалась идея ноосферного звучания. Когда Николай Павлович в Москве смотрел с высоты 8-го этажа онкоцентра, то думал: «Да, вот это и есть ноосфера, но это не та ноосфера, которую хотелось бы видеть». Очевидно, он вспоминал эти гигантские нерльские просторы... Оказалось, что Никульское располагается на самой границе Ивановской и Владимирской областей, но это еще Ивановская область, а деревня за рекой на той стороне — это уже Владимирская область. Мы-то помним о том, что это всё Владимирский край, и все-таки следует признать, что эта взаимосвязь, эта нерльская архетипичность была корневой структурой. И, тем не менее, даже если признать, что эта мысль связана со спорным тезисом, здесь надо еще думать, но Николай Павлович Антонов — первый иваново-вознесенский профессор-философ. Если мы просто сопоставим годы рождения, то из философов, которые представляют нашу область, — это и Георгий Васильевич Платонов, и Альберт Николаевич Кочергин, и Авенир Иванович Уёмов, но все они родились позднее. Георгий Васильевич родился в деревне Ерёмкино Шуйского района в 1918 году, а Авенир Иванович в 1928 году в деревне Поречье (недалеко от села Васильевского в 10 км от Ерёмкина). Родившись в Иваново-Вознесенске, Николай Павлович впитал те традиции, которые сформировались в пролетарском городе: и старообрядчество, и рабоче-крестьянское мироощущение, т. е. такую культуру, которую потом зафиксировали в Музее Д. Г. Бурьлина как мировую общезначимость. Очевидно, некая глобальность была характерна для Николая Павловича с самого начала, а вот развертывание этой глобальности переросло в систему ноосферного миропонимания. Не так много у нас фотографий, но они все очень колоритны. Некоторые фотографии цветные, мне особенно нравится вот эта фотография, которую я называю «Вам жить в сфере разума — ноосфере». Здесь удивительный сюжет — он чем-то напоминает памятник вождю, но очевидно, что этот пафос все-таки присутствовал как корневая структура, вообще советская культура звала вперед и как можно более быстрыми темпами. Есть другие фотографии, относящиеся к разным периодам. Фотография, на которой Николай Павлович сидит за столом в своем кабинете и работает с документами по конференции 1983 года, сделана в том пространстве, где сейчас находится наш экран. Это домашние фотографии, кабинет больше похож был на келью, тем не менее, Николай Павлович в костюме и галстуке... На этой фотографии Николай Павлович вместе с академиком Казначеевым (Влаиллю Петровичу сейчас уже 85 лет), который приехал на конференцию; то, что он приехал на конференцию 1983 года, — это сногшибательный факт и значительное событие ноосферного развития нашего края, ибо В. П. Казначеев один из самых выдающихся представителей ноосферологии нашего времени... Эта фотография может быть названа «Человек размышляющий», с моей точки зрения, это одна из лучших фото ученого: самоуглубление и некая дерзновенность. Здесь Николай Павлович в радостном майском настроении с Ириной Владимировной Дмитревской... Эта фотография сделана в преподавательской (бывшая 209 ауд.). На кафедре росло огромное количество цветов, они на заднем фоне присутствуют. В этой фотографии отчетливо виден контраст черного и белого, ноосферного и антиноосферного... На этой фотографии Николай Павлович выступает с докладом, посвященным субъективному фактору становления ноосферы, — фун-

даментальный итог его титанической работы. На этой конференции присутствовали и Г. В. Платонов и А. Н. Кочергин. Она привлекла более 200 человек из разных городов страны и других государств... Эта последняя фотография показывает Николая Павловича, прогуливающегося вдоль Уводи, здесь он встречался с аспирантами, разговаривал, узнавал о их работе, иногда просто внушал... Когда человек долго живет в одном месте, он какими-то токами пронизывает все это пространство. Я думаю, что Дмитрий Игоревич глубоко прав, когда говорит, что аура, которая сформировалась в этом хронотопе, в этом бытии, она никуда не исчезает, мы просто, очевидно, не слишком чувствительны к тому, что это присутствует и на нас каким-то образом воздействует... Вот видите, оказалось, что кресло осталось свободным, и мы вполне можем предположить, что Николай Павлович вместе с нами и слушает, о чем мы здесь разговариваем... Мы закончили нашу презентацию, и я предоставляю слово заведующему кафедрой философии профессору Александру Николаевичу Портнову.

А. Н. Портнов

Наше поколение встретилось с Николаем Павловичем еще в 60-е годы. Тогда к нему был огромный поток людей. Все шли, шли, шли. Некоторым хотелось просто диссертацию защитить, и некоторым это удавалось. Другие хотели как-то соприкоснуться с личностью и с наукой, и это тоже некоторым удавалось. Но и оставалось какое-то количество людей, которые так, походя-походив, пообщавшись-пообщавшись, начинали понимать, что дело это не для них. При этом я должен заметить, что та философия сознания, которой Николай Павлович занимался тогда, она колоссально отличается от того, что есть сейчас. Просто многие идеи, которые были в начале века и которые сейчас являются ведущими, ему были тогда неизвестны. Это понятно почему — Советская власть не очень располагала. Дмитрий Игоревич правильно сказал: не думай, а если думаешь, то не пиши. Многих вещей вообще достать было невозможно, а если возможно, то об этом и написать ничего не давали. У меня были такие попытки, когда я посылал на конференцию, мне отвечали: нет, это не пойдет. Мне так прямо и писали: вы льете воду на мельницу американских империалистов. Такие были формулировки. Николай Павлович, видимо, как-то почувствовал, что тогда в советской философии сознания происходили очень большие изменения, они, может быть, не так были на поверхности, но они происходили. Вот, Григорий Станиславович вспоминает конференцию 1983 года, а я вспоминаю конференцию 1988 года, когда приехали люди из нынешнего Бишкека (Фрунзе), Харькова, Киева, откуда их только не было. Уровень конференции был очень высокий: там были заведующие секторами крупных научных учреждений, заведующие кафедрами, да и просто талантливые люди. Я еще раз повторяю, что уровень был очень высокий, но, к сожалению, Николая Павловича с нами уже не было. Во-первых, он пережил операцию, а во-вторых, он уже оставил эту тематику, что тоже меня несколько удручает, потому что как раз в это время стало возможным много о чем говорить, думать о том, о чем раньше думать не приходилось. Я в свое время с удивлением увидел на столе у Николая Павловича книги (раньше все книги по философии делились на диалектический материализм и исторический материализм), мне казалось, что это книги по историческому материализму, а теперь я понимаю, что это были книги, связанные с другим направ-

лением, которое он называл направлением ноосферы. Я в корне с этим направлением не согласен, но не буду с этим спорить, это не научная конференция. Николай Павлович искал совершенно другое приложение своих сил, и он нашел. Вот что значит выучка хорошая профессорская: например, ему надо было написать по-русски Тейяр де Шарден, один из основателей теории ноосферы; он пригласил сюда на кафедру преподавателей французского языка, и они ему объяснили, как оно пишется правильно, а не как в голову взбредет. То есть и здесь он показал себя ученым очень высокой квалификации. Потом, естественно, уже чувствуя себя далеко не здоровым человеком, он все-таки, понимая, что это может быть лебединая песня, решил под конец организовать большую конференцию. У нас были здесь некоторые ребята, так скажем, высокого полета. Они говорили, ну чего старик сбрендил, ну какая ноосфера в Советском Союзе, о чем вообще говорить. А теперь я понимаю, что для него это был выход из той душной атмосферы, которая на самом деле тогда существовала, и поиски некоторых путей исследования, которые бы не затрагивали ни того, ни другого, ни третьего, вообще никого. Он его нашел, и из этого родилась школа, достаточно серьезная. Я тоже с ним часто спорил, но, тем не менее, я признаю, так сказать, научный пафос этой школы. Ведь создать научную школу — это серьезное дело. Можно иметь много аспирантов, вот у меня было больше аспирантов, чем у Николая Павловича аспирантов и докторантов, в два раза ровно. Но сказать, что я создал такую школу, не могу, и когда я умру, а это будет не долго еще, будут какие-то чтения в честь меня. И многие из нас то же самое про себя скажут, здесь надо иметь какую-то харизму что ли, она у Николая Павловича была в полной мере. На этом я бы хотел закончить. Вот коллеги, он действительно был харизматик, хотя у него были, конечно, и свои заскоки, и свои, так скажем, вещи, которые ему не стоило делать, но это опять же шло от его харизматичности. Ему хотелось быть все время лидером, но годы брали свое и возникали не совсем простые ситуации. Но в любом случае, это человек, которому мы все очень много обязаны. Одни — в большей степени, другие — в меньшей, третьи — вообще на 100 процентов. И тем не менее, мы все его чтим, любим и помним.

Г. С. Смирнов

Уважаемые коллеги, на нашей встрече присутствуют родственники Николая Павловича Антонова, мы этому очень рады. Я предоставляю слово племяннице Николая Павловича — Галине Ивановне Куликовой.

Г. И. Куликова

Мне очень приятно быть здесь, приятно, что Николая Павловича не забывают. Я лично счастлива, что у меня был такой дядя, и это не просто слова, и это не от того, что он был профессором, а просто от того, что он был таким человеком, которого, может быть, можно назвать человеком с большой буквы. Все мое детство проходило рядом с ним, и эти годы были очень счастливыми. Я знала, что у меня есть родной человек, к которому я в любой момент могу подойти с любой проблемой и никогда он от меня не отмахнется, пусть даже эта проблема кажется ему мелкой. Никогда он не посмеется, может быть, пошутит, но пошутит не зло и пошутит так, что не бывает после этого обидно. Наша семья, я считаю, была очень дружная и большая, у дяди Коли было три сестры,

брат и один брат младший (пропал без вести на фронте). Летом, особенно, каждое воскресенье практически, мы ходили в куваевский лес гулять — в парк 1905 года, поскольку там на завокзальных улицах жило очень много людей — родных. Мы всегда там собирались, и эти встречи были настолько радушными, настолько добрыми, в основном благодаря ему, потому что он был заводилой в такой ситуации. Да, он всегда поддерживал, кто-то грустный, какие-то проблемы у кого-то, он всегда выслушает, всегда поможет и словом и делом. А лично мне он очень много сделал хорошего. Когда они жили на 7-й Завокзальной, в частном доме, в одной половинке жил дядя Коля, в другой дядя Гриша с дедушкой (его брат и папа). Летом мы с братом практически все время проводили там, в его доме, с очень большим садом, не огородом, а именно садом, т. е. там были в основном цветы, фруктовые деревья, а окошко его кабинета выходило именно в этот сад. Кабинетик был маленький, но тем не менее это было его гнездышко, где он работал, писал, где он думал, философствовал. Окошечко, выходившее в сад, находилось рядом с крылечком, и я частенько с этого крылечка заглядывала туда, но он не всегда даже это замечал, а мне было приятно за ним понаблюдать. О том, каким он был человеком, можно хотя бы два примера привести, чтобы понять его суть, именно его доброту. Мы жили с родителями в коммунальной квартире, а вот дядечка у нас был пенсионер, и он все время играл на баяне, а я училась в мединституте. И поскольку мне трудно было готовиться, когда он играл на баяне, то к экзаменам я все время готовилась у них дома, у дяди Коли. Мне такая возможность была предоставлена, пожалуйста — приходи, пожалуйста — занимайся, пожалуйста — пользуйся библиотекой, хотя там медицинских книг было мало, но все равно, сдавались какие-то экзамены по философии, каким-то другим предметам. И еще один такой факт. Наша свадьба с Валерием Васильевичем проходила в квартире дяди Коли, поскольку дома у нас условий тоже не было, а он пригласил нас, и мы там отметили наше такое торжественное мероприятие... Я последние дни все вспоминаю, потихонечку восстанавливаю все в своей памяти и не могу найти таких моментов, чтобы что-то было не так, что чем-то он меня обидел. У меня остались только самые лучшие воспоминания о нем, и вообще о всей нашей семье. Спасибо вам большое за то, что вы вспомнили, за то, что вы все здесь собрались, и за то, что сказано было так много добрых слов.

Г. С. Смирнов

Слово предоставляется профессору Ирине Владимировне Дмитревской. Ирина Владимировна после Николая Павловича приняла ту эстафету, которая постепенно передавалась нам. Все, что она сделала в ноосферологии и в логике — областях, на первый взгляд несоединимых, а на самом деле фундаментально соединимых вещей, т. е. философского наследия Николая Павловича Антонова и философского наследия Авенира Ивановича Уёмова, вот это, пожалуй, для нашего современного сознания — уникальный философский феномен. И в этом есть некая философская мудрость, идущая из тех истоков, которые характерны для нашего замосковского края. В нашем медвежьем углу, от Москвы далеко, но все-таки это место достаточно близко к Москве, здесь есть какие-то токи, здесь можно уцелеть, выжить, идеям, которые обычно интенсивно уничтожались. И, может быть, именно поэтому, вот в этом интеллектуальном медвежьем углу есть идеи, которые действительно могут оказаться полезными для нашего современного состояния, для нашего бытия.

И. В. Дмитриевская

Мое выступление посвящено проблемам формирования ноосферного коммуникативного пространства, но, учитывая сегодняшнюю нашу встречу, я начну с воспоминаний. С Николаем Павловичем я встретила на втором курсе института. Он вел у нас диалектический материализм, марксистско-ленинскую философию. Я подумала о том, что эти занятия и были не просто иллюстрацией, а воплощением вот этого естественного ноосферного пространства, которое потом связывало нас всех, людей, знавших по работе Николая Павловича, связывало какими-то прочными узами, я бы сказала, устремленными в вечность... Это пространство сохранялось и тогда, когда я закончила аспирантуру, когда не стало Николая Павловича, а Авенир Иванович уехал в Одессу... Я решила, что можно продолжать традиции, которые как бы содержательно были заложены в трудах Николая Павловича (именно его труды о ноосфере как форме сознания) и Авенира Ивановича, который был и сейчас является одним из самых крупных системщиков современной эпохи. Его знают не только в России, не только в Европе, его в мире знают. Эти вещи можно связать, и связать не чисто теоретически, из научных соображений, а чтобы те, кто знал этих людей, тоже жили в ноосферном пространстве и, конечно, там работали. Сам Николай Павлович трудился на кафедре сорок лет для создания коммуникативного ноосферного пространства, чтобы все друг друга понимали, чтобы каждый в своей философской кастрюле что-то варил, но не забывал других людей и мог их каким-то образом использовать в своей работе. Вот когда Николай Павлович пришел к нам на втором курсе института, тогда педагогического, меня поразила его мера общения с учащимися, со студентами. Он старался называть всех нас по именам, почти с самых первых занятий: он обращался, например, Ирина, Люда, и мы охотно философствовали, как умели, и он советовался с нами относительно каких-то методических приемов, которые использовал. Он даже на лекциях ставил вопросы, которые называл зацепкой мозгам: «Вы думайте, а в конце лекции мне задайте вопросы». Потом я осталась на кафедре и очень много работала с Николаем Павловичем. В общем надо сказать, он был строгий. Как человек по природе со слабым типом нервной системы, я несколько отстраненно себя чувствовала, но меня поражала его доброта в самых разных ситуациях. Ну вот, например, у меня долго болела мама, и он был чрезвычайно внимательным в критических ситуациях: «Знаешь, давай, я тебе двухкомнатную квартиру выделю». То же самое — похороны мамы, мы на девятом этаже жили. Вся наша кафедра — великолепные ребята, все до одного пришли проводить мою маму в последний путь, все ездили на кладбище. И тогда Николай Павлович подошел ко мне и сказал, что это зов сердца был придти. Такой он чуткий был человек. Ну еще, конечно, годы гонений не обходили нас стороной. Я помню, на партийных собраниях некоторых людей совсем ни за что размазывали по стенке, вот Сеня Лифшиц, был у него такой аспирант, царствие ему небесное, ему досталось очень. Николай Павлович один мог встать — на собрании тридцать человек — и сказать: «Послушайте, что мы делаем? Подумайте, что вы делаете!» Один на всем партсобрании. Это говорит о его мужестве большом, человеческом мужестве. Что я еще могу сказать. Конечно, на кафедре у нас очень крупные ученые были и есть, и хорошие традиции. И эти традиции надо продолжать, удобно это — не удобно, платят — не платят, все равно нужно продолжать и держаться. Мне вот нра-

вится сейчас, что в проблематике кафедры — кафедры философии ИвГУ — все эти направления, которые в свое время вел и Николай Павлович. Нельзя сказать, что ноосферное направление — это какая-то болтология. Это наука и большая наука, наука гуманитарная. Гуманитарное знание имеет свои структурные и системные особенности. Системный подход Авенир Иванович заложил, затем этические проблемы, они все в связи с ноосферой возникают. Они все продолжают. Сейчас, например, системными аспектами ноосферы занимаются, семиотические аспекты — это тоже очень интересное направление. (Дмитрий Григорьевич книжку написал, я с большим интересом ее читала). Универсумный подход чрезвычайно интересен и тоже поддается описанию. Между универсумным и системным подходами никакого противоречия нет. В одном случае рассматриваются системные аспекты, в другом более содержательные. Здесь все так правильно. В конечном итоге устанавливается коммуникативное сознание — ноосферное — между теми людьми, которые разрабатывают эту проблематику. Основные черты ноосферы, с моей точки зрения, они совершенно положительны, и только положительны, если считать ноосферу только частью техносферы, то это совершенно неправильно. Это коммуникативное пространство, которое обязательно имеет свою системность, оно обязательно креативно, то есть тут большой творческий потенциал. Оно обязательно воплощается в действие ноосферного закона, когда информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество... К Авениру Ивановичу Николай Павлович относился с большим пиететом, он считал его блестящим, настоящим ученым, следил за его работами, спрашивал, как ему там работает в Одессе, и меня отпускал в командировки, на семинары и на всякие консультации. Это хороший человек. Я завершила бы такими словами: «Если мою голову в какой-то степени сформировал Авенир Иванович Уёмов, то сердце, в какой-то степени, сформировал Николай Павлович, безусловно».

Г. С. Смирнов

Есть традиция нашей провинциальной культуры: теория не должна никогда ограничиваться только теорией. Обязательна форма выхода в практику, поэтому когда Николай Павлович призывал охранять Рубское озеро, когда он призывал охранять нашу культуру, погружать себя в эту культуру, то он действительно выполнял ту часть работы, которую советская интеллигенция никогда с себя не складывала. Она не была просто формой теоретической, не была просто интеллигенцией заоблачной, она была интеллигенцией работающей. Может быть, странная такая формула, но Николай Павлович — ярко выраженный пример советского интеллигента. Об этой стороне деятельности Николая Павловича хорошо знает Валерий Васильевич Куликов.

В. В. Куликов

Николай Павлович говорил, что перед человечеством стоят две глобальные проблемы: это предотвращение термоядерной войны и экологической катастрофы. Если по поводу первой проблемы мы еще как-то задумываемся, но когда мы начнем задумываться по поводу второй проблемы — будет уже поздно. К сожалению, проблемы экологии ни лидерами стран, ни населением еще не осознаются — это страшно... В отношении Рубского озера у Николая Павловича была такая идея: «Рубское озеро — это курица, которая должна нести

золотые яйца». И он говорил: «Если у тебя будет возможность, то надо все сделать для сохранения Рубского озера». Его пророческие слова подтвердились в 1994 году. По заказу санатория «Оболсуново» на Рубском озере одной московской фирмой проводились исследовательские работы. Там нашли богатые запасы сапропеля, лечебной грязи, которая еще где-то в Сибири есть в двух местах. Поэтому здесь можно было бы создать замечательную оздоровительную базу для лечения этими грязями. Интересно узнать, что это за грязи, думается, что ивановские вузы, оздоровительные базы которых находятся на Рубском озере, могли бы внести лепту в исследование этих вопросов.

Г. С. Смирнов

При создании Ивановского государственного университета в ИГПИ работали всего три профессора: Николай Павлович Антонов, Павел Вячеславович Куприяновский (в конце декабря этого года филфак готовится праздновать его 90-летие) и Валериан Макарьевич Бритов. Затем профессорский состав стал увеличиваться. В начале 80-х годов особенно интенсивно работала группа трех профессоров, занимавшихся в разных областях знаний, но имевших общий пафос научной деятельности: это философ Антонов Николай Павлович, биолог Шкорбатов Георгий Леонидович и математик Зайцев Георгий Александрович. Ими была сформулирована идея создания центра междисциплинарных исследований, которая позднее получила воплощение в создании биосферно-ноосферного центра. Традиции Георгия Леонидовича Шкорбатова продолжает профессор Владимир Анатольевич Исаев — заведующий кафедрой зоологии.

В. А. Исаев

Дорогие коллеги, друзья! Действительно было интересное сотрудничество нескольких ученых, в последние уже годы жизни Николая Павловича. Это связано с открытием биолого-химического факультета, приказ был подписан еще в 1973-м, а открытие состоялось в 1974 году. Начинался факультет с малого, и первым деканом был Георгий Леонидович Шкорбатов. Он приехал из Харькова и будучи интеллигентом прекрасно находил общий язык, наверное, со всеми коллегами, которые занимались истинно и серьезно наукой. И в значительной мере конференция 1983 года, которую организовывал Н. П. Антонов, и огромная конференция по экологическому образованию 1984 года, которую организовывал Г. Л. Шкорбатов, были связаны между собой, именно, как теоретическое обоснование и практическое воплощение идеи в нашем университете. Они способствовали в дальнейшем развитию экологических и ноосферных исследований и созданию спустя многие годы биосферно-ноосферного центра, то есть это был ключевой момент слияния творческих усилий нескольких коллективов. Но вот сейчас, слушая начало нашей встречи, я вспомнил, что познакомиться с трудами А. И. Уёмова и Н. П. Антонова мне пришлось значительно раньше, еще в школьные годы, поскольку я занимался в университете старшеклассников. Меня особенно интересовала причинно-следственная связь взаимоотношений между человеком и природой и в дальнейшем проблема сознания и формирования его различных возрастных аспектов с генетическими с точки зрения среды. Наши последующие усилия, мне кажется, были посвящены воспитанию того отношения к природе, которое всегда отличало Николая Павловича, такого, я бы

сказал, божественного отношения, потому что он очень любил природу и ценил ее, каждый миг, каждую часть того пространства, которое его окружало. И развивая сейчас эти идеи в ноосферной школе в ноосферном лицее, который я принял от Григория Станиславовича как руководителя, я тоже стремлюсь к формированию природолюбия как новой науки об информационных обменах на разных уровнях. Обращаясь к идеям Николая Павловича, к его философским тетрадям, я обратил внимание на те моменты, которые он описывает в развитии сознания, в развитии мозга, хотя мне кажется, что он в значительной степени использовал их на реферативном уровне. Если мы не будем помнить обо всех этих моментах, если детям не давать таких знаний в старшем школьном возрасте, то появятся какие-то другие проблемы; если не корректировать их отношение к людям, животным, растениям, то мы получим то поколение, которое сейчас уже получили. Работая над этими вопросами по-серьезному, глубоко, мы пришли к выводу о том, что несмотря на различия генетические, которые есть у каждого ребенка, такая культурная эволюция, передача опыта, знания, традиций, может сыграть значительную роль в формировании и отборе в будущем тех положительных реакций и благородных черт характера, которые помогут нашему дальнейшему развитию — устойчивому, за что мы с вами фактически боремся. Наша встреча тоже, я думаю, будет способствовать этому. Мне хочется пожелать, чтобы такие встречи продолжались, потому что учителя наши, которых мы помним, которых мы чтим, они, естественно, остаются с нами, в нашей памяти... Не умирает человек, если мы его помним, если мы продолжаем и развиваем его идеи. Хотелось бы, конечно, чтобы линия ума и сердца совпадала у каждого, но это бывает не часто, чтобы мы не только наполняли наш мозг, но и наше сердце. Вот, очевидно, Николай Павлович умел так делать. Раз мы все собрались сегодня — это огромное уважение к человеку, к личности, и он заслужил это.

Н. И. Ивлев

Я учился у Николая Павловича и писал кандидатскую диссертацию, ходил к нему в дом, в квартиру. Когда Николай Павлович принимал меня поздно вечером после учебы в институте марксизма-ленинизма, он всегда сначала просил жену: «Надо его угостить чаем или ужином, а то человек пришел голодный». Я несколько раз так заходил. После того, что у нас произошло в стране, вспоминается одно интересное мое предложение Николаю Павловичу и его реакция. Я ему говорю: «У меня есть предложение рассмотреть противоречия общественной собственности» (сегодня это все понимают). А перед этим мы разговаривали на социальные темы, его тогда вызывали в райком партии, выговором страшали или даже давали. И вот он мне тогда сказал: «Если хочешь заработать деньги, эту проблему не бери, мы тебе придумаем другую тему». Уже после смерти Николая Павловича, в 1990 году (я еще был заведующим кафедрой в Ивановском химико-технологическом институте) мне в голову пришла мысль, когда я читал аспирантам лекцию «Будущее современной науки и техники». Я выступил на конференции и сказал, что рабочий класс никогда не был ни при Марксе, ни при советской власти революционным классом. После этого мне пришлось уйти из университета, хотя потом я работал в других организациях. Этим я хочу сказать, что Николай Павлович был очень трезво мыслящим человеком, обладал критическим подходом к социальной жизни и к людям.

Ю. Д. Кузин

Перед тем как сюда придти, я пытался представить целостный образ в своем сознании, но у меня получается какой-то странный калейдоскоп, что-то выхватывается из времени, что-то высвечивается как прожектором, одна какая-то сторона, другая, третья. А началось все с того, что в сентябре 1965 года, когда мне было 19 лет, к нам в аудиторию вошел человек среднего роста, в строгом черном костюме с галстуком, темноволосый, глаза небольшие, но цепкие, зоркие, и сказал, немножко налегая по-волжскому, по-ивановскому на «о»: «Профессор Антонов Николай Павлович. Буду читать у вас курс диалектического материализма». Ну все хорошо. Причем вот какой удивительный подход: я знал только двух профессоров, которые принципиально не обращались к доске. Например, добрейшая Мария Ивановна Гусева, преподававшая древний мир, она там напишет что-нибудь («руководитель Платоновской академии Споларх»)...

А тут Николай Павлович говорит: «Гоббс, Локк». Надя Бондарь — староста — спрашивает: «А Локк пишется с одним “ка” или с двумя? Напишите на доске». «Что? Написать на доске? Локк? Да вы что? Возьмите, загляните в словарь. Для чего я здесь, чтобы вам писать мелом на доске? Второй курс, как не стыдно». (Ну хорошо, заглянем в словарь — Локк с двумя «ка»). Николай Павлович был чрезвычайно трудолюбивый человек. Я помню его шестидесятилетие, когда он пригласил к себе нас всех (это удивило), всю кафедру вплоть до аспирантов к себе домой. Замечательный был вечер, удивительный, все пели, говорили, общались, ну и он куда-то вышел, по-моему в кабинет. Подошла его супруга, которая готовила стол вместе с его сестрой, и говорит: «Ой, вы знаете, Николай Павлович удивительно трудолюбивый человек, когда он писал свою диссертацию, сидит до трех, до четырех утра, потом и говорит: “Ой, голова болит, пойду освежусь”. Пойдет, голову под кран, стряхнет усталость и опять за стол». И это правда, его работоспособность была очень большой, она была удивительной. Ирина Владимировна уже вспоминала насчет «зацепки мозгам». Николай Павлович стоит на семинаре у нас и вот так (закатывает галстук). «Николай Павлович, Вы что-то и о том, и о сем, и о другом. Неужели всё волнует философию?» Вот так бросает очки: «Философа должно интересовать всё!» Правильно, это замечательная формула: «Философа должно интересовать всё». Кто-нибудь вопрос задаст: «А Вы как думаете насчет этого?» — «А вы сами как думаете? Я сейчас вам поставлю проблему». «Пустить ежа под черепную коробку, дать царапину мозгам» — и это правильный подход. Студент должен думать, студент должен мыслить, а не просто так прочитал: «Локк родился в таком-то году. Гоббс умер в таком году». Ну и что? А дальше-то собственно что? Ну и еще один такой любопытный момент. Я помню в «Современнике» шел фильм «Анна Ярославна, королева Франции». (Это, по-моему, старое доброе время, начало семидесятых). Николай Павлович вместе со своей женой был на этой премьере. И я тоже был с женой и маленьким сыном. И он говорит: «Ну как живете (я уже тогда расстался с ним)? Философию не бросаешь?» — «Нет, не бросаю». «Правильно, у Вас хорошая память, у Вас есть все возможности, давай-давай, а то неудачником будешь. Надо, надо работать, надо стремиться к цели!.. А это кто? Какой хороший у тебя мальчик, какой красивый! Ну, всего тебе доброго, всех благ». «Спасибо, — говорю, — Николай Павлович, за добрые слова». Вот, вспоминается такое самое разнообразное, какие-то штрихи, моменты, а в целом вырисовы-

вается, я бы сказал так — образ очень дорогого мне поколения. Вот, моя мама, например, 1910 года рождения, и ей в следующем году исполнилось бы сто лет. Николай Павлович 1909 года рождения, кто-то 8-го, кто-то 12-го, кто-то 15-го, но эти люди — мои родители. Я очень люблю это поколение, им выпала судьба трудная, сложная, тяжелая, а в чем-то, может быть, и радостная. Они великие труженики, люди чувства долга, дисциплины и высокой порядочности. И когда мы вспоминаем Николая Павловича, то мы ни какого-то отдельного человека выхватываем, хотя он нам дорог как философ, как руководитель кафедры, как коллега, но вспоминаем то поколение, которое, как мне кажется, в настоящее время рассматривается как-то однобоко, даже уродливо. А у них тоже был свой пафос, свой взлет, были свои глубокие чувства, и вот в личности Н. П. Антонова эти чувства и какую-то светлую устремленность вперед мы видим, чувствуем, а если бы этого всего не было, то не было бы нужды собираться здесь и вспоминать этих людей. Так что очень я рад, что судьба свела меня с ним и не только с ним. Когда я был аспирантом кафедры, я очень много интересных людей встретил: Ирину Владимировну Дмитриевскую, скажем, удивительного человека во всех отношениях, Григория Николаевича Гумницкого, который был моим научным руководителем... Виктор Иванович Пернацкий, Петр Александрович Лежебоков, аспиранты Николай Иванович Ивлев, Семен Львович Лившиц, Вера Григорьевна Малая, Михаил Михайлович Жаков. Кстати, о Жакове. Я недавно видел его в программе «Пусть говорят». Там выступал игумен Евстафий из Ленинградской области. Я слышал, что когда Антонов узнал о том, что его ученик пошел другой дорогой, он сказал так: «Лучше быть обыкновенным попом, чем попом марксистского прихода». И это тоже говорит об особенностях его натуры. Он понял, что если у человека есть свои убеждения, если он вступил на эту стезю, пусть он служит верой и правдой тому делу, истину которого он признает. Вечная память Николаю Павловичу, и пусть он сопровождает нас в дальнейшей нашей жизни и деятельности.

М. Б. Клейнер

Уважаемые коллеги! Мое выступление несколько выбивается из общего контекста, поскольку Николая Павловича я лично не знал, но человек жив до тех пор, пока живут его идеи, пока живут воспоминания о нем. Я много слышал от своих коллег, которые непосредственно учились у Николая Павловича, и сегодня, когда в первой части нашей встречи, мы смотрели замечательные виды села Никульского, потом слышали воспоминания родственников Николая Павловича. Я очень люблю то место, где куваевский лес, завокзальные улицы, там действительно совершенно особая атмосфера, такое единство социального и природного. Мы, психологи, рассматриваем социальное пространство как нечто созданное руками человека, как результат деятельности сменяющихся друг друга поколений людей. Но вопрос в том, как социальное пространство гармонирует с физическим. Сегодня мы, к сожалению, забываем, что социальное пространство развивается на базе физической среды, на базе физического пространства. А сейчас тенденция в том, что искусственное явно доминирует, подавляет природу. Наш город в этом отношении представляет собой очень интересный объект для исследования, поскольку гармония социального и природного, естественного и искусственного у нас еще сохранилась. Особенно в

тех районах, где палехский лес. Наш город очень зеленый, пока еще. Хотя много уже утрачено, но часть природной и социальной среды сохраняется. То, что еще в те годы Николай Павлович пропагандировал идеи ноосферы — это не случайно. Когда я читал приглашение принять участие в конференции, то о Николае Павловиче Антонове было заявлено как о первом иваново-вознесенском философе. Это действительно так, ибо человек формируется в определенной социальной среде, социальном пространстве, поэтому нельзя рассматривать творчество Николая Павловича вне отрыва от социальной среды нашего города. Очень интересно было сказано о судьбе того поколения, к которому он принадлежал. Это очень сложная судьба, но ее разделили не только люди, но и места — города, села, где они живут. Наш город в этом отношении является наиболее ярким примером, поскольку, с одной стороны, создавался миф об Иванове как родине Первого совета, делался акцент только на этой стороне нашей истории (которую нельзя, как было в 90-е годы, перечеркивать). Эта страница была, и она занимает достойное место, но акцентировать внимание на Иванове только как на родине Первого совета неправильно. Попытка разрушить все до основания и построить нечто новое — тоже была... До революции наш город, как Григорий Станиславович правильно сказал, был одним из крупнейших центров старообрядчества в центральной России, а старообрядчество не случайно называют русским протестантизмом, поскольку ему свойственны и трудовая этика, и чувство порядочности. Наиболее крупные купеческие династии в России, и не только в Иванове, те же Третьяковы, Морозовы, — это выходцы из старообрядческой среды. С одной стороны, попытки тотального разрушения, а с другой — построение нового, моделей города будущего — присутствует, в частности, в архитектурных сооружениях нашего города. Если идти по проспекту Ленина, то здесь (а архитектура — это застывшая музыка) явно возникает ассоциация с браурными маршами Исаака Дунаевского, который действительно выразил пафос того поколения, которое неоднозначные оценки вызывает: у них были и свои идеалы, и своя система ценностей. С другой стороны, традиция все равно сохранялась. То, что в творчестве Николая Павловича сохранялись идеи гармонии естественного и искусственного, роли человека в преобразовании мира (чтобы человек гармонично уживался с той средой, в которой он родился и живет), — это говорит о том, что он сформировался в этой особой среде обитания, пространстве нашего города. Я думаю, что неслучайно Николай Павлович обратился к ноосферным идеям, ибо они, на мой взгляд, были связаны с особенностями нашего города.

Г. С. Смирнов

Наша кафедра проявляется неожиданными своими сторонами. (Вы, наверное, слышали о парадоксе исторического факультета — он выпускает специалистов для всех сфер народного хозяйства: работников государственной службы, экономистов, работников СМИ, служащих банковской системы). Михаил Александрович Осколков, защитивший кандидатскую диссертацию и работавший преподавателем философии, сейчас является главой Савинского района, но постоянно принимает участие в жизни своей бывшей кафедры.

М. А. Осколков

Учась на историческом факультете, я слушал лекции Николая Павловича по диалектическому материализму. Философы в то время жили в такой системе, в которой вынуждены были существовать и выживать. Основная обязанность преподавателя заключалась в том, чтобы довести до студента те знания, которые были положены по программе, и принять у них впоследствии экзамен. Но были нетрадиционные вещи, которые такие преподаватели, как Николай Павлович, умели донести до студентов. Они рассказывали, что не так просто устроен мир, нельзя однобоко мыслить, надо посмотреть с разных точек зрения. Конечно, границы этого расширения не могли быть бесконечно широкими, ибо были органы и партийные, и другие, которые контролировали мировоззренческие знания студентов, а какое тогда было мировоззрение, вы знаете. Поразительно, что Николай Павлович был порождением этой системы, и он умел работать в разных аспектах. В то время, в 70—80-е годы, мы все были немножко диссидентами, мы все хотели мыслить вторыми пластами. Николай Павлович заставлял думать студентов, он принадлежал к той когорте преподавателей, которые могли заинтересовать философией. Раньше философия была такой дисциплиной, которая, мягко выражаясь, не пользовалась интересом у студентов, особенно у студентов-историков. Философы того периода, когда началась перестройка, в меньшей степени, чем историки, стали пробивать рамки мировоззрения того времени. Я думаю о том, смог ли бы Николай Павлович встроиться в жизнь 90-х годов, когда начали рушиться ценности, готов ли он был принять другой, меняющийся мир, другие веяния, можно ли было генерировать естественным путем те подходы, которые были заложены в предшествующих философских прагматических системах, теориях. Мне кажется, через учеников Николая Павловича видно, что такая возможность была: имелся некоторый костяк, как бы мы сейчас сказали, ортодоксальных знаний, но сама теория уже изначально была неортодоксальной. Я ушел из преподавателей философии, но философствующим человеком себя все равно ощущаю. Не столь часто участвуя в философской научной жизни, хочу все-таки сказать, что по состоянию умов, очевидно, философия должна вернуться к проблематике народной жизни. Хороша или плоха была марксистско-ленинская философия, но была создана некая система идей, полезных для практической жизни, она была понятна простому человеку. К сожалению, состояние умов сейчас такое, что руководитель не может выйти к населению и сказать: «Делайте вот так, ребята. Умные люди эту концепцию разработали, а мы будем ее претворять в жизнь». Общество хочет этой теории, но так как ее нет, поэтому и не установлен некий общественный договор, никто в государственной, муниципальной власти не может зафиксировать некоторые общественные договоренности, которые должны быть установлены между обществом и человеком. Эти договора у нас постоянно меняются, создаются новые законы, законы опять меняются, люди только привыкают к одному, а создаются уже какие-то новые правила, в экономике все процессы тоже постоянно движутся. Хочется сказать о том, что философам необходимо задуматься и работать в этом направлении. Мне кажется, что если бы Николай Павлович существовал в нашем противоречивом мире, то он пытался бы найти ядро для новой системы знаний, которые можно было бы донести до простого человека. Как руководитель я заинтересован в том, чтобы сформировались такие идеи, которые было бы возможно перенести в практику.

Г. С. Смирнов

Социальный заказ дан, но другое дело — как выполнять его. В наше время сложилась парадоксальная ситуация, наше философское сознание приобретает все более маргинальный характер. Когда не было возможности говорить, философия оказывалась востребованной, а сейчас, когда возможность говорить есть, сказать нечего. В этом есть какой-то парадокс, но, может, этот парадокс связан с тем, что мы слишком много изучаем то, что не успели изучить, а, может быть, все-таки надо думать над тем, что у нас здесь есть, прикладывать теоретические знания, чтобы разобраться с тем, где мы живем, что является основой нашего развития. Еще В. И. Вернадский в свое время говорил, что задача российской интеллигенции — осмысливать жизнь. Вот эта задача ушла, фактически, на десятки роли, а, может быть, смысл в том, чтобы поискать возможности ответить на те вопросы, которые задаются.

А. Н. Портнов

Это не совсем так. Сейчас много крупных философов, они, может быть, не на поверхности лежат — вот, смотрите, старик Межуев. Какие блестящие работы, и по осмыслению глубоки, но, конечно, это не нравится нашим начальникам. В принципе, он правильно все говорит. И другие есть.

Г. С. Смирнов

Я не о том говорю, что нет философов, а о том, что философия не востребована. Есть крупные философы, которых надо читать и знать. Вот, Александр Николаевич Портнов перевел с немецкого статью Арнольда Геллена. Очень, казалось бы, далекий от нашей жизни человек, но высказал мысли, которые должны читать многие наши современные политики и экономисты. Он говорит о том, что человек должен знать меру своему потребительству, его духовная компонента, момент аскезы позволяет ему духовно восходить, это главное в человеке. Марк Борисович заметил по поводу старообрядчества, по поводу протестантизма, вообще-то нашему обществу сейчас необходима небольшая инъекция если не протестантизма, то хотя бы, я не скажу — старообрядчества, а скажу — единоверия, которое было характерно для иваново-вознесенской культуры. Если мы посмотрим, например, на Бурьлина, то вот она уникальная культура отношения между народом и бизнесом. Почему мы идем мимо этой стороны дела? Может, действительно, наша власть и наш бизнес пока не готовы, чтобы воспринимать вот те фундаментальные идеи, которые в народной жизни всегда присутствуют. Иногда их артикулируют, но, очевидно, советское общество настолько изголодалось, что клич «Обогащайтесь!» привел к тому, что разрушилась народная структура. Я потрясен статьей нашего руководителя областной Думы Сергея Александровича Пахомова, которую недавно прочитал в журнале «Личность. Культура. Общество». Он размышляет о том, что же мы за народ и что мы построили. Логика статьи такая: наше общество, как утверждают социологи, разделено на две части; 12 % — это богатые самодостаточные, уверенные в себе люди, активные, строящие новую жизнь, имеющие возможность себя реализовать, и 82 % — это народное быдло (так называемое «население»), пассивное, ничего не желающее, ничего не имеющее и ни на что не претендующее. Вот наше сегодняшнее состояние, исходя из представлений экономистов и социологов.

Спрашивается, нет ли в этих социологических построениях каких-то, мягко говоря, неточностей, какой-то идеологии. Нет ли в этом повода для того, чтобы сказать: «Все-таки наше общество должно быть переосмыслено». Я не буду развивать мысль дальше, выводы очевидны. Я думаю, что общество, о котором Николай Павлович мечтал в 1983 году, это не то общество, которое в конечном итоге сейчас мы имеем. Я иногда думаю так: вот, Дмитрий Анатольевич Медведев размышляет об инновационных процессах, а ему говорят: «Ну какие инновационные процессы, разве возможны с этим народом инновационные процессы? Невозможно». А ведь по сути дела мы потеряли двадцать пять лет. Если бы ноосферная идея, пусть в теоретической конструкции, тогда была воспринята, то многие вещи бы по-другому реализовались. Я думаю, что тот пафос, который был у Николая Павловича, ведь дело даже не в философском пафосе, а в культурном пафосе единоверия иваново-вознесенской жизни, — это бурылинский концепт бытия российской жизни.

А. Н. Портнов

А как же китайцы обошлись без ноосферы?

Г. С. Смирнов

А они не обошлись без ноосферы, у них своя форма ноосферной идеи. У них ноосферности больше, чем у нас.

И. В. Дмитриевская

Я подробно этот вопрос изучала, там действительно ноосферная идея присутствует, но она представлена не в западной форме.

Ю. М. Воронов

Я не могу не сказать несколько слов о Николае Павловиче. Это был 1964 год. Нас, первокурсников истфака (тогда курс был порядка ста человек, аудитория неудобная, длинная — и ему было сложно, и нам его мысли было трудно воспринимать) он поражал тем, что, простите за грубое выражение, «рот откроешь, и закроешь только тогда, когда прощаешься с ним». К нему можно было подойти, поговорить, высказать. Я имел однажды несчастье или, наоборот, счастье выразить несогласие по поводу паранормальных явлений. Тогда годы были ненормальные, и передача мысли на расстояние тогда считалась идеализмом, а идеализм — это что-то вражеское. А ведь он меня не так понял, он мне сразу дал задачу — пиши курсовую работу по этой теме. Не это ли прикладной момент, очень важный для методики обучения. Я написал эту работу. Он со мной и дальше занимался, он направил мою работу в какой-то институт Африки, и я получил диплом за эту работу. А ведь это Николай Павлович — материалист, можно сказать, в то время «от и до». Тогда был еще жив известный В. Мессинг, и он был у нас в Иванове, и я имел счастье на одном из его выступлений быть... Но после того как Николай Павлович перестал у нас преподавать, а моя работа позднее была связана с практическими вопросами, с комсомольскими и партийными органами, он всегда был у нас в памяти. Когда нужен был совет, мы шли к нему и он давал нам такие дельные мысли, что, знаете, не хватает нам сегодня этого... Я сейчас иду с лекции: 150 человек отобрали в

молодежное правительство, и темы, которые их волнуют, во многом философские, например обсуждались вопросы «публик релейшен» и коррупции. Столько проблем возникает: равнодушие, нежелание работать на общее дело (социологические исследования говорят о том, что желания работать на общее дело нет), вот об этом хотелось бы посоветоваться с Николаем Павловичем, ведь мое сознание очень изменилось после его лекций. Хотелось бы порассуждать о таком, вроде бы абстрактном понятии, как «эмпатия». Оказывается, что об этом наши «служаки» и знать не хотят... Главное, что мы должны помнить, собираясь на встречи, подобные этой, надо что-то менять в сознании будущей нашей элиты. Они должны понимать, что общее дело — это главная их работа. А от того, как они будут управлять страной, будет зависеть наше благополучие, благополучие наших детей... Как-то незадолго до его смерти мы встретились на проспекте Энгельса (а не виделись лет пять до этого), и он помнит, хотя сколько у него студентов было, и по имени-отчеству даже помнил... Иваново должно гордиться тем, что такие люди жили на нашей территории, что мы их не забываем, и очень жаль, что о них не помнят наши представители власти. Вот этот избирательный принцип памяти, властной памяти, он сказывается иногда на том скепсисе, с которым люди относятся к власти сегодня. Я часто читаю лекции для нашей молодежи и знаю, что самым негативным моментом является «халява», только процентов 20 из них я не могу назвать халявщиками.

Г. С. Смирнов

Юрий Михайлович, как Вы думаете, если говорить объективно, почему власти не интересно философское наследие области? Есть просто другие проблемы, более значимые; или раз человек принадлежит советской культуре, а советская культура — это марксизм-ленинизм, а философы эпохи марксизма-ленинизма — это попы марксистского прихода, и поэтому сейчас ни в коем случае нельзя людей просвещать в этом направлении; или это не такая идеологическая компонента, а просто настроенность на современную жизнь, должны быть современные философы, современная идеология, современные точки зрения, современные люди. Старое, как говорится, отжило и ушло в прошлое.

Ю. М. Воронов

Я бы сказал, что ни то и не другое. По первой позиции: я таких осмысленных подходов не наблюдал даже у нашего топ-менеджмента. Что касается второй позиции, скорее всего, тоже нет. Все идет от необразованности, мне так думается. Что значит — относиться к нашему философскому наследию как к второстепенному. Какие у нас могут быть модернизации, если есть такая недообразованность. Недообразованный человек — это, в общем-то, хам; хам — это тот, который знает, что ему за это ничего не будет. Вы посмотрите на наших государственных служащих, это в основном хамоватые люди, они образованны, но недообразованны в каком-то сегменте. А чем же им — власти-то — гордиться? Николаем Павловичем и его школой и многими другими... Я уже говорил о втором своем учителе — медиевисте Аркадии Владимировиче Конокотине. Это же такая величина была! Но есть исследователи и в энерго- и в химуниверситете — традиции-то какие! Не важно, что это представители советской школы. А тот, кто может уничижительно говорить о

советской философской школе, я думаю, тоже только недообразованный человек, который по-хамски относится к предкам, к прошлому. Вот хамство и оказывает негативное воздействие на все те решения, которые принимаются наверху. В основном отдается приоритет форме — не содержанию, а форме. Теперь о традициях и обычаях — почему власть к этому сегменту не относится с вниманием? Они относятся хорошо, если взять общий контекст, проводится огромное количество фестивалей, выставок, а до конкретного человека дойти — это трудно, и это вроде бы не их обязанность.

Г. С. Смирнов

Юрий Михайлович, вот здесь собралась та молодежь, которую можно было бы назвать «ноосферная молодежь»: Нагнибида Игорь Федорович, Жульков Михаил Вячеславович, Карнаева Елена Евгеньевна. И, может быть, из этих небольших тем, а, может быть, эти темы потом вырастут в серьезные исследования, будет формироваться та стратегия, которая, в какой-то мере, и будет называться ноосферным будущим. Мы об этом говорим на лекциях: а я на всех занятиях, которые были на этой неделе, рассказывал о Николае Павловиче. Студенты с интересом внимательно слушали, слушали иногда с удивлением от того, что они думали, что вся эта советская история уже прошлое, а оказывается, что это прошлое может быть нашим будущим.

Слово предоставляется профессору, бывшему декану факультета РГФ, доктору педагогических наук, одному из старейших преподавателей нашего вуза Николаю Васильевичу Савину.

Н. В. Савин

Вы хотели знать о Николае Павловиче Антонове. Если говорить о нашем вузе, и не брать математику, которая была на очень высоком уровне, пока не уехал наш столп — академик Мальцев, то наиболее интересным человеком был Николай Павлович. Иногда мы встречались, и он меня спрашивал, не иду ли я до Станционной, и мы с ним беседовали, находили общие темы для разговора. А следующий этап связан с развитием университета. Мне кажется, что наш ректор был прав, когда поручил делать университет не приезжим, а тем, кто работал в хвост и в гриву. Николай Павлович принадлежит к этому становому хребту, который создал университет. То же самое можно сказать и о Павле Вячеславовиче Куприяновском. Николай Павлович был добрейший человек, он двигался очень интенсивно, все время искал что-то необщее, отличающееся, и потихонечку он дошел до того, что сформировал интересные идеи. Он был очень принципиальным и мог перестать общаться с человеком, если тот поступил неправильно. Вне университета Николай Павлович мало с кем поддерживал отношения, много работал, но у нас с ним было очень содержательное общение.

Г. С. Смирнов

На одном из партийных университетских собраний в начале 80-х годов мне запомнилась жаркая дискуссия Николая Павловича и доктора экономических наук, профессора Б. Д. Бабаева. Мы пригласили Бронислава Дмитриевича принять участие в сегодняшних чтениях.

Б. Д. Бабаев

Я бы сказал, что образ той прошедшей эпохи сильно демонизируется. Николай Павлович был очень прям в суждениях и любил резать правду-матку. Но в среде обществоведов, куда относились политэкономы, историки КПСС, к философам относились очень скептически, более того, не особенно любили. В связи с этим вспоминаю любопытный анекдот, который любил рассказывать Юрий Михайлович Серов: «Институт мозга устраивал периодически выставки. Вот очередная выставка: мозги физика стоят 100 тыс. рублей за килограмм, доходят до философов, цена мозгов философов — 1 млн рублей. Публика удивляется: “Как же так?” А экскурсовод поясняет: “Сколько же надо забить философов, чтобы получить один килограмм мозгов!”» Следует сказать, что не все философы занимаются поисками космического разума или истины где-то там вверху, где пребывает сам Господь Бог. Поэтому надо вспомнить лиц, которые своей жизнью целиком опровергали негативное и сильно устоявшееся в вузовской среде неблагоприятное отношение к обществоведам, в частности — к философам. Николай Павлович — это человек с активной жизненной позицией, человек, который не мог безразлично смотреть на то, что происходит вокруг, имел обыкновение высказать свое отношение по достаточно острым вопросам, а не отсиживаться... В то же время этот человек не был лишен и чувства юмора. Я помню, как-то мы с ним двигались в сторону Дворца труда и он говорит: «Я постоянно читаю про себя молитвы. Первая молитва: избави меня Бог лезть туда, где я не разумею. Вторая молитва: избави меня Бог лезть туда, где так сложились обстоятельства, что я на них повлиять не могу. Третья молитва: избави меня Бог лезть туда, где меня не ждут и где меня не просят». С одной стороны, человек обладал хорошим чувством юмора, а с другой стороны, эти молитвы имеют местечковое происхождение, форму житейской мудрости из тех мест, где сталкивались украинское, белорусское, русское население. Эти достаточно интересные зоны столкновения интересов разных наций вели к возникновению мудрого житейского анекдота с хорошей философской основой. С одной стороны, Николай Павлович очень ценил компетентность, выступал с теми вопросами, которые хорошо понимал, и в этом смысле был примером для подражания. Но с другой стороны, две другие молитвы он постоянно нарушал. Он лез туда, где он не мог повлиять на ход событий. Такова была его натура. Он лез туда, куда его, может быть, даже не просили. Это отголосок его сильной жизненной позиции. Это образец большого человека... У Николая Павловича были и свои слабости. Я вспоминаю эпизод 1979 года. У него юбилей, и Ученый совет принял решение возбудить ходатайство о присвоении ему почетного звания «Заслуженный деятель науки». И вот когда мы вышли из стен того зала, где и сейчас проходят заседания Ученого совета, я столкнулся с ним, он остановил меня и говорит: «Слушай, мне сказали, что нужно обеспечить поддержку не менее пяти вузов. Кто этим должен заниматься? Наверное, заниматься этим придется мне самому». Он разворачивает свою папочку, показывает мне. Там подшиты рецензии на его книги, приказы Министерства по объявлению благодарностей и другие документы — факты общественного признания его заслуг. Была у человека такая слабость, когда он, по-моему все-таки заслуженно, мечтал о том, чтобы получить высокое общественное признание. Он его постоянно имел благодаря своим научным трудам, но получить звание заслуженного деятеля науки — это все-таки было престижно и приятно. Все мы не без человеческих слабостей, но в заключение я хочу сказать, что

активная жизненная позиция — вот что привлекает и всегда привлекало меня в Николае Павловиче, небезразличие к тому, что происходит, стремление что-то сказать, повлиять на ход событий в лучшую сторону. Вместе с тем он выступал как большой гуманист.

Г. С. Смирнов

К сожалению, я должен сказать, что Николай Павлович не собирал некоторых вещей (в папку), которые сейчас были бы чрезвычайно интересны и важны. Это парадокс, и мы столкнулись с ним только при подготовке к 100-летию юбилею. Фактически на нашей кафедре есть большой архив, прежде всего книги Николая Павловича. Мы знаем, как он читал книги, какие пометки на полях делал, какие книги были у него настольными, но очень многие из сюжетов его персональной жизни ушли безвозвратно. Может быть, каждый человек и должен собирать на себя «досье», с тем чтобы потом, когда мы обращаемся к человеку, начинаем понимать его личность, знать, что этот человек написал не для того, чтобы его опубликовали, а что этот человек думал в тех условиях, в которых он находился. В книге 2003 года из «Философских фрагментов» опубликована, наверное, лишь пятая часть. Конечно, «Философские фрагменты» заслуживают того, чтобы быть изданными полностью, с тем чтобы мы ту эпоху почувствовали не издалека, а изнутри. Это повод поразмышлять о том, есть ли вообще необходимость проводить такого рода мероприятия. Бронислав Дмитриевич, как Вы думаете, ведь сейчас очень много юбилеев должно подходить. Мы уже говорили, что через несколько дней будет отмечаться 90-летний юбилей Павла Вячеславовича Куприяновского. В университетской жизни такие события должны быть исключением или правилом, должна ли быть такая традиция, должен ли быть фонд личных коллекций профессоров университета — фонд духовного развития университета?

Б. Д. Бабаев

Дело в востребованности. Мне очень много приходится работать с аспирантами, студентами и даже людьми среднего поколения, которые жили в советскую эпоху, но мировоззренчески сформировались в рыночное время. Эти люди очень сильно отличаются от тех людей, которых я представляю как старый русский интеллигент советского пошива. Гораздо старше меня был Николай Павлович, тоже русский интеллигент и тоже советского покроя. Но дело заключается в том, в какой степени тот же Николай Павлович может быть образцом в современных условиях. В наше время, когда молодежь очень аполитична, конечно, такие образы очень нужны. Я тоже очень хорошо помню Павла Вячеславовича Куприяновского. Его отличало качество, которое я очень просто назову, — высокий профессионализм. Он как-то сухо говорил. Я помню, как-то слушал его суждения, лекцию, делал записи, а затем с ними ознакомился после его лекции и нашел, что это очень глубокие суждения. Если мы хотим пропагандировать профессионализм, то, конечно, Павел Вячеславович и Николай Павлович в этом качестве тоже, наверное, образцы. Если мы находим в людях черты, которые полезно пропагандировать в современной жизни, тогда такие мероприятия достаточно интересны и любопытны.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ПОРТНОВА

Философская и научная жизнь страны складывается не в неких абстрактных интеллектуальных пространствах, а во вполне конкретных сообществах, связанных нередко с региональными образовательными центрами. В свою очередь, многие из таких центров имеют своего лидера, чья профессиональная деятельность, деловые и человеческие качества в существенной степени определяют лицо данного философского сообщества.

В Ивановском регионе таким бесспорным лидером 1990-х и 2000-х был профессор, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета Александр Николаевич Портнов. Его многолетнее служение философии, его зримое и весомое присутствие, участие в каждом скольконибудь значимом событии интеллектуального порядка стали настолько привычными, что многие его коллеги долго не могли и не хотели верить тому, что Александра Николаевича уже нет с нами. Известное выражение: «Какая глыба, какой матерый человечище» — как нельзя лучше характеризует и Александра Николаевича, ведь в ряде сложных ситуаций именно он был для многих опорой, был тем человеком, к которому обращались с последней надеждой разрешить научную, философскую проблему, апеллируя к его эрудиции, авторитету, опыту. Широкая эрудиция, владение несколькими европейскими языками, душевная и интеллектуальная открытость новому делали его признанным лидером регионального интеллектуального пространства, и здесь в сфере Чистого Разума он поистине царил.

Когда говорят о достижениях того или иного исследователя в области философии, то обычно стараются назвать, перечислить введенные им в науч-

но-философский оборот идеи, представления, понятия, концепты. Но есть особый тип мыслителей, значимость творческой деятельности которых связана не столько с тем, чтобы ввести что-то новое и жестко дифференцированное от прежнего философского контекста, сколько с их способностью по-новому представить сам этот контекст, причем представить целостно, в живой связи главных его составляющих. В наше время «информационного хаоса» и «накопления означающих» такого рода деятельность приобретает особое значение «исцеляющего» характера, если рассматривать слово исцеление как происходящее от слова «целый». Вот таким цельным был философский взгляд на мир Александра Николаевича Портнова. Его поразительная память хранила бесконечное количество подробностей и обобщений. Казалось, нет тем и проблем, по которым он не мог бы высказать вполне компетентное мнение. Он являлся крупным специалистом в области философии сознания и языка, семиотики, философской антропологии, был блестящим переводчиком и исследователем немецкой философии XX—XXI вв. Круг научных интересов Александра Николаевича охватывал также проблемы психолингвистики, уровней организации семиотических механизмов сознания, включая когнитивные исследования и т. д. Он является автором множества статей и получивших широкую известность монографий. Все это всегда привлекало к нему учеников, молодых исследователей, ведь он никогда не ограничивал их в тематике, в любом случае выступая компетентным консультантом и научным руководителем. Десять докторов наук и девять кандидатов наук, подготовленных Александром Николаевичем Портновым, продолжают трудиться в самых разных областях философского знания и всегда будут помнить о «неспешных разговорах» с их Учителем.

В Иванове продолжает свою работу ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной когнитивной науки», начавшаяся по инициативе А. Н. Портнова, первого председателя ее оргкомитета. Он с интересом относился к деятельности Ивановского регионального отделения Научного совета по методологии искусственного интеллекта при Российской академии наук (НСМИИ РАН). Достаточно вспомнить дискуссии и разговоры на круглом столе, завершившие серию выступлений сопредседателя Центрального совета НСМИИ РАН, главного научного сотрудника Института философии РАН Д. И. Дубровского, где каждое компетентное весомое высказывание заведующего кафедрой философии ИвГУ не просто ожидалось, но и воспринималось как неотъемлемая составляющая всех мотивов того разговора. Так получилось, что это событие 16 апреля 2010 г. стало последним публичным научным мероприятием, в котором участвовал А. Н. Портнов. Оставшиеся фотографии зафиксировали усталое и даже отрешенное выражение его лица, лица человека, глубоко погруженного в себя.

Последние десятилетия поистине были «эпохой Портнова» для нашего философского сообщества. Думаем, эта эпоха не закончилась. У Александра Николаевича осталось много незавершенных работ. Среди них — аналитические работы по философской антропологии XX века, переводы М. Бубера, К. Ясперса, Л. Клагеса, А. Гелена и др. Многие из них остались в незавершенном состоянии. Мы обязаны сделать все возможное, чтобы его статьи, книги вышли, чтобы диалог с думающим читателем продолжался.

Коллеги

АННОТАЦИИ

И. В. Дмитревская

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО НООСФЕРЫ

Коммуникативное пространство ноосферы рассматривается как вид лично-относительного информационного пространства общения и понимания. Инструментом анализа служит методология системного подхода.

Ключевые слова: система, концепт, структура, субстрат, ноосфера, личностное коммуникативное пространство общения и понимания.

Д. Г. Смирнов

ЖИВАЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

(по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова)

Представлена попытка реконструкции истоков концепции «ноосферной истории» в контексте региональной философской традиции. Раскрываются принципы разворачивания живой ноосферной истории и закон ее организации. Рассматриваются основные пути преодоления «прокрустовы ложа» истматовской теории и осмысления истории человечества как истории человеческой мысли.

Ключевые слова: живая ноосферная история, история человеческой мысли, биосферно-материалистическое понимание ноосферной истории.

М. В. Жульков

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ, СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА И КОЛЛЕКТИВНОГО РАЗУМА В ТРУДАХ Н. П. АНТОНОВА

Рассматриваются проблемы сознания и ноосферы, представленные в трудах Н. П. Антонова. В контексте теории коллективного разума анализируются положения Н. П. Антонова об активной роли сознания, субъективного фактора в процессах преодоления экологического кризиса, оптимизации взаимоотношений общества и природы.

Ключевые слова: субъективный фактор, коллективный разум, общественное сознание, биосфера, ноосфера, сферный подход, гармонизация отношений природы и общества.

О. С. Разов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ НООСФЕРЫ

Рассматриваются аспекты взаимодействия информационных и ноосферных характеристик эволюции общества, особенности функционирования механизмов информационного развития социума, системные свойства возникающих в процессе эволюции социальных и цивилизационных информационных структур.

Ключевые слова: ноосфера, инфосфера, информация, коммуникации.

И. Ф. Нагнибида

КРИЗИС ЭКСПАНСИОНИЗМА КАК ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ НООСФЕРЫ

Рассматриваются особенности возникновения кризисных явлений на этапе становления ноосферной среды, проводится анализ их возможных причин, формируются вероятные прогнозы дальнейшего развития и становления ноосферы.

Ключевые слова: ноосфера, экспансионизм, культура, автохтонность.

А. В. Брагин

ПРОБЛЕМА «МАССЫ РАЗУМА» И УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена представлению и обоснованию гипотезы «массы Разума», созданной на основе экстраполяции мысли В. И. Вернадского о константности массы живого вещества на сферу сознания как высшего выражения Жизни. Она позволяет ответить на многие неразрешенные вопросы науки и философии, в частности на вопрос о причинах сосуществования взаимоисключающих явлений — роста энтропии во Вселенной и наличия в ней эволюции, прогресса.

Ключевые слова: «масса Разума», Мир, вселенная, энтропия, устойчивое развитие.

С. М. Усманов

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАТАСТРОФА И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ДИАЛОГАХ С. Н. БУЛГАКОВА «НА ПИРУ БОГОВ»

Автор изучает основные идеи С. Н. Булгакова и его прогнозы о будущем России в диалогах «На пиру богов». Значительное место в статье занимает рассмотрение проблем устойчивого развития. Автор учитывает соображения и оценки исследователей по данной проблематике.

Ключевые слова: революционная катастрофа, устойчивое развитие, русская интеллигенция, русский народ.

Е. А. Карнаева

ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ РФ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Рассматриваются проблемы претворения в жизнь концепции устойчивого развития, появившейся в связи с переходом человечества от стихийного развития к сознательно урегулированному. Анализируются существующие подходы к определению понятия устойчивого развития и возможности их практической реализации. Рассматривается Конституция РФ как основа для построения модели устойчивого развития страны.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, права человека, правовой потенциал, Конституция РФ.

Г. С. Смирнов

НООСФЕРА В ВЕК ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ

Анализируется проблема формирования глобального катастрофического сознания, а также трансформация глобалистского сознания от доминирования философии универсального эволюционизма и стратегии устойчивого развития во второй половине XX века к преобладанию синергетизма, философии универсального катастрофизма и стратегии катастрофического развития, характерных для эпохи вхождения человечества в третье тысячелетие.

Ключевые слова: ноосферное развитие, теория катастроф, глобальное катастрофическое сознание, универсальный катастрофизм, национальная и личностная модели бытия и сознания в век глобальных катастроф.

SUMMARIES

I. V. Dmitrevskaya

COMMUNICATIVE SPACE OF NOOSPHERE

The communicative space of noosphere as a kind of personal-painted information field of dialogue and understanding is considered through a methodology of the system approach.

Key words: system, concept, structure, substratum, noosphere, personal communicative space of dialogue and understanding.

D. G. Smirnov

ALIVE NOOSPHERIC HISTORY

(reading the «Philosophical fragments» of N. P. Antonov)

The paper represents an attempt of the «noospheric history» theory sources reconstruction in a context of the regional philosophical tradition. The principles of «alive noospheric history» unfolding and the law of its organization are revealed. The basic ways of overcoming the history-materialistic theory and understanding of history of the mankind as history of the human thought are considered.

Key words: alive noospheric history, the mankind thought history, biospheric-materialistic understanding of the noospheric history.

M. V. Zhulkov

PROBLEMS OF CONSCIOUSNESS, SUBJECTIVE FACTOR AND COLLECTIVE MIND IN WORKS OF N. P. ANTONOV

The paper deals with the problems of consciousness and noosphere, discovered in the works of N. P. Antonov. The statement about an active role of consciousness and subjective factor in overcoming the ecological crisis in the process of optimizing the relationship between society and nature is analyzed in the context of collective mind theory.

Key words: subjective factor, collective mind, social consciousness, biosphere, noosphere, spheric approach, harmonization of the interaction between nature and society.

O. S. Razov

INFORMATIONAL NOOSPHERE EVOLUTION ASPECTS

The article deals with informational noosphere evolution aspects. The correlation between informational and noospheric characteristics of social evolution is analyzed. System and informational properties of noosphere evolution are discussed.

Key words: noosphere, infosphere, information, communication.

I. F. Nagnibida

THE CRISIS OF EXPANSIONISM IN THE EVOLUTION OF THE NOOSPHERE

The article discusses the features of the crisis in a developing noosphere environment, analyzes the possible reasons for their occurrence and probable forecasts of further development and formation of the noosphere.

Key words: noosphere, expansionism, culture, indigenous.

A. V. Bragin

PROBLEM THE MASS OF REASON AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article is devoted to performance and substantiation of a hypothesis «mass of Reason», idea, built on the basis of an extrapolation, V. I. Vernadski about the constant of mass of living material on an orb of consciousness as maximum expression of Life. Allows answering many unresolved problems of science and philosophy, in particular on a problem on the causes of coexistence of alternative phenomena — growth of entropy in the Universe and presence in her to evolution, progress.

Key words: «mass of Reason», World, universe, entropy, «sustainable development».

Usmanov S. M.

REVOLUTIONARY CATASTROPHE AND PERSPECTIVES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE DIALOGUES BY S. N. BULGAKOV «ON THE GODS' FEAST»

The author studies basic ideas by S. N. Bulgakov and his predictions concerning Russia's future in the dialogues «On the Gods' Feast». Considerable attention in the article is given to the problem of sustainable development. The author takes into account the considerations and evaluations of the researchers concerning the given problem.

Key words: revolutionary catastrophe, sustainable development, Russian intelligentsia, Russian people.

E. A. Karnaeva

**LEGAL POTENTIAL OF THE CONSTITUTION OF THE RF
AS THE BASIS FOR THE ELABORATION
OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT**

The problem of implementation of the sustainable development concept, which appeared in connection with transition of the mankind from spontaneous to consciously regulated development, is studied in the article. The existing approaches to the definition of the notion «Sustainable development» and the possibilities of their practical realization are analyzed in the article. The Constitution of the RF is considered as the basis for the elaboration of the country's sustainable development model.

Ключевые слова: sustainable development concept, human rights, legal potential, Constitution of the RF.

G. S. Smirnov

NOOSPHERE IN A GLOBAL CATASTROPHES CENTURY

The paper deals with the problem of the global catastrophic consciousness formation, transformation of globalistics consciousnesses from domination of universal evolutionism philosophy and sustainable development strategy in the second half of the XX century to prevalence of synergetism, universal catastrophism philosophy and strategy of catastrophic development, which characterize an epoch of the mankind occurrence in the next millennium.

Key words: noospheric development, the theory of catastrophes, global catastrophic consciousness, universal catastrophism, national and personal existence and consciousness models in a global catastrophes century.

Сведения об авторах

БРАГИН Андрей Витальевич доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный энергетический университет.
E-mail: anvibr@mail.ru

ДМИТРЕВСКАЯ Ирина Владимировна доктор философских наук, профессор, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия.
E-mail: dissovet_212@mail.ru

ЖУЛЬКОВ Михаил Вячеславович аспирант кафедры философии, старший преподаватель, Ивановский государственный университет.
E-mail: mzh1@mail.ru

КАРНАЕВА Елена Александровна студентка 3-го курса юридического факультета, Ивановский государственный университет.
E-mail: elen-kern@list.ru

НАГНИБИДА Игорь Федорович аспирант кафедры философии Ивановского государственного университета, зам. директора по экономике и финансам ЗАО «Измерительная техника».
E-mail: nagnibida@mail.ru

РАЗОВ Олег Станиславович кандидат философских наук, зам. начальника ОТК и СС ГУ БР по Ивановской области.
E-mail: razoff@mail.ru

СМИРНОВ Григорий Станиславович доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет.
E-mail: gssmirnov@mail.ru

СМИРНОВ Дмитрий Григорьевич кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет.
E-mail: dissovet_212@mail.ru

УСМАНОВ Сергей Михайлович доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории, Ивановский государственный университет.
ilapsi@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.